

RUDOLF STEINER

Die soziale Frage

Sechs Vorträge, gehalten in Zürich
vom 3. Februar bis 8. März 1919
und 8. April 1921

GA 328

1977
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Социальный вопрос

Шесть лекций, прочитанных в Цюрихе
с 3 февраля по 8 марта 1919 года
и 8 апреля 1921 года

GA 328

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2023 год

1999
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 3 февраля 1919 года

Действительный вид социального вопроса, выведенный из жизненных нужд современного человечества на основании духовно-научного исследования.

Невысказанное в социальной воле современности. О происхождении пролетарского движения. Проблема причины и следствия. Пролетарское классовое сознание как вопрос человеческого сознания. Идеологический характер науки, искусства и религии для пролетариев. Противоречия в пролетарском движении. К трёхчленности социального организма.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 5 февраля 1919 года

Требуемые жизнью, соответствующие действительности попытки решения социальных вопросов на основе духовно-научного понимания жизни.

Человеческий и социальный организмы в сравнении. Критика аналогии. Структурные особенности трёхчленного социального организма. Относительно собственной закономерности духовной, правовой и экономической жизни. Аргументы против централизма общественных функциональных областей. Значение свободы, равенства и братства для социального организма. Перспективы для социального обновления.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 10 февраля 1919 года

Мечтательная духовность и реальное понимание жизни в социальном мышлении и волеии.

Сущность и значение пролетарского мировоззрения в ходе развития человечества. Значение духовно-научного понимания мира для формирования социальной действительности. Социальные утопии и мечтательная духовность. Критика государственного монополизма в духовной и культурной жизни. О товарном характере человеческой рабочей силы — критические замечания к Карлу Марксу.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 12 февраля 1919 года

Развитие социального мышления и волеии, и состояние жизни современного человечества.

Два течения социального мышления и волеии. О национал-экономическом мышлении физиократов. Отношение между правовой и экономической жизнью. Задачи правовой жизни. Мысли об основном социальном законе. Частное и уголовное право как составляющие духовной жизни. Вопросы современности с точки зрения социальной трёхчленности.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ, 25 февраля 1919 года

Социальное волеие как основа нового научного порядка.

О предрассудке возможности формировать что-то живое из абстрактного. Вопрос о человеческом достоинстве в мышлении нового времени. Разгосударствление как сила, указывающая направление социального преобразования. О существовании человеческой рабочей силы и необходимости изменения её товарного характера. Социальное волеизъявление и социальная действительность.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ, 8 марта 1919 года

Какой смысл имеет работа современных пролетариев?

Значение современной цивилизации для развития человечества. Функция государства с точки зрения правящих классов. О месте человеческой рабочей силы в здоровом социальном организме. Наука и пролетариат. Принцип ассоциаций как основа соответствующего времени экономического порядка. О необходимости трёхчленности социального организма. Заключительное слово после дискуссии.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 3 февраля 1919 года

Действительный вид социального вопроса, выведенный из жизненных нужд современного человечества на основании духовно-научного исследования

То, что входит сегодня в слово «социальный вопрос», есть то, что интенсивно занимало мыслящее человечество на протяжении десятилетий, занимало потому, что сегодня этот социальный вопрос, можно сказать, стал не только актуальным, но и жгучим для развития человечества. Однако, как раз, на то, что называется социальным вопросом, и связанным с ним человеческим движением непосредственного настоящего, особенно бросила свой мрачный свет страшная военная катастрофа, постигшая человечество в последние годы. Поскольку я должен поместить социальную загадку во всё историческое движение нового времени, в следующих лекциях мне придётся говорить о разных вещах, связанных с причиной и ходом этой страшной военной катастрофы. В этой вводной части я хотел бы указать только на то, как уже в исходной точке войны силы социального вопроса проявились в тех эмоциях страха, которые можно было явственно воспринять у тех, кто стоял в этой исходной точке. Конечно, в 1914-ом году многое было бы иначе, если бы те, кто тут или там должен был принимать важные решения, не находились под влиянием этого страха: Что должно случиться, если социальное движение будет развиваться всё дальше и дальше? Многое из того, что произошло в этой, так называемой, войне, произошло из-за страха, с одной стороны, и из-за полного непонимания некоторыми ведущими деятелями социального вопроса, с другой стороны. Если бы не было этого страха и этого непонимания, многое сложилось бы иначе. И в ходе войны, в свою очередь, мы видим, как личности, действующие в социальном движении, пробуждают в себе и других надежды на возможность сглаживания дисгармонии, которая таким ужасным образом вторглась в человеческую жизнь. И теперь, когда эти трагические события разрешились в своего рода кризисе, мы видим, как, особенно в побеждённых странах, в качестве результата осталась насущная необходимость занять позицию по отношению к социальному вопросу, заняться тем, что выступает в истории как социальные требования.

Уже из всего этого, тот, кто осмысленно охватывает современную жизнь, кто хотя бы имеет какую-то склонность познакомиться с привычками современной жизни, может увидеть, как в социальном вопросе, как раз, сейчас появляется нечто такое, с чем все члены человеческого общества должны долго, очень долго, заниматься. И, как раз, в этот момент, когда, как уже было сказано, жизнь в побеждённых странах требует попыток разрешения социального вопроса, что-то вроде трагизма нависает над большей частью цивилизованного человечества.

Если окинуть взглядом духовную работу, литературу и всё прочее, что в продолжении многих десятилетий появлялось в рамках обсуждений, дискуссий, устремлений относительно социального вопроса, то это, ведь, представляет собой неизмеримую человеческую работу, человеческую мыслительную работу. Но никогда социальные проблемы не вставали перед человеком так живо, как сегодня. Сегодня сама жизнь показывает то, что выступает как социальные требования. Выглядит так, будто не смотря на все усилия, на интенсивное мышление, не смотря на всю волю, которая проявилась в последние десятилетия, то, что сформировалось в виде способностей, всё же оказалось совершенно недостаточным, чтобы справиться с социальным вопросом так, как он в своём истинном виде ставится сегодня жизнью перед человеческой душой. Это, как нечто ужасно трагическое, ложится на устремления современного человечества. Нечто, к чему надо было так долго готовиться, похоже, как раз, тех, о ком хотелось бы думать, что они задают тон, застаёт совершенно неподготовленными.

Тот, кто в последние десятилетия занимался социальным вопросом не с точки зрения теоретической науки, исходя не только из понятий, а также не из односторонних партийных взглядов, тот мог обнаружить, что самые сильные противоречия в жизни всегда выступали именно в этой области. И, пожалуй, одно из самых достойных внимания противоречий, выступающих сегодня в области социальной жизни, представляет собой следующее. Много обсуждалось, о многом можно было прочесть у людей, самой жизнью поставленных в современное социальное движение. Повсюду, находясь, скажем, именно в центре дискуссии, в центре самой воли современного рабочего класса, всюду чувствовалось: Да, многое обсуждается, говорится о многих вопросах, о всяких жизненных силах. Наблюдается попытка дать направление тому или иному импульсу. Но в том, что можно было бы назвать социальным волеием, лежит ещё нечто совсем, совсем другое, чем то, о чём там говорится. Едва ли по отношению к какому-либо жизненному явлению можно было иметь такое отчётливое чувство: Более или менее подсознательное, невысказанное, играет здесь гораздо большую роль, чем то, что кажущимся образом вложено в ясные понятия, в трезвые дискуссии. И здесь находится пункт, где можно найти опору для того, чтобы не отчаиваться в попытках, как раз, с определенной точки зрения подойти к социальным загадкам.

Ведь, и здесь, в Цюрихе, и в других городах Швейцарии мне уже часто было позволено говорить, как раз, о вопросах духовной науки. С точки зрения этого духовно-научного исследования я тоже десятилетиями пытался подойти к социальным загадкам. Если послушать сегодня многих из тех, кто воображает себя практиком, то определённо можно отчаяться в возможности добиться чего-либо, способного к прорастанию, для соответствующих вопросов с точки зрения простого духовного исследования. Но именно то, что полно противоречий в устремлениях в рамках социальной жизни, на что я указал, - именно это снова сметает это отчаяние прочь. Поскольку видно, как видные деятели в социальном движении смеются, когда речь заходит о том, что кто-то хочет внести какой-то вклад в решение социального вопроса через то или иное духовное устремление; они осмеивают это как идеологию, как пустую теорию. Исходя только из мысли, только из одной духовной жизни, полагают они, определённо нельзя внести какой-либо вклад в решение жгучих социальных вопросов современности. Но если присмотреться, то можно понять, что собственно нерв, собственный основной импульс современного, и особенно пролетарского, движения, заключается не в том, о чём говорят сегодняшние пролетарии, а, как раз, в их мыслях.

Современное пролетарское движение, как, возможно, никакое другое подобное движение в мире, - если присмотреться к нему поближе, это становится очевидным в самом высоком смысле - является движением, возникшее из мыслей. Я говорю это не просто как Арекси (остроумное замечание). Если мне будет позволено добавить личное замечание, я могу сказать: Я несколько лет проводил занятия в школе для рабочих¹ с пролетарскими рабочими самых разных отраслей. Я узнал, что живёт в душе современного пролетарского рабочего. Оттуда я познакомился с тем, чем живёт в профсоюзах различных профессий и профессиональных направлений. Так что то, что я хочу сказать, говорится не просто с точки зрения теоретических размышлений, как Арекси, а как результат действительного жизненного опыта.

Всякий, - что, к сожалению, редко случается с ведущими интеллектуалами, - кто знаком с современным рабочим движением там, где оно поддерживается самими рабочими, знает, какой это замечательный феномен, который заключается в том, что известное направление

¹ С 1899 по 1904 год Рудольф Штайнер был учителем в рабочей школе в Берлине, основанной в 1891 году социал-демократом Вильгельмом Либкнехтом, с 1826 по 1900 год сначала по предметам истории и речевой практики, а затем и по естественным наукам. См. также Рудольф Штайнер, "Mein Lebensgang", полное издание Dornach 1962, GA 28, глава XXVIII, и Рудольф Штайнер, «Письма 1892-1902», Дорнах, 1953, а также Йоханна Мюкке/Альвин Рудольф (Johanna Mücke/Alwin Rudolph), «Воспоминания о Рудольфе Штайнере и его работе в рабочей школе в Берлине, 1899-1904», Базель 1955.

мысли, определенное мысленное течение самым интенсивным образом воздействует на душу, как раз, таких людей.

Ведь, именно это делает сегодня таким трудным занятие позицию в отношении социальных загадок, поскольку существует так мало возможностей для понимания, для взаимопонимания между классами. Буржуазным классам сегодня трудно проникнуть в душу пролетариата, трудно понять, как, я бы сказал, ещё в недекадентской интеллигенции, в элементарной интеллигенции, смогла укорениться такая, - как бы мы не относились к её содержанию — такая, предъявляющая самые высокие требования к человеческому мышлению система, как, например, система мышления Карла Маркса.

Определённо, систему мышления Карла Маркса один может принять, другой — опровергнуть, причём первое, возможно, по тем же причинам, что и второе. Она могла бы быть проверенной теми, кто продолжает изучать общественную жизнь после смерти Маркса и его друга Энгельса. О содержании этой системы, этой системы мышления, я вообще не хочу говорить. Это кажется мне наименее важным. Самым значительным кажется мне то, что налицо факт: Внутри самого рабочего движения, внутри пролетарского мира в качестве мощнейшего импульса действует некая мыслительная система. Это можно высказать даже так: Никакое практическое движение, никакое чисто жизненное движение, содержащее в себе самые повседневные человеческие требования, никогда ещё не стояло на таком почти исключительно чисто научном, мыслительном основании, как это современное пролетарское движение. Оно является, как бы, первым подобным движением в мире, которое полностью опирается на чисто научное основание. Тем не менее, если, в свою очередь, взять всё то, - я уже указывал на это, - что современный пролетарий может сказать о своём собственном мнении, желании и ощущении, то это проницательному наблюдателю жизни покажется совсем не важным.

Далее, уже многие очень остроумным образом показали, как это современное пролетарское социальное движение возникло, исходя из развития человечества последних столетий. Остроумно было показано, как, особенно благодаря развитию современной техники, благодаря развитию современного машиностроения, был создан пролетариат в современном его понимании, и как, благодаря мощному экономическому рывку нового времени, возник современный социальный вопрос. То, что таким остроумным образом говорили об этом возникновении социального вопроса другие, я здесь повторять не хочу. Но мне кажется необходимым указать, как раз, на то, что в этом современном пролетарском движении характеризует имеющиеся жизненные противоречия. Определённо, это верно, что без мощного переворота, без технической революции нового времени, современное социальное движение не смогло бы приобрести тот вид, который оно приобрело сейчас. Но как бы интенсивно не утверждалось, что то, что проявляется сегодня в социальной жизни получилось, исходя просто из экономических импульсов, из экономических сил, из классовых противоречий, из классовой борьбы, - перед проницательным душевным наблюдением современного пролетариата, утверждение, что в игре при этом участвуют только экономические противоречия, только экономические силы, не выдерживает никакой критики. Как раз, тому, кто привык, исходя из духовной науки, смотреть на тонкости и интимности душевной жизни, которые носитель этой душевной жизни часто сам не сознаёт, тому ясно, что существенным в формировании сегодняшнего социального вопроса является не то, что сформировалось техническим, экономическим образом, а существенным является тот факт, что, исходя из совершенно других жизненных обстоятельств, определённые люди были приставлены к работе машины по принципу крупно капиталистического производства, и что, благодаря этому помещению в него людей, в этих людях пробудилось нечто такое, что не имеет прямого отношения к тому, что их окружает экономически и в чём они участвуют экономически. То, что тогда пробудилось, больше связано с глубочайшими жизненными привычками современного человечества.

Тот, кто рассматривает историю лишь так, как это теперь хочет делать социалистическая наука нового времени, где говорится, что последующее должно выходить из предыдущего,

что всякое действие имеет причину, тот не учитывает, что в живой действительности существуют изменяющие силы (Wandelkräfte), преобразующие силы, которые простое отношение причины и следствия, - я бы сказал, трезвое, сухое отношение причины и следствия, - в определённых пунктах этого развития организуют революционным образом.

Взглянем на развитие отдельного человека. Мы можем проследить его, если можно так сказать, сукцессивно², например, от рождения до примерно семилетнего возраста, когда начинается смена зубов. Тут происходит настоящая революция в развитии человеческого организма³. Взгляните, что происходит, как раз, в этот период жизни. Это не просто какое-нибудь прямолинейное отношение причины и следствия. Затем, с седьмого до приблизительно четырнадцатого-пятнадцатого года жизни, снова можно проследивать прямолинейное причинно-следственное развитие. Но затем снова следует революционное формообразование в человеческом организме при половом созревании. Менее заметны такие преобразования позднее, но они тоже происходят. В индивидуальной человеческой жизни разыгрываются такие вещи, которые разрушают постоянно повторяемые удобные, но совершенно неверные слова о том, что природа не делает скачков, такие скачки бывают как в индивидуальном организме, так и в историческом развитии человечества. Просто в рамках того времени, которое можно ограничить серединой 14-го, 15-го столетий и до наших дней, и которое ещё будет продолжаться, мощные процессы трансформации разыгрываются в самом человеческом сознании.

Подобно тому, как отдельный человеческий организм, достигнув половой зрелости, в определенном направлении становится чем-то другим, нежели он был прежде, так и человеческий общественный организм становится чем-то другим после проявления элементарных, основополагающих, не обнаруживающихся в пределах просто прямой линии причины и следствия импульсов. Кто в состоянии более внимательно наблюдать историческую жизнь, тот знает, что то, что в этот период в человечестве полностью вступает в сознание, что должно быть воспринято полным сознанием, до этого периода времени совершалось инстинктивно. Поэтому социальное движение в это время, для которого оно особенно характерно, принимает ту форму, которая появляется под часто употребляемым, но недостаточно характеризующим её словом: пролетарское классовое сознание. Когда вы слышите эти слова «пролетарское классовое сознание», необходимо обращать внимание не столько на то, что они указывают на необходимость борьбы с другими классами, в которую пролетариат считает себя вовлечённым, сколько на то, что нечто вошло в души пролетариата в тот период, когда господствующие ранее социальные инстинкты, преобразовались в социальное сознание. Ранее существовали классовые инстинкты. Теперь в основании социального движения лежит классовое сознание.

Это классовое сознание является, я бы сказал, лишь поверхностным обозначением, если брать эту формулировку серьёзно: пролетарское классовое сознание. То, что скрывается за этими словами «пролетарское классовое сознание», это нечто совсем другое. И если необходимо кратко охарактеризовать важный факт, то этот факт можно, пожалуй, охарактеризовать так: в основе старых профессиональных отношений, как они нашли своё выражение, например, в старых ремёслах или в других профессиях, лежали определённые социальные инстинкты, которые освещали человеческие души, который жили в душе человека. Эти инстинкты могли действовать так, что образовывали определённую личную связь между тем, что человек думает, чувствует и хочет, что он считает своей честью, своей радостью, своей эстетической потребностью. Сама работа давала человеку нечто для всех этих вещей.

Когда же человек был приставлен к машине, когда он был вставлен в полностью безличный механизм современного капитализма, где он не получает больше таким ясным и

² Sukzessive — последовательно, шаг за шагом, незаметно (прим. пер.)

³ См. Рудольф Штайнер, «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки» (1907), в: «Luzifer-Gnosis. Фундаментальные очерки по антропософии и сообщения из журналов <Люцифер> и <Люцифер-Гнозис> 1903-1908», Полное издание Дорнах 1960, Библ.-№34.

понятным образом вознаграждение за продукт своего труда, а где существенным является увеличение капитала за счёт капитала, то есть, когда человек был вставлен, с одной стороны, в машинный механизм, а, с другой стороны, в современный капитализм с его экономическим порядком, тогда он оказался вырванным из тех мировых и жизненных отношений, которые давали ему что-то для его личного, - для его личной радости, для его личной чести, для его личных волевых импульсов. Он был поставлен, как бы, на вершину своей личности, рядом с машиной, в рамках чисто объективного, безличного обращения товаров и капитала, которые, по сути, никак не касаются его лично-человечески. Но человеческая душа всегда хочет действовать, как бы, полностью, всегда хочет развёртываться в полном объёме. И, таким образом, рабочий, который был вырван из охарактеризованных выше других жизненных отношений, который был вставлен в отношения, вырванные из полностью живой человечности, был вынужден размышлять о своём человеческом достоинстве, был вынужден возвращать себе ощущение человеческого достоинства.

Поэтому за тем, что называют пролетарским классовым сознанием, в действительности скрывается в современном историческом развитии начало рассвета, начало сияния полного, черпаемого из самой человеческой души, человеческого сознания. Это направление сознания на вопрос: Что я такое как человек? - на вопрос: Что я значу в мире как человек? - вот что должен ощущать тот, кто как пролетарий был поставлен рядом с отрицающей человека машиной, рядом с отрицающим человека капиталом.

Тут я полагаю, всё рассмотрение социального вопроса ставится в иную плоскость, если принять во внимание, что если прочие люди были приведены в современное сознание из старых инстинктов, более или менее, исходя из жизненных обстоятельств, не принеся с собой что-либо радикально революционного, то современные пролетарий был приведён к сознательному взгляду на самого себя из ранее просто инстинктивного понимания человеческого достоинства и социального положения отдельного человека в человеческом обществе самым радикальным образом.

Это вхождение человеческого сознания в душу пролетариата совпало со многим другим, что происходило в человеческой эволюции. Оно совпало с определённой степенью человеческого мышления, с определённой степенью человеческого развития. Ведь, по сути, историческое развитие человечества знают сегодня очень плохо. Поскольку это историческое развитие человечества всегда в основном представляется тенденциозно, с той или иной стороны. Тому, кто смотрит на развитие человечества непредвзято, часто представляется нечто совсем иное, нежели то, что можно сказать об этом развитии человечества обычно. Так, можно также сказать: Тот, кто смотрит сегодня на то, что в настоящее время пользуется наибольшим авторитетом, науку, знает, что даже то, что, как бы, доказано с абсолютной объективностью, тоже, ведь, из чего-то вышло, развилось, и явно несёт в себе признаки того, что оно, в свою очередь, тоже примет другие формы. Если взглянуть на эту науку с её блестящими методами, с её бесконечно добросовестными способами исследования, на эту науку, которая особенно приспособлена, как раз, для проникновения в природу и её проявления, то можно заметить: самое впечатляющее в ней из того, что она должна сказать, это то, что она, по сути, очень мало подходит для постижения самых глубоких, самых интимных человеческих чувств и ощущений, что она очень мало может сказать о том, что человек, собственно, хочет знать, когда он направляет своё внимание на самопознание и самопонимание. Наука тоже определённым образом оторвана от человека. Она больше не несёт в себе личного характера, и она также больше не говорит о том, чем в человеке является духовное, сверхчувственное, вечное. Если она об этом говорит, то она явно показывает, что тем образом, который сегодня в моде, она не соответствует сегодняшним методам и способам исследования.

От этой формы науки можно оглянуться назад, на те времена, когда в человеческом развитии жизнь ещё обнаруживала полную гармонию между религиозным пониманием мира, религиозным ощущением, и научным рассмотрением. Оба эти рассмотрения разошлись в разные стороны. То, что было единством, раскололось примерно в то же время, когда пришла

объективная революция, нашедшая свое выражение во времени машин и в современном капитализме. В то время, когда произошел этот экономический переворот, в это же время случилось так, что религиозное развитие захотело, как бы, не участвовать в том, что обнаружило научное развитие. Тогда, когда были осуждены Галилей и Джордано Бруно⁴, тогда ещё некоторым образом оставалось внутреннее ощущение и чувство того, что хочет говорить из человека о природе, о мире вообще. Человек утратил веру в то, что он может пронизать своё знание религиозным жаром, религиозным теплом. Сегодня гордятся тем, что можно уберечь науку от всего, что хочется приписать только религии. На то время, когда наука хотела всё более и более освобождаться от религии и духа, на это время приходится развитие пролетарского сознания, приходится захват человеческого сознания пролетариатом.

Этот пролетариат стремился к современному мышлению, к современному интеллекту, к постижению того, что может быть постигнуто человеческими духовными силами. Но он нашёл науку, у которой уже не было силы охватить и наполнить всё человеческое существо. И это придало душе современного пролетариата особую форму. Духовное сознание человечества, духовное сознание правящих классов, каким оно было в прежние времена, потеряло свою силу, дало человечеству более или менее подходящую для человеческих дел абстрактную науку. Таким образом души пролетариата видели поставленную перед ними в новое время науку, не пробуждающей надежду на то, что посредством неё может быть дано нечто такое, что как истинная внутренняя духовная действительность живёт во внешней чувственной и экономической деятельности. Такая наука предстала перед пролетариатом. И он в неё вжил. И так, из чисто духовных основ развития, в его душе возникло то, что сегодня принимается за само собой разумеющееся, за абсолютную истину, но что познаётся в своей истинной природе лишь тогда, когда обращаешь внимание на то, что происходит в душах людей. То, что больше всего поражает глубокого наблюдателя, так это то, как современный пролетарий говорит о непосредственно духовных вещах, об этике, морали, искусстве, религии, даже о науке в рамках человеческого развития, как он все эти вещи сводит к выражению идеологии. Это поражает глубже всего. Особенно глубоко поражает вера этого современного пролетариата в то, что всё, о чём думает человек, что он создаёт в виде искусства, что он ощущает религиозно, является, собственно, лишь созданной человеческой душой иллюзией, является идеологией. А настоящей действительностью является экономическая борьба, экономические процессы; они составляют действительность. То, что они, словно отблеск, отбрасывают в человеческую душу, - это духовное развитие человечества, это идеология. Это, в свою очередь, в лучшем случае, отражает некоторые импульсы в чисто материальную реальность экономических событий. Но даже если они снова проецируются на экономические события, они изначально выросли из этих экономических событий.

Эта позиция по отношению к духовной жизни, которая живёт в современном пролетарском вопросе, является гораздо более существенным, нежели обычно думают. И почему же, почему искусство, этика, нравственность, религия и прочая духовная жизнь современного пролетария стало идеологией? Поскольку от тех, кто раньше входил в правящие круги, он принял науку, которая больше не хочет поддерживать живую связь с действительным духовным миром, - науку, в которой отсутствует импульс, ведущий к действительной духовности. Такая наука, в лучшем случае, может привести к абстрактным понятиям в виде природных законов. Она также не может привести ни к чему другому, как к взгляду на духовное как на идеологию. Она производит методы, годные только для чисто объективной, нечеловеческой природы, а внутри человеческой жизни - только для происходящего экономически. Когда современному пролетарию пришлось принять это направление науки, его взор, словно властной суггестивной силой, был обращен на то, к чему

⁴ К духовно-научному историческому развитию на рубеже Нового времени, как его представителей, помимо Галилея, 1564-1642, и Джордано Бруно, 1548-1600, можно назвать Коперника, 1473-1543, Кеплера, 1571-1630, и Фрэнсиса Бэкона, 1561-1626, которых Рудольф Штайнер подробно характеризует в своей работе «Загадки философии» (1914), полное издание Дорнах 1968, библиография №18.

он может быть обращён только посредством такой науки, - на экономическую жизнь. И он стал верить, что эта экономическая жизнь есть единственная реальность, а правда состоит в том, что то, что передали ему классы буржуазии как науку, может быть направлено только на экономическую жизнь. И он начал верить в то, что эта экономическая жизнь является единственной реальностью, в то время как истина состоит в том, что то, что было передано ему буржуазными классами как наука, может направляться единственно и только на экономическую жизнь.

Но это было чудовищно решающим, поскольку это дало современному пролетарскому движению его собственный характерный импульс. Можно видеть, что старое инстинктивное присутствие в этом пролетарском движении ещё даже вплоть до последних десятилетий 19-го столетия. В отдельных пролетарских программах⁵ ещё можно было найти пункты, где говорится об осознании человеческого достоинства, о требовании прав, ведущих к такому истинному человеческому достоинству. Однако, начиная с девяностых годов под влиянием импульсов, о которых я только что говорил, мы видим, как взгляд пролетария и его ученых поборников, словно властной суггестивной силой, был направлен только на экономическую жизнь.

И теперь он уже не верит, что толчок к тому, что с необходимостью должно выступить в области социального движения, может лежать в чём-то духовном или душевном. Он верит в то, что только посредством развития бездуховной, бездушной экономической жизни можно прийти к состоянию, которое он ощущает как достойное человека. Поэтому его взор был направлен на то, чтобы переустроить саму экономическую жизнь так, чтобы свести на нет весь ущерб, причиняемый ему частным предпринимательством, эгоизмом отдельных предпринимателей и невозможностью отдельного работодателя удовлетворить требования, касающиеся его человеческого достоинства. И так пролетарий стал видеть единственное спасение в передаче всей частной собственности на средства производства в общественное пользование, или даже в общественную собственность. При этом в основании лежит то, что могло получиться только в том случае, если, так сказать, отвести свой взор от всего душевного и духовного, если духовное превратить в чистую идеологию, если иметь метод, - и основываться на нём как на чисто научном, - который может быть направлен всё же только на чисто экономический процесс.

Но тут обнаруживается весьма примечательный факт, показывающий, как много противоречивого лежит в этом современном пролетарском движении. Современный пролетарий верит, что экономика, сама экономическая жизнь должна развиваться так, что, в конце концов, она станет для него человечески полноправной. За это человеческое полноправие, как он его видит, он борется. Но в пределах его устремления выступает нечто такое, что никогда не может появиться как следствие одной лишь экономической жизни. И это важнейший, настойчиво говорящий факт, - что в самом центре различных форм социального вопроса, вытекающих из жизненных потребностей современного человечества, лежит нечто, что, как полагают, возникает из самой экономической жизни, но что никогда не может возникнуть только из экономической жизни, а что лежит скорее на прямой линии

⁵ Здесь имеются в виду:

Программа Эйзенаха, составленная в августе 1869 года по случаю основания В. Либкнехтом и А. Бебелем «Социал-демократической рабочей партии»; Готская программа мая 1875 года по случаю слияния этой «рабочей партии» с «Всеобщей союз немецких рабочих», который был примерно так же силён и был основана Лассалем в мае 1863 года, и Эрфуртская программа октября 1891 года, под редакцией Каутского, по случаю реорганизации «Социал-демократической партии Германии» и введения её в состав созданного двумя годами ранее «Второго Интернационала». Если первые две программы ещё определялись лассальским мирным путем решения социального вопроса с помощью государства, в центре внимания которого были требования отмены существующей структуры заработной платы и создания политического равенства для всех людей, то затем значение аспектов классовой борьбы всё более и более усиливались. Например, Каутский составил чисто марксистскую программу для Эрфуртского партийного съезда, о которой Рудольф Штайнер сказал, что она имеет целью «сделать марксизм официальным взглядом пролетариата». См. лекцию Рудольфа Штайнера об «Истории социального движения», в: «Новое формирование социального организма», полное издание, Дорнах, 1963 года, библи. № 330/331.

развития, ведущей через старый рабовладельческий строй, через крепостное право феодальной эпохи, к современному трудовому пролетариату. Как бы ни были организованы товарное обращение, денежное обращение, система капитала, собственность, земельная система и так далее, в современной жизни развилось нечто такое, что выражено не ясно, не ясно выражено даже у современного пролетариата, но что очень ясно чувствуется, как собственно основной импульс его социальной воли. Это нечто состоит в том, что современный капиталистический экономический порядок, по сути, знает в пределах своей сферы обращения только товары. Он знает образование стоимости этих товаров в пределах экономического организма. И внутри этого капиталистического организма нового времени товаром стало нечто такое, относительно чего пролетарий сегодня ощущает: это не должно быть товаром. Но с научной точки зрения, поскольку его взор направлен только на экономическую жизнь, он не может сказать ничего, кроме: это товар. Это его собственная рабочая сила.

Если понять, что в этом заключается один из основных импульсов всего современного социального движения, что в инстинктах, в подсознательных ощущениях современного пролетариата живёт отвращение к тому, что ему приходится продавать свою рабочую силу работодателю так же, как продают на рынке товары, что его рабочая сила оценивается на рынке труда в соответствии со спросом и предложением, как в соответствии со спросом и предложением оценивается товар на рынке, если понять, что это отвращение к товарному характеру рабочей силы является собственно основным импульсом современного социального движения, если совершенно беспристрастно взглянуть на то, что это чётко и радикально не высказано также и в социалистических теориях, то будет найден тот пункт, от которого можно исходить в том, что сегодня так настоятельно, даже жгуче, проявляется в социальном движении.

В древности было рабство. Человек целиком продавался как товар. Немного меньше от человека, но почти весь человек, продавалось при крепостничестве. Когда власть приобрёл капитал, в качестве товара остаётся ещё кое-что от человека, - это его рабочая сила. Необходимо искать методы, благодаря которым можно будет отделить рабочую силу как товар от прочей циркуляции товаров. То, что кроется за этим фактом, можно будет увидеть, только если на хозяйственную жизнь, которая должна быть понята совершенно иными методами, чем сам человек, не смотреть суггестивным образом, если понять, что способ, которым человеческая рабочая сила может быть лишена характера товара, исходит не из этой хозяйственной жизни, а должна вытекать из совершенно другого переживания в социальном организме. Нужно будет увидеть - и духовно-научное исследование послужит для этого основанием, - что неверно полагать, что, посредством просто рассмотрения экономической системы, к которой только и пригоден естественно-научный метод, можно выяснить, как рабочая сила отдельного человека могла бы быть интегрирована в социальный организм. Только если понять, что вера в то, что рабочая сила принадлежит экономической системе, подобна другому убеждению, которому предаются, когда то, что происходит в лёгочной и сердечной системе человека, в системе кровообращения, рассматривают точно так же, как то, что происходит в нервной системе головы, - тогда мы встаём на верный путь. Нервно-чувственная система, как она централизована в голове, является в человеческом организме собственным, существующим для самого себя, самостоятельным членом. То, что мы имеем в лёгочной и сердечной системе как циркуляционной системе, является, в свою очередь, существующим для самого себя, самостоятельным членом. То же относится и к системе обмена веществ. Более точно вы сможете узнать об этом из моей книги «О загадках души»⁶. Это самое характерное в человеческом организме, что его системы обретают своё правильное развитие и действенность, как раз, благодаря тому, что они не централизованы, а существуют рядом друг с другом в свободном взаимодействии. Если сегодня не рассматривать

⁶ Основополагающее представление трёхчленности человеческой организации Рудольф Штайнер дал в главе «Физические и духовные зависимости человека» в своей книге «О загадках души», опубликованной в 1917 года, полное издание Дорнах 1976 года, Библ.-№ 21.

человеческий организм таким всеохватывающим, пронизывающим образом, то понять общественный организм наукой, которая еще не реформирована, но должна быть реформирована в смысле духовной науки, конечно, нельзя. Сегодня считается, что человеческий организм представляет собой нечто централизованное, в то время как в действительности он трёхчленный.

Точно так же трёхчленным является и социальный организм. То, что сегодня под мощной суггестией рассматривается как единственный социальный организм, - экономическая система, - является лишь одним из членов. Другим членом является то, из чего должно вытекать понимание функции человеческой рабочей силы во всей структуре социального организма. Обе эти системы должны стоять рядом друг с другом. А характер товара рабочая сила получает только в неверном мышлении нового времени.

И это узко сердечное современное мышление превратило третью вещь, которая должна самостоятельно располагаться во всем общественном организме, - духовную жизнь, - в простую идеологию. Теоретический взгляд, согласно которому духовное есть просто идеология, наименее опасна. Самое главное, что в человеке, который считает, что духовное коренится не в лежащей в основе всех вещей духовной реальности, а в простой идеологии, не может быть действительно пробивной духовной силы. Такой человек не заинтересован в придании духовной жизни её настоящей роли в мире.

Если с точки зрения жизненных потребностей нового времени рассмотреть то, что произошло в области пролетарского сознания, то окажется, что оно не может обрести видение трёх членов социального организма. Оно его утеряло. К огосударствлению стремятся потому, потому что верят, что единый социальный организм может взять на себя всё.

Духовно-научное сознание должно открыть более широкий горизонт, нежели тот, что часто, даже в это горячее время, даётся сегодня призванными вождями относительно социального вопроса. Нужно указать на то, что надо не просто хотеть нового, а нам нужно думать по-новому, что нам необходимо не только научное рассмотрение социальной жизни, которое берёт на себя традиционная наука, а нам необходима перестройка науки, вносящей в сознание человечества новые мысли, которые только и станут реальными мыслями о социальном организме.

Это должно привести к тому, что, посредством человеческого сознания, будут устранены причины многих несчастий нового времени. Также и те, кто действует не теоретически, а, исходя из жизни, - как я полагаю, и в этот час, - сегодня клеймятся и изолируются теми, кто воображает себя настоящим практиком, говоря: Ах, ведь, из таких теоретических вещей, в мире не может произойти ничего полезного. Эти «жизненные практики», которые и являются настоящими абстракционистами и практика которых состоит ни в чём ином, как в ограничении своего разума, - именно эти жизненные практики во многом виноваты в несчастьях и катастрофах нового времени. Если они и дальше смогут хозяйничать во всех партийных направлениях, несчастья не прекратятся, они только бесконечно увеличатся. Действительные практики жизни должны получить должное место в публичной деятельности, - это те, кто говорит о возможностях развития, заложенных в социальном организме пространственно и во временном развитии так, как, например, в отдельном человеческом организме. Эти настоящие жизненные практики, говорящие, исходя из более глубоко лежащей действительности, - это они, с кем действительно следует считаться сегодня. Именно им не нужно сомневаться в собственных знаниях. Правда, к своему огорчению и сожалению, они видят, что то, что эти жизненные практики, в том числе и социалистические жизненные практики считают единственным, что необходимо делать, никогда не сможет привести ни к чему, кроме хищнической эксплуатации жизни. Тот, кто как жизненный практик хочет действовать, исходя из духа, стремления того исходят из действительности, и для жизнеспособной действительности.

В каком смысле смогут получиться попытки решения вопросов, которые я, исходя из жизненных привычек нового времени, попытался представить сегодня в их истинной форме,

как из этого смогут получиться попытки решения на основе исследования действительности социальной жизни и общественной структуры человечества, - об этом я позволю себе говорить здесь послезавтра.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 5 февраля 1919 года

Требуемые жизнью, соответствующие действительности попытки решения социальных вопросов на основе духовно-научного понимания жизни

В отношении этих моих лекций я хотел бы высказать одну просьбу, а именно, эти четыре лекции рассматривать как нечто целое, так чтобы то, что сказано в одной лекции, ни в коем случае не оценивалось бы как нечто самостоятельное. Ведь, эта тема, которая входит в рассмотрение, настолько всеохватывающая, что может быть осилена только в некотором числе лекций.

В сегодняшней лекции я хотел бы предварительно поговорить о тех попытках решения социального вопроса, которые могут прийти из действительного познания сущности социального организма, о тех попытках решения, которые исходят не из односторонних требований того или иного класса людей, того или иного сословия, а из соответствующей действительности, объективного наблюдения сил развития человечества, а особенно тех сил развития человечества, которые являются преимущественно силами развития современности и ближайшего будущего этого человечества. Если попытаться найти решение того, что сегодня называется социальным вопросом, исходя из aspirations, из требований какого-либо сословия, какого-либо класса, вообще исходя из какой-либо части общественного организма, то нельзя будет сделать ничего, кроме как, посредством достижения улучшений для одной стороны того, вызвать возникновение ухудшающих условий для других классов, для других факторов социального организма.

Для нашего времени действительно то, что я предварительно представляю здесь как истину, и что в ходе этих лекций хочу обосновать: что вся современная жизнь, - или, можно также сказать, современный социальный организм, - приобрела совершенно определённую форму посредством того, что, ведь, часто считается самым характерным этой современной жизни, - посредством современной техники, посредством технического функционирования экономической жизни и того, что с ней связано, посредством капиталистического способа организации этой экономики. На то, что внесли в жизнь современная техника, современный капитализм, с необходимостью был направлен не только наблюдающий взгляд людей, но были направлены также более или менее сознательные, или более или менее инстинктивно действующие организующие силы в пределах социальной структуры человеческого общества.

Это характерное, которое, как раз, и привело к особому виду социального вопроса в новое время, можно, вероятно, сформулировать так: Экономическая жизнь, несомая техникой, современный капитализм, - они действовали с некой природной естественностью и придали современному обществу определённый внутренний порядок. Наряду с тем, что человеческое внимание было занято тем, что принесли технология и капитализм, это внимание было отвлечено от других отраслей, других областей социального организма,

действенность которых должна быть также необходима, если социальный организм должен быть таким же здоровым, как и экономическая область.

Чтобы сделать понятным то, что, как мне кажется, является нервом всеохватывающего, всестороннего рассмотрения социального вопроса, позвольте мне начать со сравнения. Но я прошу учитывать, что это не более, чем сравнение, нечто такое, что может поддержать человеческое понимание, чтобы направить его в том направлении, какое необходимо для того, чтобы составить себе представление об оздоровлении социального организма. Тот, кто в этом смысле рассматривает сложнейший природный организм, человеческий организм, тот должен обратить внимание на то, что вся сущность этого человеческого организма основывается на том, что в его внутреннем устройстве можно выделить три действующие рядом друг с другом системы. Эти три действующие рядом друг с другом системы можно обозначить следующим образом. Можно сказать: В человеческом природном организме действует та система, которая включает в себе нервно-чувственную жизнь. Можно также назвать самую важную часть организма, в которой, как бы, централизуется эта нервно-чувственная жизнь, - это головной организм.

Вторым членом человеческой организации, если мы хотим обрести действительное понимание этой человеческой организации, надо признать то, что я бы хотел назвать ритмической системой, которая связана с дыханием, циркуляцией крови, со всем тем, что выражает себя в ритмических процессах человеческого организма.

И третьим членом надо признать всё то, что в качестве органов и деятельности связано с собственно обменом веществ. В этих трёх системах, если они правильно взаимодействуют друг с другом, содержится всё то, что здоровым образом поддерживает общий процесс, разыгрывающийся в человеческом организме.

Я попытался, по меньшей мере, в общих чертах, в полном согласии с тем, что естественно-научное исследование может сказать уже сегодня, охарактеризовать эту трёхчленность человеческого природного организма в своей книге «О загадках души». Мне совершенно ясно, что всё то, что биология, физиология и естествознание достигнут в отношении человека в ближайшем будущем, приведёт, как раз, к такому взгляду на человеческий организм, который видит, как эти три члена - головная система, циркуляционная или грудная система, и система обмена веществ - поддерживают общий процесс в человеческом организме именно потому, что эти члены действуют с определённой долей самостоятельности, потому что человеческий организм не является абсолютно централизованным, потому что каждая из этих систем имеет также особое, обособленное отношение к внешнему миру: головная система через органы чувств, система кровообращения или ритмическая система через дыхание и система обмена веществ через органы пищеварения.

В отношении естественно-научных методов мы продвинулись ещё не настолько, чтобы то, на что я здесь указал, и что, исходя из духовно-научных основ, я пытался использовать для естественных наук, добилось всеобщего признания уже в самих естественно-научных кругах, что могло бы показаться желательным для развития знания. Но это означает, что наши мыслительные привычки, весь наш способ представления мира, ещё не полностью соответствует тому, что, например, в человеческом организме представляется как внутренняя сущность природного действия. В определённом смысле можно было бы сказать: Ну, да, естествознание может и подождать, оно будет постепенно приближаться к своим идеалам, оно когда-нибудь придёт к тому, чтобы признать какой-то способ рассмотрения своим собственным. Но относительно рассмотрения действия социального организма, ждать нельзя. Тут не только у каких-нибудь специалистов, а в каждой человеческой душе, - поскольку каждая человеческая душа участвует в деятельности социального организма, - должно быть, по меньшей мере, инстинктивное знание того, что необходимо этому социальному организму. Здоровое мышление и ощущение, здоровая воля и желание в отношении организации социального организма могут развиваться только тогда, когда, пусть и более или менее

инстинктивно, будет ясно, что этот социальный организм, если он должен быть здоров, должен быть трёхчленным, точно так же, как природный организм.

Тут я нахожусь в пункте, где особенно необходимо предостеречь от неверного понимания. С тех пор, как Шаффле⁷ написал свою книгу о строении социального организма, постоянно делались попытки установить аналогии между организацией природного существа, скажем, организацией человека, и человеческого общества как такового. Что тут только ни пытались определить: что такое клетка в социальном организме, что такое клеточные структуры, что такое ткани и так далее! Совсем недавно была опубликована книга Мерэ⁸ «Weltmutation», в которой определённые естественно-научные факты и естественно-научные законы просто переносятся на то, что считается человеческим социальным организмом. Со всеми этими вещами, со всеми этими играми в аналогии, то, что здесь имеется в виду не имеет абсолютно ничего общего. И тот, кто по окончании этих лекций скажет: Ага, здесь тоже речь идёт о таких играх в аналогии между природным организмом и общественным организмом, - тот лишь докажет, что он не проникся собственным духом того, что имеется в виду. Потому что это не то, чего я хочу: пересадить некую истину, которая согласуется с научными фактами, в социальный организм, а я хочу, чтобы человеческое мышление, человеческое ощущение учились на рассмотрении природного организма так, чтобы свой метод, свой способ ощущения затем можно было бы применять по отношению к социальному организму. Если кто-то просто переносит то, чему, по его мнению, он научился, имея дело с природным организмом, на социальный организм, как это сделал Шаффле, как это сделали другие, как это сделано в книге «Мировая мутация», то тем самым он лишь показывает, что не хочет приобретать способности рассматривать социальный организм как такой же самостоятельный, требующий исследовать себя по своим собственным законам, как это делается для природного организма. Таким образом, сравнение с природным организмом я сделал только для пояснения. Поскольку в тот момент, когда действительно объективно, как исследователь природы ставит себя перед природным организмом, ставишь себя перед социальным организмом в его самостоятельности, чтобы узнать его собственные законы, - в этот момент исчезает серьёзность рассмотрения любой игры в аналогии.

Я сразу же хочу отметить, как эта игра в аналогии должна прекратиться. Рассмотрение социального организма, - правда, тут мы имеем дело с чем-то становящимся, с чем-то, только возникающим, - насколько он должен быть здоровым, в любом случае ведёт к трём членам этого социального организма; но оба они познаются каждый для себя самостоятельно, если воспринимать эти вещи объективно. С одной стороны, мы познаём три члена человеческого организма, с другой стороны, объективно для самих себя, три члена социального организма. Если бы мы искали аналогии, то поступили бы, вероятно, следующим образом. Мы сказали бы: Человеческая головная система или нервно-чувственная система связана с человеческой духовной жизнью, с духовными способностями; циркуляционная система регулирует связь этой духовной системы с самой грубой системой, с материальной системой, с системой обмена веществ. Система обмена веществ, согласно определённым ощущениям, которые у нас есть, исходя из определённых причин, рассматривается, тогда как самая грубая система человеческого организма. Если бы мы проводили игру в аналогии, то что было бы тогда очевидным следующим? Очевидным следующим было бы то, что мы сказали бы: Ну, конечно, социальный организм тоже распадается на три члена. В нём осуществляется человеческая духовная жизнь. Это было бы одним членом. В нём осуществляется собственно политическая жизнь, - сразу же после этого мы поговорим об этом членении, - в нём осуществляется также и экономическая жизнь. Ну, если бы мы проводили игру в аналогии, то

⁷ Альберт Шаффле, 1831–1903, национальный экономист и социолог, член парламента в 1862–1865 годах в Вюртемберге. Парламент, 1871 года Австрийский министр торговли; написал, между прочим, «Структура и жизнь общественного тела», 1875-78, 4 тт.; 2-е издание 1896 года, 2 тт.

⁸ С. Н. Meray, «Weltmutation. Schöpfungsgesetze über Krieg und Frieden und die Geburt einer neuen Zivilisation», Zürich 1918. («Мировая мутация. Законы творения относительно войны и мира и рождение новой цивилизации»)

мы могли бы подумать, что то, что в качестве духовной жизни, духовной культуры, подчинено в социальном организме определённым законам, имеет такие законы, которые можно сравнить с законами духовной системы, нервно-чувственной системы. Та система, которую считают в человеке самой грубой, собственно вещественной, а именно система обмена веществ, простая аналогия, вероятно, сравнила бы с тем, что называют грубой, материальной экономической жизнью. Тот, кто теперь может рассматривать эти вещи сами по себе, кто отвергает простую игру аналогий, тот знает, что действительность представляет собой, как раз, противоположное тому, что выходит из простой игры аналогий. В основании жизни социального организма в отношении хозяйственного производства и потребления, в отношении хозяйственной циркуляции товаров, законы лежат так же, как в человеческом природном организме лежат законы в основании его нервно-чувственной жизни, то есть, как раз, в его духовной системе. Правда то, что является жизнью публичного права, собственно политической жизнью, которую часто представляют себе гораздо более всеохватывающей, - это обозначается как собственно государственная жизнь, которую теперь можно сравнить с ритмической системой, регулирующей системой, дыхательно-сердечной системой, лежащей между двумя природными системами обмена веществ и нервно-чувственной. Но это сравнение можно сделать только потому, что, как в человеческом организме между системой обмена веществ и нервной системой в середине располагается циркуляционная или ритмическая система, так и система публичного права располагается между экономической системой и собственно жизнью духовной культуры. И эта жизнь духовной культуры, эта жизнь духа в социальном организме имеет не те законы, которые позволяют себя мыслить аналогично законам человеческих способностей, законам человеческой чувственной и нервной жизни, а имеет законы, которые можно сравнить только с законами самой грубой системы человека, с законами системы обмена веществ.

Это то, к чему ведёт объективное рассмотрение социального организма. Но это надо также обговорить предварительно, чтобы не было никаких недоразумений по этим пунктам, чтобы не думали, будто физиологическое или биологическое просто переносится на социальный организм. Общественный организм должен рассматриваться полностью самостоятельно, если для его оздоровления должно произойти что-то способствующее процветанию.

Как звучит в различных регионах Центральной и Восточной Европы, а также здесь, слово «социализация»? Эта социализация будет не лечебным процессом, а процессом воздействия шарлатана на социальный организм, возможно, даже процессом разрушения, если в сердца и души людей не войдет хотя бы инстинктивное сознание необходимости трёхчленности социального организма. Правда, этот социальный организм, если он хочет функционировать здоровым образом, содержит в себе три таких члена.

Первым из этих трёх членов, если начать с одной стороны, - разумеется, можно было бы начать и с другой стороны, со стороны духовной жизни, но мы хотим начать с экономической жизни, поскольку она, благодаря современной технике и современному капитализму, совершенно очевидно преобладает над всей остальной жизнью в человеческом обществе, - итак, первым членом социального организма необходимо рассматривать хозяйственную, экономическую жизнь. Эта экономическая жизнь, как мы отчасти увидим уже сегодня, а отчасти в дальнейшем ходе этих лекций, должна быть внутри общественного организма так же относительно самостоятельна, как относительно самостоятельной является нервно-чувственная система в человеческом организме. Эта экономическая жизнь имеет дело со всем тем, чем являются производство товаров, циркуляция товаров, потребление товаров. Со всем, что связано с этими тремя вещами имеет дело экономическая жизнь. Сразу же после этого мы перейдём к более точному рассмотрению её особенностей.

В качестве второго члена социального организма необходимо рассматривать жизнь публичного права, собственно политическую жизнь, ту жизнь, которую в смысле старого правового государства можно было бы обозначить как собственно государственную жизнь. В то время как экономическая жизнь имеет дело со всем тем, что в чём человек нуждается,

получая это от природы и своего собственного производства, в то время как экономическая жизнь имеет дело с товарами, циркуляцией товаров и потреблением товаров, этот второй член социального организма может иметь дело только с тем, что связывает человека с человеком, исходя из чисто человеческих оснований. Я прошу вас учитывать это в полной мере, поскольку это очень существенно для понимания членов социального организма, чтобы вы знали, в чём разница между системой публичного права, которая может иметь дело только с тем, что связывает человека с человеком, исходя из чисто человеческих оснований, и экономической системой, которая имеет дело только с производством товаров, циркуляцией товаров и потреблением товаров. Это нужно знать так же, как в природной системе человека надо уметь различать связь легких с наружным воздухом, с переработкой этого наружного воздуха, как надо уметь отличать это от того, что как принимаемая внутрь пища, преобразуется с помощью третьей природной системы в человеке, используется для человека.

В качестве третьего члена, который в свою очередь должен самостоятельно стоять рядом с двумя другими членами, мы должны различать в социальном организме всё, что относится к духовной жизни. Можно было бы сказать и точнее, поскольку обозначение «духовная культура» или всё то, что относится к духовной жизни, возможно, далеко не вполне точно: всё то, что основано на природных дарованиях отдельного человеческого индивидуума, что должно войти в социальный организм на основе природных дарований, духовных и физических способностей отдельного индивидуума. Подобно тому, как первая система, экономическая система, имеет дело со всем тем, что должно быть, чтобы человек мог регулировать свои материальные отношения с внешним миром, в то время как вторая система должна иметь дело со всем тем, что должно быть в социальном организме в силу отношений человека к человеку, третья система, - система, которую я называю духовной системой только для того, чтобы дать ей какое-то название, - имеет дело со всем, что должно прорасти и интегрироваться в социальный организм из отдельной человеческой индивидуальности.

Как верно то, что современная техника и современный капитализм придали свои черты нашей общественной жизни, собственно, только в новое время, так же необходимо, чтобы те раны, которые были нанесены человеческому обществу с этой стороны, были залечены, благодаря тому, что человек и само человеческое общество будут приведены в правильное отношение к тому, что я здесь охарактеризовал как три члена этого социального организма. Экономическая жизнь приняла в новое время вполне определённые формы просто сама собой. Она, так сказать, отпечатала в человеческой жизни свои собственные законы. Оба других члена социального организма также, само собой разумеющимся образом, способны правильно, по своим законам, интегрироваться в социальный организм. Для них необходимо, чтобы человек, исходя из своей самостоятельности, исходя из своего сознания, осуществлял социальное членение, - каждый на своём месте, на том месте, где он стоит. Поскольку, в смысле тех попыток решения социальных вопросов, которые здесь имеются в виду, каждый отдельный человек имеет в настоящем и ближайшем будущем свою социальную задачу.

Первый член социального организма, экономическая жизнь, покоится, прежде всего, на природном основании. Точно так же, как отдельный человек, в отношении того, чем он может стать, благодаря обучению, воспитанию, жизни, покоится на способностях своего духовного и телесного организма, на тех дарах и талантах, которые ему даны, так экономическая жизнь покоится на определённом природном основании. Это природное основание просто накладывает свой отпечаток на экономическую жизнь, и тем самым на весь социальный организм. Но это природное основание есть, независимо от того, что какая-нибудь социализация может на него повлиять в его исходной форме. Это необходимо учитывать. Как при воспитании человека должны учитываться его таланты в различных областях, его природные физические и умственные способности, так вообще любой социализацией, любой попыткой придать человеческому обществу экономическую форму должно учитываться это природное основание. Поскольку в основе любой циркуляции товаров, а также любой человеческой работы, а также любой духовной культурной жизни, в качестве того первого,

самого элементарного первоначального, лежит что, что привязывает человека к определённой части природы. Тут действительно надо думать о связи социального организма с природной основой так же, как в отношении отдельного человека надо думать о его обучении, воспитании в связи с его способностями. Это можно пояснить на примере экстремальных случаев. Например, надо только подумать о том, что в определённых областях Земли, где бананы являются для людей ближайшим источником пищи, для совместной жизни людей в рассмотрение входит работа, которая должна быть проделана, чтобы доставить эти бананы из места их происхождения в конкретный пункт назначения и превратить их в потребительский продукт. Если сравнить человеческую работу, которая должна быть проделана, чтобы сделать пригодными для потребления человеческим обществом бананы, с работой, которую необходимо проделать в наших регионах Центральной Европы, чтобы сделать пригодной для употребления пшеницу, то работа, которая должна быть проделана для бананов, должно быть, при скромном подсчёте, в триста раз меньше. А работа, которая должна быть проделана для придания потребительского вида пшенице, в триста раз больше.

Ну, это, конечно, экстремальный случай. Но такие различия в отношении необходимого количества труда по отношению к природной основе есть также и в наших отраслях производства, в отраслях производства, представленных в любом социальном организме Европы. Не такие радикальные различия, как с бананами и пшеницей, но эти различия есть. Таким образом, в хозяйственном организме всецело укоренено то, что, благодаря отношению человека, его потребления, к природе, степень трудоспособности существенно зависит от природной основы, подобно тому, как существо какого-то человека зависит от его природной телесной или духовной одаренности. Ведь, надо, например, только сравнить: В Германии, в районах средней продуктивности, урожайность пшеницы такова, что урожай составляет величину, примерно в семь-восемь раз превосходящую величину посева. В Чили она больше в двенадцать раз, в северной Мексике - в семнадцать раз, в Перу - в двадцать раз, в южной Мексике - от двадцати пяти до тридцати пяти раз. Тут мы имеем продуктивность культуры пшеницы для разных регионов мира по отношению к почве, по отношению к урожайности почвы. Но это существенно влияет на объём работы, который необходимо затратить, чтобы соответствующим образом включить пшеницу как товар в экономическую жизнь.

Подобно тому, как можно получать такие данные относительно количества труда, необходимого для того, чтобы сделать пригодной для потребления пшеницу в различных районах, можно также различать количество труда, необходимое для того, чтобы в пределах экономической жизни социального организма сделать пригодными для потребления самые различные отрасли производства, сырьё самых различных отраслей производства. Всё это сложное существо, которое живёт в процессах, которые начинаются с отношений человека к природе, продолжают во всём, что человек должен делать, чтобы преобразовать природные продукты и довести их до потребительского вида, - все эти процессы, представляющие собой один общий процесс, протекающий от природной основы до способности к потреблению, все эти процессы, и только они, в здоровом социальном организме составляют чисто экономический член социальной организации. Этот экономический член социальной организации должен теперь, - я расскажу ещё об этом более точно, с доказательствами, в ходе этих лекций, - стоять во всём социальном организме так же самостоятельно, как в общей человеческой организации стоит человеческая головная система.

И наряду с этой экономической системой должна самостоятельно существовать другая система, имеющая дело только с отношениями человека к человеку. То, что живёт в чисто экономической системе, связано с потребностью в том или ином, посредством которой определяется отношение человека к объективным товарам. То же, что должно развиваться в виде второго члена в социальном организме, если должна быть пробуждена здоровая социальная жизнь, так это всё, что регулирует отношения человека с человеком.

Обрести правильный взгляд для различения этих двух членов социального организма не удалось из-за того, что мы, загипнотизированные современной экономической жизнью и изначальными привычками мышления в новейшее время, верили, что экономические силы и

процессы можно необходимым образом либо для отдельных областей, либо, в смысле социалистов, радикально для всей экономической жизни, перенести, перевести на то, что я представил здесь как второй член, как собственно государственную область в узком смысле этого слова, как область публичного права, как область отношений человека к человеку.

Эта государственная область может развиваться здоровой только тогда, когда она сталкивается с противоположным течением развития, которое многими, как раз, воспринимается как правильное. В то время как многие люди сегодня считают, что оздоровление социального организма возможно только в том случае, если провести максимальное огосударствление, максимальное обобществление, речь идёт больше о том, чтобы для всех отдельных отраслей жизни признать и применить то, что должна возникнуть полная самостоятельность между экономической жизнью со своими законами, с одной стороны, и более узкой государственной жизнью, с другой стороны, опять же со своими собственными законами.

Я могу себе представить, сколько есть людей, которые скажут: Ради Бога, неужели это должно быть таким сложным! То, что мы хотели объединить, исходя из необходимости новейшего развития, надо теперь разделить на разные системы! - Кто так говорит, что для него это слишком сложно, что он не мог бы подумать, что таким образом появится это природное, тот подобен тому, кто не хочет знать, что человеческий организм может жить только благодаря относительной самостоятельности ритмической жизни, жизни дыхания и сердца, которая концентрирована, централизована в груди, в дыхательно-сердечной системе. Целостность человеческого организма основана на том, что каждая такая система замкнута в себе, и что только тогда она, в свою очередь, взаимодействует с другими. Здоровье социального организма основана на том, что экономическая жизнь подчиняется своим законам, правовая жизнь, жизнь публичного права, общественная безопасность, всё, что может быть в узком смысле названо политическим, подчиняется своим собственным законам, своим собственным структурам. Именно тогда эти две области социального организма будут взаимодействовать правильно. И хотя у многих, кто считает, что они на основании определенных предпосылок пришли, наконец, к истине, это может вызвать дрожь, всё же надо сказать: Пока экономическая жизнь и политическая жизнь управляются вместе централизованно одной партией, одной администрацией, до тех пор социальный организм не оправится. Мы ещё увидим, что это касается также и третьей области. Так же, как циркуляционная система имеет свои собственные лёгкие, как нервно-чувственная система имеет свой собственный мозг, - так же необходимо, чтобы для экономической жизни, для политической жизни или жизни публичного права и для третьей области, для духовной жизни, существовал бы свой собственный управляющий организм, самостоятельный управляющий и представляющий организм, то есть, партия или какое-то другое представительство.

Эти три области обладают определенным суверенитетом в здоровом социальном организме и договариваются друг с другом через своих независимых представителей, чтобы посредством этого установить отношения между тремя членами социального организма. Это соответствует также самостоятельным образом установленным отношениям между тремя членами природного человеческого организма. Выяснится, что те представительства и администрации, которые возникают из хозяйственного члена организма, должны работать в том направлении, чтобы этот хозяйственный организм строился сам по себе на ассоциативной основе, - это должен быть институт товариществ, профессиональных объединений, - но высших товариществ, профессиональных объединений, таких товариществ, профессиональных объединений, которые занимаются только законами товарного производства, товарного обращения, товарного потребления. Это то, что образует основу, содержание экономического члена социального организма. Он будет основан на жизни ассоциаций. Он будет основан на том, что необходимые неравновесные состояния, образующиеся из-за природной основы, будут уравновешены. Я указал, насколько различны затраты человеческого труда в зависимости от того или иного отношения к натуральной

основе какой-либо отрасли производства. Всё это приводит к неестественной социальной организации, когда природа, человеческий труд и капитал работают вместе, как это происходило до сих пор. Природа, человеческий труд и капитал самым хаотичным образом смешались в централизованном государстве (Einheitsstaat) или остались анархическим образом вне него, вне этого централизованного государства. Надо признать, что как жизнь духовной культуры, которая основывается на телесных и духовных способностях людей и их образовании, так и жизнь публичная, политическая и правовая, имеют задачу, как раз, обособить, привести к самостоятельной жизни то, что является системой экономического организма.

Для того, чтобы сделать это понятнее, поскольку это необходимо уже сегодня, я могу ещё привести следующее. Из, правда, других оснований, чем те, в которых мы живём сегодня, из глубин человеческой природы возник призыв к переустройству социального организма, и девизом этого переустройства стали три слова: братство, равенство, свобода⁹. И, вероятно, тот, кто подходит ко всему человеческому с непредубежденным умом и здоровым человеческим ощущением, тот, конечно, не может испытывать ко всему, что заключено в этих словах братство, равенство, свобода, ничего, кроме глубочайшей симпатии и глубочайшего понимания. И всё же я знаю прекрасных мыслителей, глубоких, пронизательных мыслителей, которые снова и снова на протяжении всего 19-го столетия стремились показать, что реализовать идеи братства, равенства, свободы в централизованном социальном организме невозможно. Так, один пронизательный венгр пытался доказать, что эти три вещи, если они должны быть реализованы, если они должны проникнуть в человеческую социальную структуру, противоречат друг другу. Например, он остроумно показал, что, если в социальной жизни будет осуществлено равенство, то будет невозможно проявиться заложенной в каждом человеческом существе свободе. Он нашёл эти три идеала противоречивыми. Странно, но с этим нельзя не согласиться, и, в то же время, исходя из общего человеческого ощущения, нельзя не испытывать симпатии к каждому из этих трех идеалов! Почему?

Да, именно потому, что истинный смысл этих трех идеалов можно увидеть только тогда, когда признаётся необходимая трёхчленность социального организма. Эти три члена не должны быть объединены и централизованы в каком-то абстрактном, теоретическом рейхстаге или другом единстве, они должны быть живой действительностью и только посредством живого взаимодействия друг с другом приводить к единству. Когда эти три члена самостоятельны, они противоречат друг другу определенным образом, подобно тому как система обмена веществ противоречит головной системе и ритмической системе. Но в жизни, как раз то, что полно противоречий, образует единство. Поэтому понять жизнь социального организма можно только, если в состоянии видеть соответствующее действительности устройство этого социального организма. Тогда будет признано, что во взаимодействии людей в хозяйственной жизни, где они должны регулировать отношения между собой в особой, собственной области этого первого социального члена, - что в этой области, в том, что делают люди, должно действовать братство. Во втором члене, в системе публичного права, где речь идёт об отношении человека к человеку, только в том смысле, что он вообще человек, - тут речь идёт о реализации идеи равенства. И в духовной области, которая, в свою очередь, тоже должна стоять в социальном организме относительно самостоятельно, мы имеем дело с идеей свободы. Тогда эти три золотых идеала внезапно обретают свою настоящую ценность лишь тогда, тогда понятно: они должны реализоваться не в чём-то хаотически сваленном вместе, а в том, что представляет собой ориентированный на соответствующие действительности законы социальный трёхчленный организм, в котором

⁹ См. штуттгартскую лекцию Рудольфа Штайнера «Свобода для духа, равенство для закона, братство для экономической жизни» (18 июня 1919 года) в «Преобразовании социального организма», см. выше, и лекцию, прочитанную в Берлине 15 сентября 1919 года, «Осуществление идеалов свободы, равенства, братства» в «Свобода мысли и социальные силы», Полное издание Дорнах 1971, Библ.-№333.

каждый отдельный из этих трёх членов может реализовать присущий ему идеал свободы, равенства и братства.

Сегодня я могу обрисовать структуру этого социального организма только в общих чертах. В следующих лекциях я сделаю это детально и доказательно. Но что я ещё хочу добавить к сказанному, так это то, что третьей частью здорового социального организма должно быть всё то, что интегрируется в него, исходя из человеческой индивидуальности, что должно базироваться на свободе, и что касается физических и духовных способностей отдельного человека. Здесь, в свою очередь, затрагивается область, которая, правда, будучи правильно охарактеризованной, у многих современных людей ещё вызывает лёгкое содрогание. То, что должно быть включено в эту третью область здорового социального организма, - это всё, что относится к религиозной жизни человека, всё, что относится к школе и воспитанию в самом широком смысле этого слова, всё остальное, что относится к духовной жизни, искусство и так далее. И, сегодня я просто хочу упомянуть об этом, в следующих лекциях я также обосную это подробно: К этой третьей области принадлежит всё то, что относится не к публичному праву, которое принадлежит второй области, а относится к частному праву и уголовному праву. Я сталкивался со многими людьми, которым я представлял эту трёхчленность социального организма, и они многое поняли, - но они совершенно не могли понять, что публичное право, право, которое касается безопасности и равенства всех людей, должно быть отделено от того, что является правом в отношении нарушения права в частных отношениях людей, что они должны быть отделены друг от друга, и что частное право и уголовное право должны быть причислены к третьему, духовному члену социального организма.

Но, к сожалению, современная жизнь пока полностью отказывается учитывать эти три члена социального организма. Подобно тому как экономическое тело со своими интересами проникло в государственное, в собственно политическую жизнь, и тем самым помешало возможности организовать это второе звено социального организма таким образом, чтобы в нём осуществилось равенство всех людей, экономическая и государственная жизнь также всосала в себя то, что может развиваться только в свободной организации. Исходя из определенного инстинкта, правда, превратного инстинкта, современная социал-демократия пытается отделить религиозную жизнь от публичной государственной жизни: «Религия есть частное дело»; но, к сожалению, не из особого уважения к религии, не из особой оценки того, что даёт человеку религиозной жизнью, а именно из пренебрежения, из равнодушия к религиозной жизни, что связано с теми вещами, о которых я говорил в предыдущей лекции позавчера. Но что правильно в этом требовании, так это отделение религиозной жизни от обеих других областей, - от организации экономической жизни и от организации политической жизни. Но точно так же необходимо отделение всей системы начального, среднего и высшего образования, как и вообще духовной жизни, от обеих других членов. И действительно здоровая жизнь социального организма наступит только тогда, когда в тех органах, которые должны следить за тем, чтобы все люди были равны перед законом, когда в этих органах будут следить также за тем, чтобы школа, религиозная и прочая духовная жизнь могла развиваться, исходя из свободных человеческих индивидуальностей, когда будут следить за тем, чтобы эта жизнь развивалась свободно, когда со стороны экономики или государства не будет посягательств на то, чтобы как-то регулировать школьную, воспитательную, духовную жизнь.

Сегодня это кажется радикальным. Но такие радикализмы необходимо высказывать, как только они становятся осознанными. Духовная жизнь, включая воспитательную жизнь и включая юриспруденцию в частных и уголовных делах, настолько подчинена тому, что при полной свободе вытекает из отдельной индивидуальности человека, что оба других члена социального организма не должны оказывать никакого влияния на конфигурацию, на организацию этой жизни.

Сегодня я дал вам для начала только набросок того направления, в котором должны осуществляться попытки решения социального вопроса, те попытки решения, которые

основаны на действительных потребностях жизни, которые основаны не на абстрактных требованиях какой-то отдельной партии, какого-то отдельного класса, а на силах развития человечества нового времени вообще.

Я бы сказал: я могу понять каждое возражение, которое делается, но я бы попросил, как раз, подождать с этими возражениями, пока не будет услышано то, что я должен буду сказать относительно этого общего в следующих лекциях. Я могу понять эти возражения особенно сегодня, когда я только пытаюсь охарактеризовать то, для чего доказательства ещё не представлены. Но я хотел бы сказать: я могу понять каждое возражение, исходя из различного опыта, который я получил, занимаясь идеями, которые я представляю, и которые, основываясь на так часто неверно понимаемой духовной науке, как я полагаю, являются действительной основой жизни.

У нас позади время ужасной катастрофы человечества. В той жизни, которую надо было вести в это катастрофическое время, нужно было бы иметь сердце не на том месте, если не иметь перспектив относительно своих сил, относительно своих способностей: Что может вывести нас из этого ужасного хаоса, в который мы погружаемся? - Я говорил вам позавчера, что ещё буду говорить в следующих двух лекциях об особых условиях этой войны, её причинах и её протекании в связи с социальным вопросом. Сегодня я хотел бы сказать, что мне было ясно, - когда мы ещё долгое время находились в гуще событий, вступивших теперь в кризис, о котором некоторые недалёковидные люди думают, что это уже конец, - что к тем вещам, которые могут вывести из хаоса, из этой ужасной катастрофы в той или иной области так называемого цивилизованного мира, принадлежит также правильное мышление, правильное представление истинных, соответствующих действительности импульсов для человеческого социального организма. Многим личностям, которые в качестве деятелей и советчиков участвовали в последние годы в том, что таким ужасным образом происходило в развитии человечества нового времени, я представлял то, что является нервом моего теперешнего выступления; многим личностям, от которых, казалось, что-то зависело, я пытался объяснить, насколько иными были бы результаты, если бы из авторитетной, задающей тон точки мира было сказано: Мы хотим двигаться к здоровой человеческой социальной цели. - Всё взаимодействие государств друг с другом было бы другим, если бы, вместо правовых и государственных программ, там или здесь в человечество были бы введены программы охватывающие всё человечество в том смысле, который имеется здесь в виду.

Нельзя даже сказать, что такие вещи нашли хотя бы определённое теоретическое понимание. То, что я говорю на этих лекциях, многим кажется даже вполне симпатичным. Но создать мост между пониманием такой вещи и волей действительно делать всё, чтобы соответствующим образом осуществить эти вещи в жизни, каждому на своём месте, - это уже другой вопрос. Это очень неудобно. Поэтому многие закрываются и говорят: Мне кажется всё это мечтательным, непрактичным. - Они закрываются только потому, что у них нет воли действительно воздействовать на ход событий. Здесь имеется в виду не революционный ход событий, не то, что должно произойти с сегодня на завтра, а направление, в котором должны действовать все отдельные мероприятия публичной и частной жизни, если должно произойти оздоровление социального организма. То, что я сказал позавчера, я говорил уже в другой форме многим людям, на которых можно было рассчитывать в это трудное время, следующими словами: Сегодня, говорил я, например, мы находимся в условиях ужасной войны. Если бы, исходя из ужасов этой войны, говорилось о том, что необходимо человечеству в социальном плане, таким образом: Мы стремимся дать тому или другому рейху достойное человека содержание, желая это действительно осуществить, тогда ход событий был бы совсем другим, нежели тот, который был проложен с помощью меча, пушками и тому подобным, или с помощью простой, в некоторых областях, собственно, совершенно отсутствующей политики. Я говорил: У вас есть выбор, либо разумно осуществить то, что здесь представлено, что было определено исходя из условий и сил развития человечества, либо быть поставленным перед чем-то другим.

Сегодня, поскольку человечество упустило возможность познать то, что лежит в этих вещах, мы стоим перед ужаснейшей катастрофой, которая вторглась как болезнь, - как болезнь, которая охватывает какой-то организм, который нарушает законы, по которым он живёт. Эта катастрофа войны должна, как раз, показать, отчётливо показать, - что, исходя из неё, можно было бы уже и осознать, но, поскольку это было не так отчётливо, это не было и осознано, - что необходимо для оздоровления социального организма человечества. И некоторым я сказал: В этих указаниях о социальном человеческом развитии у вас есть то, что хочет осуществиться в цивилизованном мире в ближайшие двадцать-тридцать лет. Это не какая-то программа, не какой-то идеал, о котором я говорю, а результат наблюдения того, что хочет реализоваться в ближайшие десять, двадцать, тридцать лет, благодаря тому, что в зачаточном состоянии в человечестве уже заложено. И у вас есть выбор, говорил я, либо работать над осуществлением этого посредством разума, либо быть поставленным в положение наблюдателя перед революциями и социальными катаклизмами, ужасными социальными потрясениями. Третьего не дано. Война будет, возможно, временем, - так я говорил некоторым, - когда ещё можно включить разум. После неё может быть уже поздно. Поскольку речь идёт не о какой-то программе, которую можно выполнить или не выполнить, а речь идёт о том, чтобы осознать то, что хочет реализоваться, и что человек поэтому реализовать должен, так как это содержится в его силах, необходимых для исторического роста настоящего и ближайшего будущего.

Особым препятствием к пониманию оказалось и то, что то один, то другой вновь и вновь полагал, что подобные вещи относятся лишь к внутреннему устройству какого-то государства или какой-то территории, населённой людьми. Нет, такое социальное мышление является в то же время основой для действительно необходимой организации внешней политики государств между собой. Подобно тому, как человеческий организм обращает каждую из своих систем, посредством особых органов, к внешнему миру, так же и государство, если я могу теперь употребить это общее выражение, как социальный организм, может привести в действие три своих члена вовне. Но отношения одного отдельного государства к другому развиваются совершенно иначе, когда в отношения вступают не централизованные правительства и администрации, а представители духовной жизни одного социального образования вступают в контакт с представителями духовной жизни другого социального государственного образования, и, в свою очередь, представители экономической области, политической области одного государства вступают в контакт с представителями соответствующих областей другого. В то время как слияние, беспорядочное смешение этих трёх областей действует вовне так, что на границах всегда возникают, если можно так сказать, необходимые конфликты из-за хаоса, причиной которого является это беспорядочное смешение трёх областей, то в случае, когда через границы отдельных государств самостоятельно действовали бы представители этих трёх членов, действие одного члена не только не мешало бы действию другого в международных отношениях, но, наоборот, была бы скорректированной и уравновешенной.

Это то, что я хотел бы сегодня представить, я бы сказал, снова в общих чертах, для усиления того, что здесь речь идет не просто, как бы, об утверждении некой внутренней социальной государственной структуры, а об интернациональной и социальной жизни человечества. Все эти вещи я пытался объяснить уже тогда, когда мы стояли посреди этих ужасных катастрофических событий. Теперь многих людей в Центральной и Восточной Европе постигло ужасное несчастье, которое оказывается несчастьем как для каждого отдельного человека, так и для всего прочего мира. И тут, в отношении действительного понимания человечеством своих настоящих и будущих задач, должно освободиться место для тех, кто, исходя из истинных действительных условий развития человечества, хочет привести жизнь к оздоровлению, - не для непрактичных идеалистов, а для настоящих жизненных практиков. Само собой разумеющемуся обустройству современной жизни, исходя из техники и капитализма, должно быть противопоставлено основанное полностью на внутренней человеческой инициативе обустройство духовной, самостоятельной духовной

культуры и самостоятельной государственной культуры, которая устанавливает подлинное равенство человека с человеком, и которая также, как мы вскоре увидим, только и может регулировать условия труда и заработной платы удовлетворительным для пролетариата образом.

Вопрос об организации человеческого труда, об освобождении человеческого труда от товара сможет быть разрешен только тогда, когда осуществится трёхчленность социального организма. То, что хотят современные социалисты, как желание, определёнno справедливо; но то, что они сами считают лекарством, меньше всего действовало бы как лекарство, если бы оно было воплощено во внешней реальности так, как они хотят.

Но я хотел бы ещё и ещё раз подчеркнуть: здесь я пытаюсь, не с какой-то односторонней классовой или партийной позиции, а из наблюдения за силами человеческого развития, говорить о том, что одни называют социализацией, другие - оздоровлением социальной жизни, третьи - пробуждением здорового политического чувства, и так далее. Однако то, что мы имеем дело с чем-то, что является не произвольной программой, а глубочайшим импульсом действительности грядущих десятилетий человеческого развития, - это то, что, собственно, лежит в основе всего того, что я хочу осуществить с помощью этих лекций; что мы имеем дело не с мнением какого-то человека из того или иного сословия, а с тем, о чём говорит более глубокая волевая основа человечества для ближайших десятилетий. Теперь я хотел бы обосновать, объяснить и доказать это в деталях в обеих лекциях на следующей неделе.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 10 февраля 1919 года

Мечтательная духовность и реальное понимание жизни в социальном мышлении и волеии

В лекциях прошлой недели я уже обращал внимание на то, что нынешнее социальное положение, относительно своего развития, испытывает препятствия, переживает трудности особенно потому, что довольно далеки от взаимопонимания различные классы современного человечества. Правящий класс населения в том виде, в каком он сложился за последние столетия, десятилетия вплоть до настоящего времени, имеет определенные привычки мышления, определенные внутренние побуждения, исходя из которых он чувствует, думает и проявляет волю. И хочется сказать: существует пропасть между этими привычками мышления и тем, что, как я характеризовал на прошлой неделе, развилось в виде совершенно специфической особенности в мысленных привычках современного пролетариата, в котором, собственно, и лежит исток того, что теперь называется социальным вопросом.

Для того, кто пытается проникнуть в действительную жизнь, в силы, действующие в социальных взаимоотношениях людей, кажется гораздо более важным наблюдать эти, я бы сказал, лежащие под сознанием людей, под тем, что они обсуждают сознательно, импульсы, чем то, что происходит в самом сознании. Сегодня в кругах думающей об этих вещах буржуазии можно услышать самые разные мнения. Можно также познакомиться с воззрениями деятелей пролетариата или вождей этого пролетариата; для реального взгляда на жизнь и для образования суждения о социальных фактах современности рассмотрение этих воззрений даст гораздо меньше, нежели рассмотрение того, что лежит за этими

воззрениями. А там лежит гораздо больше социальной психологии, социального учения о душе, чем думают с обеих сторон.

Тот, кто - вероятно, я могу сказать это и о себе, как о том, кто пытается здесь изложить эти вещи — тот, кто пытался со всех сторон проникнуть как в мысленные привычки правящих буржуазных кругов, с одной стороны, так и в душевные порывы поднимающегося пролетариата, тот знает, как велика пропасть между ними и насколько трудно взаимопонимание; и это взаимное непонимание является всемирно-историческим, оно само является социальным фактом современности. Ведь, мы видим сейчас этот Париж-Берн¹⁰. Если прислушаться к таким вещам, то можно сказать: в обоих местах говорят на совершенно различных языках. В этих двух местах говорят на настолько различных языках, что можно было бы усомниться в том, что сказанное в одном месте хотя бы отдаленно ощущается в другом, и наоборот. Поэтому также трудно в настоящее время, как в буржуазных кругах, так и в кругах пролетариата, обращать внимание на то, что, собственно, является главными движущими силами в социальном вопросе. Поскольку, ведь, в том, что происходит исторически, не всё важно одинаково, - среди исторических событий есть такие, которые в значительной степени указывают на то, что является по-настоящему действующими силами. Другие явления, которые для поверхностного наблюдателя, возможно, так же важны, для настоящей действительности вообще не входят в рассмотрение.

Всякий, кто был в состоянии правильно проследить за пролетарским движением, как оно развивалось в последние несколько десятилетий, вероятно, столкнется, среди многих других, с тем значительным фактом, что современный пролетариат, я бы сказал, в действительно научной форме впитал в себя то, что является его импульсами, что этот современный пролетариат, исходя из своих воззрений, может сказать, каким образом должно быть разрешено то, что привело его в нынешнее положение, как то, что, в виде экономического и социального порядка породило старые классы, должно постепенно исчезнуть, и его место должно занять что-то другое.

Тут имеется один факт, который вызывает у некоторых насмешку. Здесь не место следовать за такими насмешниками, а необходимо указать на историческую серьёзность этого факта. Когда сталкиваешься, как раз, с благоразумными представителями современного пролетарского взгляда на жизнь, - возможно, особенно в первые годы знакомства с этим движением, нежели потом, когда уже больше разбираешься в этих вещах, когда с ними больше примиряешься, - вероятно, задаёшься вопросом: Какая, собственно, организация общества, человеческого общежития и человеческой деятельности, какая организация социального организма рассматривается в рамках этого взгляда на жизнь относительно того, что должно прийти, на то, чего надо добиваться? - тогда, исходя из этого взгляда на жизнь, всегда получаешь совершенно конкретный ответ: Сейчас это нас пока не интересует. Для нас речь, прежде всего, идёт о том, чтобы привести к распаду существующий общественный порядок, довести его до того, чтобы он сам дошёл себя до абсурда. А то, что придёт на его смену, будет видно. - У этих людей всегда речь идёт о представлении того взгляда, что пролетариат должен занять господствующее положение. Вот когда он одолеет марширующий перед ним класс, когда у него в руках будет власть, тогда, он найдёт то, о чём думать пока нет нужды.

Это было программным положением. Это не продумывалось в собственном смысле. Это рассматривалось также в агитационном смысле, но никак не в соответствии с действительностью. Вопросом же, который соответствует действительности, для тех, кто обладает чувством для сил исторического развития, является вопрос: Хорошо, но какое, собственно, значение имеет это современное пролетарское мировоззрение в рамках развития

¹⁰ Центральные и западные мировые силы после заключения комьпенского перемирия, и так далее, не пришли собственно, ни к какой мирной конференции. «Парижская мирная конференция», открывшаяся в Версале 18 января 1919 года была скорее просто встречей делегированных полномочных представителей 27 государств Антанты с целью согласования условий, которые должны быть навязаны центральным силам. В Берне с 3-го по 10-ое февраля проходила Интернациональная социалистическая конференция.

человечества вообще? - И от этого вопроса постоянно уходят, отвлекаются, потому что, как уже было сказано, сами взгляды меньше входят в рассмотрение, отвлекаются на то, что люди говорят о том, что они чувствуют, что они думают о своей собственной жизни, что они думают о других классах человеческого общества. Короче, отвлекаются от самого пролетарского вопроса о жизненном статусе пролетариата. Перед вами, как бы, выступает из жизни не речь, не высказывание, а определённым образом устроенное бытие какого-то класса, которое, самым способом своего существования, говорит о том, в чём тут дело. И ответ, который даёт реальность, который даёт сам действительный живой пролетариат, такой, какой он есть сегодня, можно сформулировать примерно так: Этот современный пролетариат со своими возможностями и условиями жизни, с тем, как он стоит внутри современного общественного порядка и чувствует себя там, - этот современный пролетариат чувствует себя, переживает себя, как критика этого современного, из техники и капитализма вышедшего экономического порядка.

Это, как я полагаю, чрезвычайно интересно, что, если вы склонны к соответствующему действительности воззрению, вы получаете ответ, относительно того, что есть, как бы, от самого пролетариата, - он лежит не каком-то теоретическом рассмотрении, а в самом пролетариате. Это - критика. Тот факт, что современный пролетариат стал таким, какой он есть, является в известной степени критикой того, что сложилось вне этого пролетариата как современный экономический порядок, и что этот пролетариат принял как современный экономический порядок.

И, поскольку это так, в душу этого современного пролетариата особым образом вторглось абстрактное само по себе, я бы сказал, на научных костылях идущее, учение, но учение, которое, как раз, проникнуто импульсом, который, как я только-что охарактеризовал, в качестве собственно жизненного импульса присутствует в самом современном пролетариате; учение марксизма, учение Карла Маркса. Это уникальный пример в духовной истории человечества, когда неиспользованный человеческий класс, человеческий класс с ещё не декадентским, неиспользованным интеллектом, с огромным сердцем, с такой открытой душой, будто в ней действующими силами являются собственные жизненные силы, принял научную теорию, как это случилось со стороны современного пролетариата с марксистским учением.

В этой связи, надо изучать эти вещи в жизни. Надо было видеть, как даже самые трудные вещи, которые считались трудными другими классами, проникали в элементарно чувствующую пролетарскую душу, как миллионы и миллионы современного пролетариата были охвачены этим, казалось бы, теоретическим учением. Но что живёт в этом теоретическом учении? И тут, опять же, своеобразие заключается в том, что в нём не живёт также и то, что в обычном смысле называется социальным идеалом. То, что в нём живёт не имеет никакой формулировки того, как должно выглядеть будущее государство или будущая социальная структура, а в нём живёт в основном критика современного буржуазного общественного и экономического порядка, и в этом марксистском труде заложен инстинкт: Указывая пролетариату на то, что является критикой современного технического капиталистического экономического порядка, я указываю на его собственные жизненные силы, я веду его к его собственной действительности. В некотором смысле, в марксистском учении отпечатано отражение непосредственной пролетарской жизни. И те, кто верят, что марксистское учение сделано для пролетариата, не понимают, что внешние формулировки, определённые взгляды и мысли давно уже могут быть преодолены, но остался особый порыв, специфический импульс, который живёт в таких вещах, и что, с другой стороны, возможно, именно в противоположных взглядах, к которым приходят, исходя из марксизма, во всякого рода ревизионистских попытках живет лишь дальнейшее развитие того, что в виде импульса живёт в душе привлечённого марксизмом современного пролетариата.

Это лишь для того, чтобы охарактеризовать социальный факт современности, который кажется мне более важным, чем культивируемые элементарные дискуссии, поскольку он в некоторой степени вводит в социальную психологию. И даже если он не даёт прямого ответа,

- а мы увидим в ходе лекций, каков будет ответ, - он указывает на существующие вопросы с тех точек зрения, которые для реальной современной жизни, вероятно, входят в рассмотрение первыми. И что же ощущается, когда непредвзято предстаешь перед этим фактом? Тогда ощущается некая определённая особенность современной жизни вообще. Эта современная жизнь, - как я часто подчёркивал это в своих лекциях здесь, в Цюрихе, - сформировала мысленные привычки, мысленные формы, которые оказались в определённых направлениях естествознания чрезвычайно плодотворными. Это современное мышление затем захотело проникнуть в понимание, в понимающее реформирование, реформирующее понимание самой социальной жизни, социальных явлений и импульсов жизни. Но при этом проникновении повсюду возникало ощущение: У современных людей, которые, как раз, полностью находятся в мыслительных формах и мыслительных привычках современности, нет понятий, которые в действительности могут охватить сложнейшие явления социальной жизни. Эти понятия, как бы, мелковаты. Они не могут охватить сложнейшие явления самой социальной жизни. Они остаются абстрактными, остаются контурными, но они не проникают в самую действительную жизнь, которая разыгрывается в социальном теле. Можно сказать: Это современное человечество отличает недалёкое мышление. И это недалёкое мышление, это мышление, которое повсюду обрывается, когда хочешь погрузиться в действительную жизнь, это мышление перешло также в устремления современного пролетариата. И получается так, что этого мышления достаточно для критики, но недостаточно для того, чтобы сформировать из человеческой душевной жизни действительные импульсы, которые могли бы быть направляющими силами, ведущими в будущее. Повсюду это мышление обрывается, когда хочешь сформировать такие импульсы.

И этим отмечается нечто глубоко решающее во всей жизни современности. Тот, кто в состоянии со всей серьёзностью ухватить то, что в этой современной жизни, создаёт проблемы, должен смотреть на неё именно с той точки зрения, о которой здесь идёт речь, как раз, сейчас, в этот момент всемирной истории, когда для чисто теоретических дискуссий нет времени, поскольку факты поджимают. Как раз, сейчас, в этот момент, видно, как люди сталкиваются с этими насущными и жгучими фактами, и как они повсюду проявляют это явление мышления, которое не может проникнуть в действительность. Люди во многом проникнуты доброй волей, но не доросшим до фактов мышлением. Именно в этот всемирно-исторический момент для тех, кто способен серьёзно вникнуть в нынешнюю ситуацию, обнаруживается пробуждение - часто оно проявляется в самых разных формах, совершенно бессознательно для человека - той склонности человека, которая для действительно серьёзного образа жизни, когда появляются животрепещущие и насущные вопросы, становится особенно губительной: пробуждение некой мечтательной духовности (Schwärmgeisteri), как я бы хотел её назвать. Эта мечтательная духовность, которая показывается под различными масками в различных областях, как раз, и мешает нам действовать сейчас соответствующим образом. И эта мечтательная духовность возникла в ходе развития, которое я назвал в лекциях прошлой недели историческим, и которое началось приблизительно на рубеже 14-го, 15-го, 16-го столетий.

В чём состоит сущность этой мечтательной духовности? Сущность её состоит, как раз, в том, что, благодаря определённому недействительному взгляду на жизнь, благодаря такому взгляду на жизнь, которому не хватает того, что я назвал на прошлой неделе пробивной силой внутреннего переживания, душевная, мыслящая, ищущая научного знания внутренняя жизнь, постоянно ищет, как бы, остров или множество островов, не желая строить мост к тому, чем является повседневная жизнь. Мы обнаруживаем, что множество людей находят, как бы, - если мне будет позволено использовать это выражение, - внутреннее особое благородство в определённом, пусть даже школьно-абстрактном, размышлении о всяческих этически-религиозных проблемах, парящих в небесах. Мы видим, как люди размышляют о том, как человек может приобрести добродетели, как он должен любить ближнего своего, как он может стать одарённым. Мы слышим о понятиях освобождения, милости и так далее, которые определённые носители жизненных воззрений хотят держать по возможности на

духовно-душевных высотах. Но в то же время мы видим неспособность перекинуть мост между тем, что люди называют хорошим, любящим, благожелательным, законным и нравственным, и тем, что окружает нас во внешней действительности, в повседневной жизни, как капитал, как заработная плата, как потребление, как производство в связи с циркуляцией товаров, как кредитные системы, как банковские и биржевые институты. Мы видим, как два мировых течения поставлены рядом друг с другом также и мыслительных привычках людей: одно мировое течение, которое хочет, как бы, держаться на божественно-духовных высотах, и которое не хочет строить мост между тем, что является какой-то религиозной заповедью, и тем, что является каким-то элементом обычной торговли. Но жизнь - это нечто единое. Жизнь может процветать только тогда, когда движущие силы всей этико-религиозной жизни действуют в самой повседневной, мирской жизни, в той жизни, которая, как раз, представляется менее благородной. Поскольку, если мы пренебрегаем построением этого моста, если по отношению к религиозной, нравственной жизни мы впадем в простую мечтательную духовность, далёкую от повседневной истинной действительности, то эта повседневная истинная действительность начинает мстить. Тогда, исходя из определённого религиозного импульса, человек стремится к всевозможным идеалам, ко всему, что он называет «хорошим», но инстинкты, которые как обычные повседневные жизненные потребности противостоят факторам удовлетворения, которые должны приходиться со стороны народного хозяйства, - перед этими инстинктами человек оказывается бессильным. Он не знает, как перекинуть мост от понятия божественной милости к тому, что происходит в повседневной жизни. Тогда эта повседневная жизнь принимает форму, которая не хочет иметь ничего общего с тем, что в виде этических импульсов хочет храниться в благородных душевно-духовных высотах. Но тогда месть становится такой, что этико-религиозная жизнь, поскольку она далека от повседневной, непосредственной практики жизни, незаметно, - потому что эта вещь выступает в жизни в замаскированном виде, - становится, собственно, внутренней ложью жизни человека.

Мы видим сегодня людей, которые из определенного этико-религиозного благородства, - как они думают, - проявляют самую добрую волю в отношении правильного сосуществования со своими братьями, которые проявляют самую добрую волю, чтобы делать своим ближним только самое лучшее, но которые не делают этого в действительности, поскольку не овладели социальным, содержащимся в практических жизненных привычках чувством жизни.

И, таким образом, мы переживаем, - если мне будет снова позволено употребить это выражение, - в этот всемирно-исторический момент, когда социальные вопросы стоят так зримо, так осязаемо, то, что со всех сторон появляются эти духовные мечтатели, которые часто считают себя очень сильными жизненными практиками и говорят: нам нужно, чтобы люди снова перешли из материализма, из внешней материальной жизни, которая привела нас к катастрофам и несчастью, к некоторой духовности, к духовному пониманию жизни. - Они не устают цитировать и приводить в пример личностей, которые в прошлом - как правило, речь идёт о прошлом, к настоящему это относится меньше, - высказывались за определённые идеалы, за определённую духовность. Да, можно пережить, что когда кто-нибудь пытается указать, как раз, на то, что сегодня необходимо для практической жизни так, как, например, хлеб насущный, то его внимание обращают на то, что прежде всего важно снова вернуть людей к духу. В этом наставлении содержится многое из того, что привело людей к сегодняшней катастрофе, есть фанатизм, который выступает сегодня в самых разных масках и воздействует на факты. В этом наставлении содержится очень многое из того, что привело людей к сегодняшней катастрофе, содержится мечтательная духовность, которая, выступая сегодня в самых разных масках, действует в фактах. Конечно, с одной стороны, это мечтательная духовность, когда кто-то, не зная внешних практических условий жизни, выдвигает какие-то социальные идеалы, называемые утопиями, в которых он довольно тонко разработано и кристаллизовано указывает на то, как люди должны жить, чтобы быть счастливыми, довольным и так далее. По сути, даже если такие утопии очень остроумны,

дело не в остроумии, а также не в доброй воле, а дело в том, как они себя позиционируют по отношению к жизненной практике. Сегодня речь идёт не о том, чтобы указывать людям вернуться к духу, а о том, чтобы дух был в том, как сегодня думают о социальном организме. Важно то, как мыслить. По-моему, так можно вообще не говорить о духе, но в том, как говорят о практике жизни должен быть дух. Это послужит сегодняшнему времени гораздо лучше, чем, исходя из мечтательной духовности, в каждом третьем предложении указывать людям на то, что им следует вернуться к духу, поскольку обычно те, к кому так обращаются, под духом не могут представить себе ничего, как раз, потому что и те, кто это говорит, не представляют себе под духом ничего толкового. Сами же утопии, которые выдвигаются, - а их и сегодня не так уж мало, - тщательно продуманные социальные идеалы, - они ещё не самое худшее, потому что, как правило, такие вещи серьёзно не воспринимаются. Очень скоро выясняется, что они непрактичны, что они созданы, не на основе истинных условий жизни. Гораздо хуже в сегодняшних условиях замаскированная мечтательная духовность, которая исходит из кажущейся жизненной практики, поскольку такая жизненная практика не содержит в себе действительность, а живёт, собственно, в лишённых сущности абстракциях. Этим мечтающим духом мы пережили в полном их значении только в событиях современности. И их трудно распознать. Их трудно распознать, поскольку именно в этих областях люди ещё не заострили своё внимание.

Если сегодня по отношению к человеку, имеющему качество мечтательной духовности, - в остальном, о многих прочих качествах такого мечтающего духа нельзя сказать ничего плохого, он тоже может быть хорошим человеком, может выполнять свой долг в своей области, может быть даже превосходным человеком, - если относительно какой-то личности подчеркнуть, что она является мечтающим духом, то люди сегодня очень удивляются, поскольку у них на этот счёт, как им кажется, имеются свои суждения, и поскольку на самом деле эти суждения являются не более чем диким суеверием. Например, в течение последних нескольких лет я присматривался также к некоторым "практикам жизни" - возьму это в кавычки - на предмет мечтательной духовности. В этом отношении человечеству, если оно хочет приблизиться к истинному знанию, придётся пережить некоторые внутренние парадоксы. Вы удивитесь, например, если я представлю вам таким, в самом прямом смысле слова, мечтающим духом, Людендорфа¹¹. Суждения его последователей и его противников идут в совершенно ином направлении. Самое существенное в его личности было то, что, за исключением той области, в которой он был в школьном смысле велик, в стратегии, в отношении всего прочего мышления он был абстракционистом в самом выдающемся смысле этого слова, совершенно чуждым жизни человеком, который составлял себе о вещах мечтательно-духовные мысли, не имеющие ничего общего с реальностью, и, благодаря этому, причинивший невыразимый вред, желая воплотить свои мечтательно-духовные идеи в реальность. И так можно было бы представить многих личностей, причиняющих сегодня бесконечный вред, поскольку их считают практиками в жизни, как типичных представителей мечтательной духовности.

В девяностых годах 19-го столетия эта мечтательная духовность приобрела прямо-таки эпидемический характер, выступая из Америки и затопляя Европу в форме тогдашнего, так называемого, «Общества для этической культуры»¹². Тут была сделана попытка то, что было чуждо жизни, что должно было вытекать только из этого благородного ощущения определённых этических импульсов, распространить в виде этической культуры. И если кто-

¹¹ Erich Ludendorff (Эрих Людендорф), 1865–1937, в 1916–18 годах первый генерал-квартирмейстер немецкой армии, он также оказывал далеко идущее влияние на политические и экономические вопросы (падение Бетмана Хольвега). В 1923 году Людендорф принял участие в гитлеровском путче и в 1926 году вместе со своей женой Матильдой основал «Völkisch-Christlichen Tannenbergbund» (Народно-христианский танненбергский Союз).

¹² «Немецкое общество для этической культуры» было основано в Берлине в 1892 году по предложению В. Ферстера и Георга фон Гижицкого. См. Рудольф Штайнер, «Мой жизненный путь», гл. XVII, и два очерка об этом обществе в «Сборнике очерков по культурной и новейшей истории 1887-1901», полное издание Дорнах 1966, библия № 31, стр. 164 и далее и 169 и далее.

то, как это тогда пришлось сделать мне, указывает на то, что с такими вещами мы живём внутри этой мечтательной духовности, что такими вещами мы запираем, ограничиваем человеческое мышление, так что оно теряет способность погружаться в истинную действительность, то он оказывается либо непонятым, либо неверно понятым, либо осмеянным.

Этой мечтательной духовности необходимо противопоставить соответствующее действительности мышление, которое, как я полагаю, выходит из уже много лет здесь представляемого, действительно духовно-научного мировоззрения. Что же является существенным в этом духовно-научном мировоззрении? Существенным является то, что оно говорит о духе не как о том, что получается как отражение видения внешней чувственной действительности, а говорит о духе, исходя из действительного сверхчувственного переживания мира, который так же реален, как увиденное глазами, услышанное ушами и ощущаемое руками. Не так важно то, что детально-теоретически говорится об этом действительном духовном мире, а важно, что посредством того, что становится для человека знанием из этого духовного познания мира, он обретает некое внутреннее душевное состояние, некий внутренний жизненный статус, благодаря которому он живо ощущает себя душевно-духовным существом в действительном духовном мире. Важно не то, что говорится об этом духовном мире, а то, как ощущается нахождение в этом духовном мире. Можно верить в то или иное сверхчувственное. Это, однако, может привести как мечтательной духовности, так и, в определённом отношении, к хорошей воле. Но важно чувствовать: когда думаешь, когда ощущаешь, то в мыслях, пронизывающих собственную душу, в ощущениях, сотрясающих собственную душу, есть живой действующий дух. Этот живой действующий дух в нас. Он в нас так же, как вещи снаружи в пространстве и как процессы снаружи во времени. И если теперь в это положение действительного духовного познания не просто вдуматься, а вжиться, то из этого духовного познания вырастает некий внутренний импульс, который является движущей силой, чтобы сделать дух реальным в мире посредством самого себя, движущей силой, чтобы пережить дух как реальность совершенно другим образом, нежели это может быть посредством простого отражения идей и понятий, говорящих о духовном. Это большая разница, говорится: Я думаю о духе, я верю в дух, - или говорится: Во мне мыслит дух, во мне ощущает дух. Обычное понятие веры, по сравнению с этим переживанием, собственно, теряет свой смысл. Нечто от душевно-духовной силы должно перейти в развитие человечества из этого духовного переживания. И это нечто от душевно-духовной силы, которое должно войти в ощущение человечества, обладает большей социальной важностью, нежели можно подумать, поскольку это то, что является лекарством для парализующей, охарактеризованной здесь на прошлой неделе идеологии, которую пролетариат, как гнетущее наследие, унаследовал от буржуазии.

Что действительно живёт в этой первой истинной форме социального вопроса, - если понять, как проникнуть в глубины этого вопроса, - так это то, что развитие современной духовной жизни на рубеже Нового времени, или начиная с этого рубежа Нового времени в 14-ом столетии, постепенно настолько притупились, ослабли, парализовались, что люди уже не знали: живет ли в них дух как настоящий, живой, или в них живут только идеи, только зеркальные отражения какой-то реальности, - что затем в мире и во взглядах на жизнь современного пролетариата стало таким, что этот пролетариат говорит: в духовной области есть только одна идеология. Действительность есть только в экономическом, в хозяйственном процессе, в классовой борьбе; там разыгрывается реальность. - Но из этого нечто поднимается в души людей, как пар; оно проявляется в форме образов, которые изживаются в науке, в этике, в религии, в искусстве. Это даёт надстройку (Überbau) для единственно действительно реальной подструктуры (Unterbau). И хотя в социологии не могут не признать, что то, что живёт в этой надстройке, в свою очередь, оказывает обратное действие на хозяйственную жизнь, оно всё же остаётся идеологией. Из этой идеологии, не получить никакого лекарства, если не обратиться к действительно духовному переживанию, которое духовная наука хочет ввести в современное человечество. Выздоровление от вреда идеологии

можно достичь только посредством действительного углубления в истинный дух и его проявления, посредством углубления в действительный сверхчувственный мир. И то, из-за чего для современного пролетариата вся духовная жизнь, в которую человек был введён, благодаря культуре, является в виде простой идеологии, - это оставляет души неудовлетворёнными и пустыми, поскольку идеология не является тем, что может придать душе определённый импульс, наполнить её определённым порывом, определённым сознанием. Из этой душевной пустоты в пролетарском мировоззрении, которое образует одну часть, один член действительного социального вопроса, выросло и настроение, безутешное настроение. И пока людям не станет ясно, что склонность к идеологии необходимо лечить, до тех пор в современные пролетарские души невозможно внести позитивные импульсы, до тех пор в этих современных пролетарских душах будет оставаться просто критика технико-капиталистического хозяйственного порядка и мировоззрения.

Но этого не достичь, если не будет воли приступить к действительно практическому взгляду на жизнь, взгляду на жизнь, который состоит не из теорий, и также не просто религиозных теорий, а который хочет жить, хочет творить жизнь, хочет сам рождать жизненные импульсы. Для этого необходимо многое, от чего современный человек шарахается, как от чего-то совершенно радикального. Но то, что здесь имеется в виду, гораздо менее радикально, чем то, что обрушится на людей, исходя из жизни, которая высвобождается в современных инстинктах, если они чувствуют себя слишком удобно, чтобы обращаться к необходимому.

То, что я здесь представил со одной определённой стороны, относится к одному члену социального организма, который должен возникнуть из условий жизни современного человечества, к одному из трёх членов, о которых я в общих чертах говорил в прошлую среду. Тогда я говорил, что, своего рода, несчастье современного человечества, даже если оно этого и не видит, - а оно этого не видит, - состоит в том, что то, что должно быть трёхчленным, и чьи члены должны живым образом взаимодействовать с определённой самостоятельностью, оно сделало хаотически действующим организмом, и хочет сохранять его таким в будущем.

Просто, чтобы меня не поняли неправильно, я хотел бы ещё раз, в скобках, указать, что совсем я не намерен выступать за какие-либо огромные изменения, которые должны произойти с сегодня на завтра. То, что я даю, должно быть ориентиром, определенным течением, относительно которого можно ориентировать каждый отдельный вопрос, который может вставать перед людьми в государственной, духовной и экономической жизни. Не нужно сразу думать, как это делают некоторые люди, которым я объяснял эти вещи, что то, что сегодня называется «государством», завтра должно превратиться во что-то другое. Надо только иметь волю относительно некоторых вещей осуществить христианское «Измените смысл» (или «измените сознание»)¹³ («Ändert den Sinn»), то есть, отдельные, отдельные мероприятия, перед которыми вы поставлены, если вам надо вмешаться в них относительно того, чтобы придать им определённую форму, ориентировать в определённом направлении.

И потому я объяснил, что то, что сегодня хотят смешать в одной куче как единое государство, точно так же, как если бы захотели смешать всё в человеческом организме, - тогда он превратился бы в гомункула¹⁴ - так, чтобы три его системы были запутано централизованы, - что, то, что сегодня хотят централизовать, хотят сделать единым государственным предприятием, должно живым образом распастись на три части, если должен развиваться здоровый социальный организм. Как самостоятельный член этого социального организма должно развиваться всё то, что является духовной культурой, как самостоятельный организм должно развиваться всё то, что сегодня в узком смысле называется

¹³ То, что обычно переводится как «покайтесь» (прим. пер.)

¹⁴ Гомункул: Ср. Гёте, «Фауст», часть II, Laboratorium. См. Также высказывание Р. Штайнера относительно сатирического стихотворения Роберта Гамерлинга (Hamerling) «Гомункул»: «Гомункулизм должен был бы овладеть человечеством, которое верило бы только в мир, построенный по механическим законам природы» (прим. пер.).

политической государственной жизнью, которая должна быть связана с духовной жизнью не посредством централизации, а лишь посредством живого взаимодействия, и, в качестве третьего самостоятельного члена, должен развиваться хозяйственный организм. Духовный организм, государственный организм, хозяйственный организм, - это то, о чём надо сказать: в следующие десять-двадцать лет силы развития людей устремлены в этом направлении. И тот, кто мешает этому развитию, мешает тому, что является жизненными возможностями современного человечества.

Первый пункт я касался с той точки зрения, о которой я говорил сегодня, прежде всего это: жизнь, так называемой, духовной культуры, охватывающей всё, что можно назвать школой и образованием, всё, что можно назвать религиозной жизнью, художественной и литературной жизнью, но также охватывающей всё, что относится к частному и уголовному праву. Я ещё буду характеризовать эти вещи более подробно. Всё, что содержится в этой жизни духовной культуры, должно быть поставлено на общественную, но самостоятельную основу по отношению к основаниям прочего социального организма. Всё это должно быть поставлено на само себя, должно быть поставлено на такую основу, что можно будет сказать: жизненный элемент в рамках этого члена социального организма должен стать действующим из центра человека свободным развёртыванием его телесных и духовных задатков. В этой области всё должно быть ориентировано на индивидуальность. Поскольку то, что втекает в эту область, должно исходить из центра человеческой индивидуальности, а физические и умственные способности человека должны иметь возможность свободно развиваться, но в то же время надо следить за тем, чтобы они не могли воздействовать каким-либо вредным, тормозящим или неправомерным образом на остальную культурную жизнь.

Как раз, об этой области можно было бы многое рассказать. Я хотел бы привести один гротескный пример. Я прошу прощения, что этот пример будет несколько гротескным, но он, вероятно, выразит то, что я хочу сказать, как раз, в отношении этой области. Возьмём какого-нибудь юного студента, то есть, человека, который стоит в начале своего духовного развития, который должен написать свою докторскую диссертацию. Он получает совет от авторитетной личности поработать над какой-то темой, которая мало или совсем не проработана, - скажем, тема бранных слов какого-нибудь древнеримского писателя. Ведь, есть такие вещи, о которых те, кого это касается, знают. И вот этот молодой человек целый год работает над бранными словами какого-то древнего писателя. Сегодня скажут: Это важно для науки. - Да, со стороны тех представлений, которые имеются в этой области, это, конечно, представляет научную ценность; но в рассмотрение входит и нечто другое. Это включённость такой вещи в весь социальный организм. Отвлечёмся от того, что это, ведь, может быть очень интересным, писать о бранных словах какого-нибудь древнего писателя. Я знаю одну диссертацию, где один такой молодой человек ужасно мучился, поскольку у него речь шла об использовании скобок у одного из древних греческих писателей. Я не хочу сказать ничего против того, что с чисто научной точки зрения может быть открыто о таких вещах. Мы здесь говорим не с точки зрения обывателя. Но в отношении включённости в социальный организм всё же можно сказать следующее: молодому человеку может понадобиться год напряженной работы. Всё это время он должен есть, пить, как-то одеваться. Для этого ему нужен определенный доход, определенный капитал. Что это значит: он съедает определенный капитал? В реальной жизни это означает ни что иное, как то, что на него должно работать много, много людей. То, что он ест, что пьёт, одевается, этим в течение года занимается целая армия людей. Целая армия людей занята для того, чтобы он ел, пил и одевался, и это входит в рассмотрение относительно социального эффекта этой вещи. Сегодня широко распространено мнение, что такие вещи можно просто включать в мир и без социального понимания, исходя из определённой склонности служить чисто научным интересам. Однако, в наше время жизнь требует, чтобы каждая ветвь, в её живой связи со всеми другими ветвями жизни, была охвачена социальным пониманием, социальным чувством.

Как уже было сказано, я прошу прощения за такой гротескный пример, можно было бы привести менее гротескный пример, но я привел этот пример, чтобы показать вам, насколько

необходимо развивать социальное чувство для того, чтобы духовная жизнь, всё функционирование духовной жизни стояло в социальном организме так, чтобы это было оправдано общими интересами человечества. Следует спросить эти общие интересы человечества, придают ли они определению ругательств какого-либо древнеримского писателя такое большое значение, что для этой работы в течение года придётся нанимать целую армию рабочих. Этот вопрос можно было бы, конечно, разработать во многих направлениях и менее гротескно. Тогда пришли бы к тому, что то, что охватывает духовная культура, к которой принадлежат также, например, создание технических идей, живым образом действует на другое образование, на правовое государство, когда эти вещи стоят в жизни в относительной независимости. Централизация же, напротив, всё ввергает в хаос.

То, чем является духовная жизнь, должно стоять в относительной самостоятельности, должно основываться не только на внутренней свободе человека, но эта духовная жизнь должна стоять в социальном организме так, чтобы она находилась в совершенно свободной конкуренции, чтобы она не касалась никакой государственной монополии, чтобы то, что в виде духовной жизни проявляется среди людей, - то, как она проявляется для отдельного индивидуума, это другой вопрос, мы говорим об организации социального организма, - могло проявляться только в совершенно свободной конкуренции, в совершенно свободном удовлетворении нужд общества. Каждый сколько угодно может писать стихи в свободное время, может сколько угодно находить друзей для этой поэзии, - в духовной жизни оправдано только то, что другие люди хотят сопережить с отдельной человеческой индивидуальностью. Но это может быть поставлено на здоровый базис только в том случае, если вся духовная жизнь, вся школьная и университетская жизнь, вся воспитательная жизнь и вся жизнь искусства сбросит с себя монопольный характер и будет поставлена на саму себя, - как уже было сказано, не с сегодня на завтра. Этим даётся направление для предоставления людям самостоятельности. Этим перебрасывается мост и к чему-то другому. Уже в начале девяностых годов я попытался показать в своей «Философии свободы», которая сейчас вышла в новом издании, возможно, как раз, в нужное время, что реальное человеческое переживание свободы никогда не может быть основано ни на чём другом, кроме как на действительной, действующей в человеческой душе духовной жизни. Тогда я называл действие интуиции в человеческой душе, действием действительного духовного. Это действительное духовное должно быть рождено в человеческой душе в свете свободы и в свободной конкуренции, - тогда оно правильным образом вживается в социальный организм. Но тогда он не должен также, - и это важно, - подпадать под право контроля со стороны какого-либо другого члена социального организма, тогда он должен иметь возможность проявляться в полной свободе, руководствуясь только общими потребностями.

Я знаю, - и я также опровергну это в следующих лекциях, - что многие люди думают: Ну да, если школы будут свободны, тогда нас снова будут окружать сплошные невежды (Analphabeten). Я покажу, что это не так. Что мне важно сегодня прежде всего, так это показать необходимость свободной духовной жизни в социальном организме, исходя из внутренней природы дела. Ведь, есть государства, в которых наука - как сегодня почти везде - монополизирована государством, в законах которого можно обнаружить: Наука и её учения свободны. - Но это остаётся просто фразой и должно оставаться просто фразой, если духовная жизнь не поставлена на саму себя. Не только потому, что эта духовная жизнь в отношении личностей, которые в ней действуют, в отношении того, что можно говорить, а что нельзя говорить, зависит от другого члена социального организма, если этот другой член строит школы и университеты, если упоминать только это; этим определяется не только, как сказано, внешнее функционирование, предоставление мест личностям, ограничение того, что можно говорить, а что нельзя, но определяется и само внутреннее содержание самой духовной жизни. Вся наша научная жизнь носит характер политической жизни, с тех пор, как в Новое время сфера политической жизни распространилась на духовную жизнь. Но духовная жизнь не может быть делом какого-то другого члена социального организма; она

может получить присущее ей содержание только в том случае, если она развивается из свободной человеческой индивидуальности.

Этой свободной духовной жизни, - как головной системе природной человеческой организации противостоит пищеварительная система, - противостоит просто хозяйственная жизнь. Эта хозяйственная жизнь имеет свои собственные законы. Характер этой современной хозяйственной жизни разработала, как раз, пролетарская наука, - разработала соответствующим чувствам, соответствующим жизни образом, не как кафедральная наука, только теоретически, а так, что в этой пролетарской науке видно, как хозяйственная жизнь относится к человеку в общем.

Теперь в особенности нужно указать на один пункт. На этот пункт я в этих лекциях уже указывал. Что особенно бросается в глаза в этой хозяйственной жизни сегодня, или, вернее, в пролетарском научном рассмотрении этой хозяйственной жизни, так это то, что и в отношении неё пролетариат перенял наследие других классов. Когда развилась современная техника, когда развился современный капитализм, человеческий взор был, как бы, загипнотизирован этой хозяйственной жизнью как единственно реальной вещью в социальном организме, по причинам, изложенным здесь на прошлой неделе. Полагалось, что когда речь идёт о человеческом развитии, надо указывать только на эту хозяйственную жизнь. То, что эта хозяйственная жизнь, как мы видели, приобрела такой особый ангажированный характер, что посредством этой хозяйственной жизни в ясный свет солнца человеческого ощущения, ощущения человеческого достоинства, попал особенно действенный импульс современного пролетариата, - это надо рассматривать именно применительно к хозяйственной жизни. Ведь, благодаря этому, Карл Маркс произвел такое зажигательное воздействие на миллионы и миллионы пролетариев, что люди поверили, что он первый ясно указал на то, что во всём положении современного пролетариата есть нечто недостойное человека; он, Карл Маркс, первым указал на то, что для пролетариата его рабочая сила является товаром¹⁵, как и другие товары циркулирующим на товарном рынке, подчиняясь закону спроса и предложения.

Карл Маркс, во многом ошибочным образом, указывал на лежащие в основе этого факты. То, что он вообще указал на этот самый внутренний нерв современного социального вопроса, это со стороны чувств пролетарской души зачтётся ему как особая заслуга. Также и здесь социально-психологическое имеет гораздо более соответствующее действительности значение, чем теории, рассмотрения и дискуссии, приуроченные к значительной части экономической и прочей социальной жизни. Но из этого возникает жизненный вопрос: Как можно преодолеть это воспринимаемое недостойным человека? - Это первым сказал Маркс. Как уже было сказано, эта вещь во многих отношениях ошибочна, но сейчас речь не об этом, поскольку если какой-то ошибочный факт имеет в душах миллионов людей такую мощную пробивную силу, то это уже социальный факт. Так сказал Карл Маркс, и так его понял современный пролетариат. Это понимание, даже если оно во многих отношениях изменилось, действует ещё и сегодня, живо действует, как раз, сегодня особенно в чувствах. Так, он говорит: В хозяйственном организме товары выбрасываются на рынок и продаются. Есть владелец товаров, собственник товаров, и есть покупатель товаров. Между ними циркулируют товары. Современный пролетариат не владеет ни чем, кроме своей рабочей силы. Для каждого товара необходимы определённые расходы на его изготовление. Изготовление того или иного товара, доведение его до потребительского вида стоит столько-то и столько-то. Современный пролетариат имеет только свою телесную силу, свою рабочую силу. Для изготовления этой рабочей силы необходимо всё то, что он должен получить в виде питания, одежды и так далее. Израсходованная рабочая сила всегда возмещается тем, что он должен приобретать в виде пищи и одежды. Это издержки производства его рабочей силы. - Теперь Карл Маркс говорит, и в глубине своего существа так считает и современный

¹⁵ Ср. Карл Маркс, «Капитал» («Das Kapital»), Том I, 4-ая глава: «Покупка и продажа рабочей силы» («Kauf und Verkauf der Arbeitskraft»), а также 5-ая глава: «Рабочий процесс и процесс утилизации» («Arbeitsprozeß und Verwertungsprozeß»).

пролетарий: Без принуждения работодатель даёт ему не больше, чем стоимость изготовления его рабочей силы в качестве, так называемой, заработной платы. Но если, например, работа, которая длится пять часов, погашает все производственные затраты, современный предприниматель этим не доволен. Он требует более длительного рабочего времени. Тогда рабочий работает просто так, поскольку он получает только столько, сколько нужно для изготовления его товара, «рабочей силы». То, что он работает сверх этого, является добавленной стоимостью. Это то, что он приносит на алтарь - если это можно назвать алтарем - капитализма, то, что накапливается как капитал, но то, что возникает из его рабочей силы, и возникает из неё потому, что он получает только стоимость изготовления (издержки производства), поскольку он принуждён к тому, чтобы предлагать для продажи на рынке труда то, что он имеет: свой товар «рабочая сила».

Вы можете проявить величайшее человеческое остроумие, вы можете проявить глубочайшие познания в национальной экономике, чтобы ответить на вопрос, как сделать так, чтобы в социальном организме рабочий не должен был бы приносить свою рабочую силу на рынок в качестве товара, чтобы он вытеснил из мира это последнее следствие рабства, и даже если бы вы, с величайшей остроумием, с глубочайшим знанием национальной экономики, могли думать над этим несколько человеческих жизней, вы не пришли бы ни к какому результату. Вы не пришли бы ни к какому результату, поскольку это, как раз, в самом прямом смысле вопрос, который невозможно обсуждать, на который нельзя ответить только теоретически, а ответ на который может дать только сама жизнь, дать ответ только посредством создания чего-то такого, что действует в жизни так, что рабочая сила сбросит с себя характер товара.

Если мне будет позволено употребить сравнение, я хотел бы указать на маленького человечка, которого в гетевском «Фаусте» создает в реторте Вагнер: гомункула. Он состоит из того, что человек может представить себе как ингредиенты природы; но он не становится человеком, он становится просто человечком, гомункулом. Подобно этому, можно собрать что-то из ингредиентов понимания или из ингредиентов, созданных народным хозяйством, - но получится только социальный гомункул! Как необходимо создать условия для возникновения живого человека, так же необходимо создать условия и для того, чтобы живой социальный организм действовал так, чтобы в жизни постоянно, - не посредством теорий, или посредством аргументов, - были разделены то, что должно изживаться в только циркуляции товаров, и то, чем является рабочая сила, которая не должна изживаться в простой циркуляции товаров.

Этого вы достигните не иначе, как, если вы будете исходить из того, что живой социальный организм должен содержать в себе в качестве самостоятельных членов, наряду с духовным членом, государство-правовой, непосредственно политически-государственный и, относительно самостоятельный экономический организм, который должен жить по своим законам. Как желудок не может дышать или производить сердечные удары, так и экономический организм не может развивать права своими собственными силами. И он никогда не сможет развить права, если будет действовать только исходя из своей собственной реальной основы. Исходя из этой реальной основы, социальный организм будет вести к потреблению только через производство, через торговлю.

Но, как этой товарной циркуляции противостоит сама природа, эта природная основа всякого производства, всякого потребления, и всей человеческой деятельности, ремёсел и так далее, так, с другой стороны, хозяйственной организации должно противостоять и не определяться этой хозяйственной организацией то, что определяет эту экономику, что живёт в политическом, правовом государстве. Это должно быть по отношению к хозяйственному организму так же самостоятельно, как лёгочно-сердечная система относительно самостоятельна по отношению к головной системе, нервно-чувственной системе. Именно благодаря тому, что эти вещи действуют, взаимодействуют самостоятельно, они занимают правильное место по отношению друг к другу. Только благодаря тому, что лёгкие и сердце в органической жизни отделены от жизни желудка и действуют относительно самостоятельно,

они правильно взаимодействуют друг с другом. Только благодаря тому, что в живом социальном организме есть самостоятельный член, который не обуславливает, исходя из какого-либо экономического основания, превращение рабочей силы в товар, а воздействует так, что эта работа, исходя из живой жизни, включена в социальную структуру так, что она понимается в этой социальной структуре как право, - только благодаря этому, вы можете допустить, чтобы экономическая жизнь определялась тем, что представляет собой правовая жизнь, политическая жизнь государства в непосредственном смысле этого слова, так же, как экономическая жизнь определяется природной основой. Только в том случае, если иметь эти три члена относительно самостоятельными по отношению друг к другу, если иметь один самостоятельный духовный член, один самостоятельный член правовой системы, собственно государственной жизни, и один самостоятельный член хозяйственной жизни, и эти три члена будут взаимодействовать относительно самостоятельно, если каждый из этих членов будет иметь на основе своего собственного основания свой управляющий орган, скажем, свой рейхстаг, свой бундестаг (палату представителей), своё министерство, и положение отдельных членов будет почти так же суверенно, как положение отдельных государств, которые связываются друг с другом только через своих представителей, - только тогда такой социальный организм будет действительно здоров. Затем в области хозяйственной жизни развивается основа для интересов, которые только и могут иметь решающее значение в качестве импульсов в этой хозяйственной жизни. И затем может быть поставлен вопрос о жизни посредством того, что происходит в другом члене социального организма, в правовом организме: если, исходя из импульсов этого правового организма, приходят к ограничению человеческой рабочей силы, которая отныне имеет характера не товара, а права, если эта рабочая сила включается в определённую хозяйственную отрасль таким образом, что эта хозяйственная отрасль не приносит прибыли, то эту отрасль надо рассматривать в связи с этой неприбыльностью так же, как если бы она не была прибыльной из-за слишком дорогого сырья. Это значит: человеческая рабочая сила становится господствующей в отношении хозяйственной жизни, не угнетаемой, не рабской. Но это достигается не установлением определённых законов, а тем, что в живой жизни создаётся тело, которое, просто из-за того, что в этом отдельном теле должны присутствовать какие-то другие человеческие импульсы, непрерывно из эпохи в эпоху лишает работу характера товара, поскольку она должна быть лишена своего товарного характера, иначе она будет снова и снова высасываться, поскольку хозяйственное тело всегда имеет тенденцию высасывать рабочую силу и превращать её в товар. Политическое тело всегда должно быть начеку, чтобы снова и снова снимать с рабочей силы её товарный характер.

Повсюду жизнь показывает, что сваливание в одну кучу, - если мне будет позволено такое тривиальное выражение, - этих трёх социальных областей жизни нездорово. Изучите как-нибудь то, что образовалось в виде этой социальной или прочей катастрофы в последние четыре с половиной года. Изучите на основе действительных событий. Это прекрасное обучение, например, в области, которая сейчас распалась на атомы, в Австрии: как, собственно, хотела выстоять эта внутренняя структура, начиная с более чем половины столетия назад? Тут был, так называемый, рейхсрат (имперский совет). В этом рейхсрате было определенное представительство народа, причём только определенных слоев. Это представительство распалось, - не в последнее время, а когда события уже готовились: во второй половине 19-го столетия, - на четыре курии, на курию крупных помещиков, на курию сельских общин, на курию городов и рынков и на курию индустриальных областей, торговых палат; то есть, сельских общин, городов, крупных землевладельцев, торговых палат. Вы видите, в этом представительстве заложены, по сути, хозяйственные импульсы. И это представительство было государственным представительством. Это представительство издавала законы. Это произошло только потому, что под влиянием современного развития, как я указал в начале наших сегодняшних рассмотрений, люди были бессильны обеспечить хозяйственную жизнь своей собственной организацией, поскольку мышление стало слишком мелким, узким и ограниченным. В качестве рамок для хозяйственной жизни было взято

поднимающееся государство, и хозяйственная и государственная жизнь были перемешаны. И пока не будет понято, что этим смешением было заложено бесчисленное количество причин, приведших к нашему катастрофическому настоящему, до тех пор не будет найдено истинного лекарства.

Сегодня я опять же смог дать только некоторые вещи. Дальнейшие объяснения я позволю себе дать послезавтра. Но одно я хотел бы заметить уже сейчас: Вы можете найти подтверждение тому, что я сказал, - если только захотите вникнуть в основы жизни, - даже применительно к большой мировой политике. Тот, кто изучает генезис этой страшной войны, которая не является войной в старом смысле, а является состряпанной из различных ингредиентов великой человеческой катастрофой, которая сейчас не кончилась, а вступила в состояние своего кризиса, кто изучает генезис этой катастрофы, тот, например, обнаружит, что в исходном пункте, во всей подготовке, существенный вид был придан тем, что современная хозяйственная жизнь сформировалась определённым образом, что эта современная хозяйственная жизнь, - из-за того, что она не была правильным образом отделена, образуя естественный, действительно жизнеспособный социальный организм или мировой организм, - было соединено с жизнью просто правового государства, которое должно было оставаться относительно независимым. И таким образом в основном появились хозяйственные факторы, хозяйственные элементы, которые в течение последних нескольких десятилетий использовали власть государства; хозяйственные силы, которые взаимодействовали друг с другом дисгармонично. Если бы им оставили возможность развиваться исключительно на основе своей хозяйственной жизни и на основе их взаимной гармонии, они никогда не могли бы привести к этой катастрофе. К этой катастрофе они привели как просто экономические силы, поскольку этим экономическим силам, благодаря неверной политической организации, было позволено использовать политические государственные силы, которые для них послали в поле свои армии.

Надо только эти вещи нужно провести перед глазами соответствующим образом, не только теоретически. Некоторые люди, конечно, делают это сегодня. Но относительно того, что действительно и жгуче проходит сегодня как собственно импульс социального вопроса, необходимо видеть их в правильном свете как истинный симптом современной жизни. Тогда можно выйти из этой мечтательной духовности, из этого простого увещевания, и прийти к тому, что действительно, что делает возможным взаимодействие этих трёх членов социального организма. То, чего не может разрешить никакая дискуссия, никакое национально-хозяйственное суждение, - жизнь рядом друг с другом экономической жизни и политической жизни, разрешит вопрос о рабочей силе и сможет навсегда устранить один из самых существенных, самых трудных моментов в ощущении современного пролетариата.

Ну, что ж, послезавтра я продолжу здесь эти рассуждения, остановлюсь на деталях, и тогда многое из того, что сегодня должно было остаться под вопросом, сможет быть выяснено должным образом. Вероятно, надо отметить только ещё одну вещь. Так есть сейчас и так будет ещё долго, что, исходя из удобных мыслительных привычек современности, то, что на самом деле не является абстрактным идеализмом, то, что на самом деле является жизненной практикой, люди находят слишком радикальным, возможно, слишком академическим или каким-то ещё. Тут многие скажут: Ну, вот является тут какой-то духовный учёный и хочет участвовать в обсуждении исключительно практического вопроса, вопроса, важном для мировой истории, в вопросе социальном. - Как раз, не для того, чтобы сказать что-то особенное для себя или для представителей того направления, которое я здесь представляю, а для таких людей, которые находят подобные вещи нецелесообразными, безнадежными, поскольку не видят перспектив, - для этих людей, не для себя, в заключение я хотел бы привести одно сравнение. Я хотел бы указать на того бедного парнишку Стефенсона (Stephenson)¹⁶, который должен был сидеть за паровой машиной Ньюкомена¹⁷ и попеременно

¹⁶ Не Стефенсону, а Хамфри Поттеру пришлось управлять двумя кранами паровой машины Ньюкомена-Коули-Савари примерно в 1711 году. В то время отдельные конденсаторы ещё не были известны.

открывать и закрывать краны, через которые с одной стороны впускался пар, а с другой - конденсат. Тогда мальчик заметил, что балансир качается вверх-вниз, и подумал: а что если я привяжу оба крана к балансиру веревочкой? Тогда этот балансир, с одной стороны, открывал бы один кран и закрывал бы другой, а с другой стороны закрывал бы один и открывал бы другой. Балансир будет делать за меня работу, а я могу просто смотреть, подумал про себя маленький мальчик. И он действительно это сделал. Тогда могло бы произойти то, что часто случается в таких случаях, когда что-то новое должно прийти в жизнь, что какой-нибудь очень умный человек сказал бы: Глупый ты мальчик, ты должен делать то, что тебе велено! Что ты тут привязал к балансиру? Быстро убери всё это, а то я тебя выпорю! - Но этого не произошло, а стало важнейшим изобретением Нового времени, самоуправлением паровой машины. Развить более чем правильное представление о том, что ведёт к самоуправлению социального организма, к живому взаимодействию этих трёх членов, - к самостоятельной деятельности духовного члена, политико-правового члена, хозяйственного члена, - на большее духовная наука не претендует. Но теперь это зависит от того, скажут ли очень умные люди этой духовной науке: «Глупый мальчик, делай своё дело», - или они пойдут на это. Когда занимаешься такими вещами, нужно говорить себе это часто, со всей скромностью и без самонадеянности. Вера в мечтательных духов, считающих себя практиками, может вскоре смениться сознанием того, что истинные практики жизни - это пресловутые идеалисты, которые, однако, могут проникнуть в действительность жизни, что именно они должны исследовать истинные условия человеческого развития, и что только посредством познания истинных условий и сил развития современного человечества может быть найден тот путь, который может привести к тому решению социального вопроса, - о котором мы хотим поговорить в следующий раз, - который вообще возможен в действительной жизни. Правда будет стоять не за высокомерием людей, которых до сих пор часто считают практичными людьми, а, вероятно, за пресловутыми идеалистами, которые, однако, могут войти в действительность жизни и проявить себя как истинные практики.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 12 февраля 1919 года

Развитие социального мышления и воления, и состояние жизни современного человечества

Возможно, лекции, которые мне было здесь позволено прочесть на прошлой и этой неделе, с определённой точки зрения убедили вас в правомерности высказывания о том, что жизненное положение современного человечества находится под сильным влиянием того развития, которое проделывают наши социальное мышление и воля в ходе Нового времени, вплоть до настоящего. Возможно, больше, чем многие сегодня полагают, этот социальный импульс проникает в непосредственную жизнь отдельного человека; но он будет проникать туда всё больше и больше. Он станет определяющим, как раз, для сил индивидуального

Конденсация пара происходила в самом цилиндре за счет впрыска воды. Поэтому приходилось попеременно выпускать пар и разбрызгиваемую воду и сливать конденсат.

¹⁷ Томас Ньюкомен (англ. Thomas Newcomen; 28 февраля 1663, Дартмут — 7 августа 1729, Лондон) — английский изобретатель; один из создателей первого теплового (парового) двигателя, известного как паровая машина Ньюкомена (прим. пер.).

поведения. И едва ли можно правильно понять, как человек стоит сегодня в общественной жизни человечества, пронизанного этим социальным импульсом, если не принимать во внимание то, как в ходе Нового времени из двух истоков возникли социальное мышление и воля различных слоёв людей. Поскольку продолжение этих истоков в настоящем действует в этой области таким образом, что оно даёт социальное оформление этой современной жизни.

В одной из лекций я указывал, что мы ни к чему не придём, если для понимания таких вещей будем рассматривать историческую жизнь просто нашим привычным образом, прямолинейно, согласно причине и следствию, где последующее всегда исходит из предыдущего. Я пытался обратить внимание на то, что эта историческая жизнь человечества по своему существу или основанию в отношении определённых кризисов своего прохождения, или лучше сказать, в отношении наличия кризисов своего прохождения, подобна жизни отдельного человека. Ведь, в жизни отдельного человека тоже нет прямолинейного развития, так что последующее имело бы своей причиной предыдущее. Для того, чтобы соответствующим образом отбросить удобные, часто ложно понимаемые мысли о том, что природа не совершает никаких прыжков, необходимо снова и снова обращать внимание на то, как происходят кризисы в прямолинейном развитии индивидуальной жизни, как наступает кризис на шестом-седьмом году жизни, как наступает кризис, который словно фонтанирует из элементарных основ органического в половой жизни. И тот, кто изучает протекание человеческой жизни, тот увидит такие подобные кризису перевероты и в более позднем возрасте, хотя они проявляются для поверхностного рассмотрения не таким решительным образом, как первые два.

Необходимо наблюдать такие кризисные перевероты в исторической жизни человечества, чтобы действительно понимать историческую жизнь. Поскольку сегодняшнее человечество ещё не слишком склонно смотреть на такие вещи и слышать о них, то, как раз, в настоящее время, в котором требуется социальное понимание жизни, необходимо указать на них радикально сильным образом. Одно из последних крупных изменений в ходе человеческого развития, как я объяснял в предыдущих лекциях, было зафиксировано на рубеже 15-го, 16-го столетий. И только потому, что исторический ход событий рассматривается недостаточно глубоко, мы не знаем, насколько радикально отличается всё то, что происходит в человеческой душе, что господствует в душе человеческой как требование, как стремление к получению определённого рода удовлетворения, от того, что существовало до этого момента времени.

Теперь, в то же время, как результат этого элементарного изменения новейшего человеческого развития выступает то, что можно обозначить следующим образом: То, что как социальный импульс жило в самой человеческой душе, и что затем привело к созданию социальной структуры человеческого общества, до этого периода изживалось скорее инстинктивно. Люди вели совместную общественную жизнь, организовывали свои дела социальным образом, исходя из определенных инстинктов. Примерно в указанное время инстинктивное социальное мышление и воля сменяются на сознательное следование социальным импульсам. Это происходит медленно и постепенно; но положение, в котором находится современное человечество, коренным образом отличается от положения средневекового и древнего человечества. Но тут мы сразу видим, как с поднятием социальных импульсов из инстинктивной жизни в сознательную, ясно проявляются два течения, два исходных течения социального мышления и воли.

Одно выступает у тех людей, которые до сегодняшнего дня могут быть названы правящим, ведущим общественным слоем человечества. Другое течение выступает несколько позднее, но отчётливо отличаясь от первого, у тех, кого мы сегодня называем пролетарским миром. С приходом Нового времени ведущие интеллектуальные бюргерские (буржуазные) круги со всеми своими жизненными интересами оказались связанными с тем, что постепенно развилось в качестве более новых государственных структур из форм средневекового сосуществования людей. А именно, эти бюргерские правящие круги, благодаря своим интересам, оказались связанными с тем, что среди трёх членов, которые я

ввёл для социального организма, можно назвать собственно правовым государством, собственно политическим образованием, которое либо инстинктивно, либо сознательно следит за порядком, исходя из того, что относится к отношениям человека к человеку. Более или менее в соответствии с традициями прошлого, а также, в определённом отношении, с новейшими экономическими условиями, правящие бюргерские круги соединяют свои интересы с тем, что многие до сих пор считают единственной социальной структурой, а именно с государством. И, сознательно переходя от старой инстинктивной социальной жизни к современной сознательной, они мыслят, прежде всего, в смысле правового государства. А постоянно усложняющуюся современную хозяйственную жизнь, которая, кстати, всё более и более усложняется, благодаря расширению горизонта человеческой деятельности во всём мире, эти правящие круги пытаются включить в структуру государства. Они хотят всё в большей и большей степени превратить государство в экономическое предприятие. Это стремление находит определённое продолжение, и мы видим, что в пределах определённых кругов отдельные отрасли хозяйства всё больше и больше включаются в государственную структуру. Я указывал на такие отрасли хозяйства в прошлый раз. Существенным в этом отношении является то, что в этих кругах социальное мышление приобретает совершенно определённую форму, благодаря тому, что они хотят завоевать для государства, в котором они заинтересованы, сложнейшую хозяйственную жизнь.

Совершенно иначе развивается этот социальный импульс среди пролетариата. Этот современный пролетариат с развитием Нового времени ангажирован со своими интересами в собственно государственную область не тем же образом. Он, в определённом отношении, в которое я за недостатком времени сейчас вдаваться не буду, - это не так сложно понять, - стоит в стороне от того, что представляют в качестве своих интересов бюргерские правящие круги в пределах государственной структуры. Но зато этот пролетариат самым радикальным образом введён в формирование хозяйственной жизни. Всё его мышление и воля протекают таким образом, будто они являются отражением того, что происходит в хозяйственной жизни. И таким образом социальные импульсы пролетариата определяются социальными структурами экономики человечества, хозяйственной жизнью, так же, как социальные импульсы правящих бюргерских, а также интеллектуальных кругов, определяются импульсами правового государства, импульсами собственно политического организма. И оба эти течения развиваются всё больше и больше таким образом, что сегодня выступает то, о чём я указывал во введении к позавчерашней лекции, что возникла пропасть между особыми конфигурациями социального мышления и чувства правящих бюргерских кругов и пролетарских кругов. Поскольку это, говорил я, является самым трагическим новейшего развития в современном формировании жизни человечества, что возникла эта пропасть, что стало так трудно прийти к взаимному пониманию этих двух охарактеризованных слоёв населения. Таким образом должно было появиться то, что мы теперь видим: что оба эти слоя населения стоят друг перед другом будто вооружённые для борьбы не на жизнь, а на смерть. И существенным в этой борьбе, которая отчасти себя уже изжила, но отчасти только готовится, и которая, как это может показаться, даже если сегодня понимать эту общественную жизнь лишь поверхностно, ещё примет гигантские формы, - существенным является то, что, с одной стороны, правящие бюргерские круги всё больше и больше хотят завоевать для государства хозяйственную жизнь, и заодно, особенным образом, рабочую силу и производительность труда самого пролетариата, а, с другой стороны, пролетариат хочет завоевать государство для того, что он переживает в обособленной хозяйственной жизни в виде своих интересов.

Это, по существу, основной принцип той борьбы, которая вторгается в жизнь современного человечества. И то, что, собственно, скрывается за этими двумя упомянутыми мною импульсами, забыто, оставлено без внимания, я бы сказал, вытеснено в подсознание человеческой души. То, что хочет пробиться на поверхность человеческой жизни с тех пор как в развитии человечества в 15-ом столетии произошло кризисное преобразование, - это только и показывает, что происходит, пульсирует в человеческой жизни, в то время как

прочее часто лишь разыгрывается в сознании замаскированно : это стремление к полному утверждению человеческой личности, какого не знали прежние времена. Проявление человеческой личности, чувствование человека в себе, - это собственный базисный нерв социального вопроса, и это лишь облекается в указанные формы в соответствии с этими различными условиями жизни, которые, как раз, определяются этим указанным. И так получилось, что борьба, которая, по сути, является борьбой за достижение полного человеческого достоинства для всех людей, сама стала борьбой различных интересов, борьбой классов, борьбой, которая таким роковым образом бросает в настоящее свои силы.

Тот факт, что нечто проявляется в новейшем развитии человечества скрытым, замаскированным образом, обуславливает то, что человек не направляет, или лучше сказать, до сих пор не научился направлять свой взор на главное. В то время, когда социальные импульсы действовали инстинктивно, можно было также инстинктивно формировать и социальный организм. Теперь же, когда социальные импульсы, пусть и в замаскированной форме, вступили в сознание человека, стало необходимым, стало самым важным в отношении социальных проблем нового времени, чтобы социальное понимание, понимание процесса формирования социального организма вошло в каждую отдельную человеческую душу, причём понимание не обязательно научное, а такое, которое живёт в ощущениях, в чувствах, и изживается в том, что человек ощущает как ту или иную необходимость включить себя в человеческое общество. Поэтому сегодня так необходимо делать то, что я пытаюсь делать в этих лекциях: обращать взгляд на то, что является тенденцией стремления новейшего человечества, и что, собственно, только сегодня, благодаря особым обстоятельствам, смогло пробиться на поверхность; обращать взгляд на то, что социальный организм должен стать действительно живым образованием, таким образованием, которое человек понимает в своих жизненных условиях, - правда, понимает живым образом, не теоретически. Поэтому я указывал на то, что здоровье социального организма зависит от того, чтобы три члена этого социального организма не были хаотично брошены в одну кучу: духовная жизнь в её самом широком охвате, правовая или политическая жизнь, то есть, непосредственно государственная жизнь, и хозяйственная жизнь. Только тогда силы, действующие в этих трёх членах, получают своё необходимое оформление и своё необходимое освобождение, когда эти три образования не будут взаимно поглощать друг друга, а будут свободно развиваться друг рядом с другом и действовать и взаимодействовать, как я уже показал с различных точек зрения, будучи относительно самостоятельными. Собственная тенденция человеческого развития, исходя из определённых предпосылок, до сих пор была направлена против этой самостоятельности. Дифференциация того, что было смешано, является теперь самым важным жизненным вопросом в отношении социального существа современного человечества.

Когда в свете осознания социальных импульсов люди, согласно своим духовным предпосылкам, так или иначе начинали задумываться об отношениях между государственной жизнью и экономической жизнью, ощущения с определённых сторон человеческого мышления и чувства того, что я имею здесь в виду, имелись всегда. Здесь мы видим формирование, так называемого, социального или национально-экономического - назовите это, как хотите, это неважно - образа мышления, привычки мышления. Представление развития социального мышления в Новое время не входит сейчас в мою задачу. Я хочу обратить ваше внимание только на одно, что, я бы сказал, сильно прояснит некоторые вещи, которые должны быть важными, как раз, в этих лекциях.

Под всяческими образами мышления, видами представлений относительно переплетения хозяйственной, государственной и духовной жизни человечества в Новое время выступило также то, что в 18-ом столетии обозначали как, так называемое, физиократическое национально-экономическое мышление. Из раннего мышления, которое в рамках государственного организма хотело больше организовать хозяйственную жизнь, в качестве необходимого противовеса возникло это физиократическое мышление. Люди хотели перейти к тому, чтобы хозяйственная жизнь не тиранизировалась правовой жизнью государства,

политической жизнью непосредственно государственного образования, а чтобы она была предоставлена своим собственным естественным законам, предоставлена импульсам, которым она будет подчиняться, если человек будет осуществлять игру хозяйственной жизни свободно, исходя из самого себя. Тут многие последователи этой системы высказали очень просветляющие слова, которые можно передать примерно следующим образом. Люди говорили: К чему, собственно, в рамках политического государственного образования создают систему законов, регулирующих хозяйственную жизнь? Либо эти законы будут теми же, что установит сама эта хозяйственная жизнь, если позволить свободно проявлять свои силы, либо они будут препятствовать развитию хозяйственной жизни. В первом случае, когда они те же, они просто не нужны, тогда в них нет необходимости, тогда хозяйственная жизнь даст свои собственные законы, тогда нет необходимости впрягать хозяйственную жизнь в повозку особых государственных законов. Если же государственные законы противоречат хозяйственной жизни, то они препятствуют ее развитию, вредят ей.

Я бы сказал: То, что высказано в обоих этих противоположных предложениях, бродит ещё сегодня во многих головах. Бродит во многих головах потому, что современное человечество, как бы оно не верило в то, что оно практичное, что оно имеет чувство реального, всё же ужасно изъедено определённым чувством абстрактного, теоретической односторонностью. И если проверить, сколько из того, что многим представляется сегодня собственно практической жизнью, является ни чем иным, как проявленной односторонностью, проявленной односторонней теорией, то можно было бы прийти ко многим загадкам жизни и даже к их частичному разрешению. Что звучит более правдоподобно, более естественно, чем то, что, если бы я сказал: Либо государственные законы будут действовать в том же направлении, что и хозяйственные, и тогда они не нужны, либо они противоречат им, и тогда они должны вредить хозяйственной жизни. Но об этом противопоставлении думают только тогда, когда рассматривают социальный организм как нечто такое, что можно регулировать с помощью понятий, с помощью законов, с помощью принципов, с помощью программ, когда не могут подняться к видению того, что социальный организм является чем-то, что должно иметь в себе жизнь, что должно жить посредством своей собственной сущности. Но то, что процветает и прорастает, благодаря своему собственному жизненному содержанию, своим жизненным импульсам, имеет в действительной жизни противоречия в себе. И социальный организм, если он хочет быть реальным, действительным, должен содержать в себе противоречия.

Поэтому правильно то, что, возможно, как раз, многим теоретически настроенным душам современности покажется абсурдом: государственная, чисто правовая, чисто политическая жизнь должна, как раз, некоторым образом ограничивать хозяйственную жизнь, в своих законах противодействовать хозяйственной жизни, чтобы общая жизнь человечества была не только экономической жизнью, не только правовой, а экономической, правовой и духовной, чтобы она могла развиваться, как в отдельном человеческом организме, - я ещё раз использую это сравнение, но указываю при этом на то, что я делаю это не для игры в аналогии физиологического и социологического, - система пищеварения действует относительно самостоятельно, наряду с ритмической системой, сердечной и дыхательной системой, и обе они своим участием в живом процессе ограничивают друг друга. Поэтому необходимо, чтобы в действительном социальном организме хозяйственная жизнь стояла с одной стороны, а в узком смысле политическая государственная жизнь - с другой стороны, а рядом с ними стояла в относительной независимости духовная жизнь, как я это показывал последний раз с несколько иной точки зрения.

Поскольку то, что тут важно, основывается на следующем: Хозяйственная жизнь имеет в себе совершенно другие внутренние силы, чем правовая жизнь, с которой необходимо взаимодействовать, чтобы могла процветать общая жизнь человечества, и также другие, чем духовная жизнь. Если нечто конкретно живое более или менее привести в абстрактную форму, которая, не смотря на свою односторонность, всё же делает вещи понятными, то можно сказать следующее: В хозяйственной жизни, состоящей из производства товаров, их

циркуляции и потреблении, всё зависит от того, чтобы в жизни возникало соответствующее образование стоимости. И это образование стоимости осуществляется в основном так, что, если социальный организм здоров, она должна образовываться под влиянием того, чтобы использование требуемого для себя экономическим организмом - назовем это рынком или как-нибудь иначе, - и готового для потребления, было возможно более целесообразным, возможно более выгодным. Если социальный организм здоров, то товар должен переходить в потребление так, чтобы он мог целесообразным образом быть использованным полностью, чтобы его использование продолжалось так долго, чтобы быть целесообразным, или так коротко, чтобы быть целесообразным, но в любом случае, чтобы тенденция состояла в полном использовании его содержания.

Если бы человеческая рабочая сила была в экономической жизни задействована полностью, - а эта экономическая жизнь может развиваться здоровым образом только с точки зрения ценообразования товаров в соответствии с соответствующим потреблением, - то то, что утверждает марксистский взгляд на пролетариат, что сама человеческая рабочая сила есть товар, было бы выполнено, и, таким образом, эта рабочая сила, обладающая характером товара, должна была бы в социальном организме получить свою стоимость, поскольку она была бы полностью использована наиболее целесообразным образом. Хозяйственный член социального организма, если рассмотреть его более точно, тоже несёт в себе тенденцию использовать людей, и если бы этот хозяйственный член социального организма подчинялся только своим собственным законам, то человеческая рабочая сила расходовалась бы в рамках этого члена. А поскольку бюргерски правящие круги этого не учитывают, они вызвали то, что в хозяйственной жизни и в положении пролетариата в хозяйственной жизни сформировался нерв современного социального вопроса, жизнь которого проявляется в том, что именно современный пролетарий особым образом требует того, чтобы его рабочая сила освободилась от своего товарного характера. Как в социальном вопросе маскируется многое другое, и многое из этого живёт в подсознании современного пролетариата, так и это является существенным фактором того, что пролетарская душа стремится к освобождению человеческого труда от товарного характера.

Но этого никогда не сможет произойти, если хозяйственный процесс не будет функционировать согласно своим законам, и если вся государственная жизнь будет сводиться только к экономике, что является идеалом многих современных социалистов. Это не сможет произойти также и в том случае, если само государство односторонним образом захочет стать хозяйственником. Здоровое отношение установится только тогда, когда хозяйственному организму позволят разворачивать свою относительную активность в себе самом, когда, как это происходит также в природной органической жизни, какой-то системе, чтобы полностью сформировать заложенные в ней силы, позволяют развиваться в относительной самостоятельности, а затем то, что из этого выйдет, ограничивают, улучшают с помощью стоящей рядом, относительно самостоятельной системы, так же, как какая-то система в природном организме, развиваясь, проявляет также и свои недостатки, но эти недостатки постоянно исправляются стоящей рядом системой. На этом основана вся эффективность органического. На этом же должно основываться и оздоровление социального организма.

Мне важно действительно не то, как формулируется хозяйственный организм, как формулируется государственный организм, не то, что о них думают, а мне важно то, чтобы эти два члена были здесь рядом друг с другом, чтобы они развивались относительно самостоятельно, и даже чтобы они развивали, исходя из самих себя, предрасположенность к нанесению вреда так, чтобы могла развиваться другая система, стоящая рядом, и парализовать этот вред. Это сущность живого; это должно быть сущностью также и живого социального организма. Только тогда, когда хозяйственный организм сам управляет собой, управляет на своих условиях, правовой, политический организм управляет сам собой на своих условиях, вытекающих из регуляции правовых отношений человека с человеком, и если тогда каждый из этих организмов регулирует себя самостоятельно, действуя рядом друг с другом и воздействуя друг на друга, тогда возникает здоровая социальная жизнь.

Социальный вопрос нельзя решить посредством какой-то теории, посредством законов, а можно решить только посредством того, что в живой жизни один вид силы, хозяйственной, наряду с другой, государственной, политической, действуют в непосредственном, в собственном бытии, что обе они развиваются бок о бок, влияя друг на друга, но развиваются при этом каждая самостоятельно.

Это нечто такое, что, исходя из определённой исторической необходимости, было упущено. То, что так произошло, разумеется, необходимо. Здесь даётся не критика, а описание обстоятельств. Это, однако, то, что как необходимость в прогрессе человечества должно установиться для жизни настоящего и ближайшего будущего. Результатом будет то, что, ради здоровья социального организма, экономическая жизнь станет ассоциативной, что она будет устроена таким образом, что возникшие товарищества, профессиональные союзы и так далее будут развиваться так, что они отбросят то, что они ещё переняли, исходя из предубеждения, что всё должно быть устроено по образцу старого правового государства. То, что ещё живёт в этих служащих хозяйственной жизни ассоциациях при государстве, должно быть отброшено. Они должны стать институтами, служащими чисто хозяйственной жизни, такими институтами, которые основаны на отношении, которое человек должен иметь в рамках хозяйственной жизни либо к природной основе хозяйственной жизни, либо к необходимости так или иначе использовать сырьё, необходимости привести в обращение товары, необходимости привести потребительское отношение в правильное отношение к производству и торговле и так далее. Сложность современной человеческой жизни делает необходимым, чтобы среди людей образовывалась целая система ассоциаций и коалиций, исходя из требований, связанных с природной основой хозяйственной жизни, - такие ассоциации и коалиции, которые по существу основаны на понимании использования природной основы и направлении товаров к целесообразному потреблению. Именно эта сложность требует, чтобы в этой области образовалась целая система ассоциаций. Но эти ассоциации будут формироваться на основе связи человека с самими хозяйственными силами. Тогда окажется, что в действительной жизни снова и снова происходит то, что хозяйственная жизнь имеет тенденцию использовать людей.

Рядом с хозяйственной жизнью должна стоять политическая жизнь, которая, в отличие от хозяйственной жизни, которая основывается на ассоциациях, должна основываться больше на демократии, поскольку государственная жизнь охватывает отношения человека с человеком. Она охватывает всё, в чём все люди имеют свои интересы одинаковым образом. Как хозяйственная жизнь основывается на хозяйственной ценности товаров, так жизнь государства основывается по существу на публичном праве, которое опирается на закон или устанавливает закон, определяющее отношения между людьми. И то, что развивается из хозяйственной жизни, должно быть в живом взаимодействии ограничено. Начала этого уже существуют, но необходимо далеко идущее социальное видение этого. Должно сформироваться то, что защищает человека, прежде всего, от того, чтобы относительно своей рабочей силы быть использованным хозяйственной жизнью, которая ориентирована на использование.

Как ценообразование, образование стоимости, является существенным в рамках хозяйственного института, так же и оформление конкретного права, конкретного публичного права, которое регулирует жизнь человека с другими людьми, является существенным в жизни политического государства. Нельзя ли в отношении ощущения публичного права ещё сегодня сказать, что оно не прониклось особой ясностью? Можно очень много спрашивать у тех, кто должен знать эту вещь, кто должен был много размышлять над ней и исследовать её, о том, что, собственно, следует понимать под существом права, права, которое всегда выступает в конкретных формах. Какое-то понятие о трудностях, которые тут возникают, получаешь, например, только когда углубляешься в такие вопросы, как тот, который лежал в основании докторской диссертации моего умершего друга Людвиг Лайстнера (Ludwig Laistner), «Право наказания» («das Recht zur Strafe»). Это само по себе может стать вопросом о том, в чём конкретно состоит право человеческого общества наказывать.

Можно попробовать многое, чтобы приблизиться к импульсу права. Особенно в наше сегодняшнее время, когда со всех сторон так много говорится о праве, просто лежит на поверхности то, что постоянно возникает желание приблизиться к тому, чем, собственно, является существо права. Если попытаться узнать, на чём основано такое конкретное право, - а право собственности также основано на праве; отношения собственности основаны на праве пользования участком земли или чем-либо исключительно для себя, для своей деятельности, по отношению к другим, - которое является предметом собственно политического члена социального тела, то кто-то вообще не обнаружит ничего иного, как того, что, в конце концов, оно всё же сводится к власти. Другие считают, что оно восходит к первоначальному человеческому ощущению. Когда хочешь вплотную приблизиться к такой вещи, слишком легко прийти к пустым формам. Не имея возможности дать полное обоснование, - на что ушли бы часы, - я всё же хотел бы сказать, что закон устанавливает определенное отношение человека с чем-то: с вещью, с процессом, или чем-то подобным, или суммой событий, исключая других людей. На чём же, собственно, основано то, что может возникнуть ощущение, чувство: имеет ли какой-то человек или какой-то народ право на то, что он имеет в виду? И как бы вы ни старались, не получается ничего другого, как сказать себе: в социальной жизни правовое требование основано на том, что может существовать предпосылка, что тот, кому позволено заниматься какой-то вещью, процессом или суммой процессов, делает это с большей вероятностью, в смысле общего блага человечества, чем кто-то другой. В тот момент, когда возникает ощущение, что чьё-либо отношение к какой-либо вещи или к чему-то другому выражает благо для человечества в большей степени, чем если бы кто-то другой использовал эту вещь или вступал в это отношение, тогда такому лицу может быть дано право на эту вещь. Это, ведь, будет решающим в чувствах человечества и тогда, когда в бытие, в действительное бытие, вступят и великие правовые вопросы интернациональной жизни. Полное право на определенную территорию будет предоставлено тем, относительно кого есть перспектива, что именно они, - именно этот народ сможет наиболее продуктивно и надёжно управлять этой территорией на благо человечества в целом.

Так мы приходим к тому, что в демократическом государственном институте может пронизать импульсы, которые должны ориентировать жизнь между людьми, будь то страхование рабочих или какая-либо другая форма страхования, предназначенная для защиты от вреда, приносимого хозяйственной жизнью, - во всём, о чём я сейчас говорил, это должно жить как фундамент права. И сейчас для здоровой социальной жизни человечества должно выступить не понимание какой-то общей абстрактной формулировки права, а понимание действительности права в отдельном конкретном случае. Эта правовая жизнь, эта жизнь политического государства в узком смысле этого слова, второе звено здорового социального организма, будет также тем, что заставит исчезнуть из мира, я бы сказал, собственный пункт пересечения современного социального вопроса не посредством осуществления какого-либо теоретического воззрения, принципа, или программы, а посредством непосредственной жизни, а именно, пункт, который я обозначил выше как требование современного пролетариата: освободить рабочую силу человека от её товарного характера.

Но для этого надо также понять, я бы сказал, понять, исходя из фундамента, что тут важно, когда речь идёт о той роли, которую человеческий труд имеет в общей человеческой жизни, в структуре человеческого общества. И снова потребовались бы часы, если бы я захотел обосновать здесь основной социальный закон человеческого труда в деталях; но интуитивно, я полагаю, и инстинктивно любой человек, который хоть как-то понимает жизнь, может понять то, что я сейчас собираюсь сказать. Ещё в начале столетия в одной из статей о социальном вопросе в моём тогда издававшемся журнале «Lucifer Gnosis» я пытался привлечь внимание, как раз, к этому фундаментальному социальному закону. Но тогда люди, к сожалению, были глухи к этому, как ко многим вещам из этой области и сегодня. Этот закон состоит в том, что никто, принадлежа социальному телу, социальному организму, не работает для самого себя. Заметьте, пока человек принадлежит социальному организму, он не работает

для себя. Любая работа, выполняемая человеком, никогда не может вернуться к нему самому, в том числе и в виде дохода, а может выполняться только для других людей. И то, что делают другие люди, должно приносить пользу нам самим. В этих вещах живёт Это не только альтруизм, требуемый этикой, который живёт в этих вещах, а это просто социальный закон. Мы совершенно не можем иначе, как не можем иначе направлять свою кровь, нежели действовать в круговороте человеческой деятельности так, чтобы наша деятельность приносила пользу всем остальным, а деятельность остальных приносила пользу нам, чтобы наша собственная деятельность никогда не возвращалась к нам самим.

Как бы парадоксально это ни звучало, если вы исследуете, какой циркуляционный процесс в действительности совершает человеческая работа в социальном организме, вы обнаружите: она исходит из человека, приносит пользу другим, и та рабочая сила, которая есть у одного, является результатом рабочей силы другого. Как и было сказано, как бы парадоксально это ни звучало, но это так. От своей собственной работы в социальном организме нельзя жить так же, как нельзя есть самого себя, чтобы насытиться.

Хотя, по сути, этот закон можно понять легко, вы можете возразить: Но если я портной, и наряду с одеждой, которую я шью для других, я сошью однажды костюм для самого себя, тогда, ведь, я использую свою рабочую силу для самого себя! - Это иллюзия, как вообще всегда является иллюзией, когда я думаю, что результат собственной работы падает назад на меня. Делая себе юбку или штаны, или что-то подобное, на самом деле я работаю не для себя, а я ставлю себя в положение продолжения работы для других. Это та функция, которую человеческая работа имеет в социальном организме чисто посредством социального закона. Тот, кто нарушает этот закон, работает против социального организма. Человек работает против социального организма, - если он дальше осуществляет то, что возникло в новейшей исторической жизни, - потому, что позволяет пролетарскому рабочему жить на доходы его рабочей силы. Поскольку это не истина, а некая прикрытая посредством социальных отношений, разрушительная, реализованная неправда, проникшая в хозяйственную жизнь. Это то, что может быть урегулировано в хозяйственной жизни только тогда, когда эта хозяйственная жизнь будет развиваться самостоятельно, и рядом с ней будет относительно самостоятельно развиваться политическая, в узком смысле государственная жизнь, которая постоянно отбирает у хозяйственной жизни возможность направлять рабочую силу на саму себя. То, что человеческая работа получает ту функцию, которую она должна получать в соответствии с истинным течением жизни в социальном организме, это в правильном социальном понимании достигается в рамках правовой системы. Хозяйственный организм сам по себе всегда имеет тенденцию использовать рабочую силу человека. Правовая жизнь всегда должна указывать ей на её естественное альтруистическое положение, и всегда необходимо каждый раз заново, посредством нового конкретного демократического законодательства, отбирать у этой хозяйственной жизни то, что она хочет реализовать в неправде, то есть, снова и снова вырывать рабочую силу из тисков хозяйственной жизни на путях публичного права. Точно так же, как пищеварительная система должна взаимодействовать с дыхательной и кровеносной жизнью, поскольку то, что усваивается пищеварительной системой, поглощается циркулирующей кровью, так должно взаимодействовать и то, что происходит в хозяйственной жизни и в правовой жизни, иначе одна будет процветать, а другая нет. Само по себе просто правовое государство, если оно хочет заниматься хозяйством, парализует хозяйственную жизнь; а хозяйственный организм, если он хочет завоевать государство, убивает систему, жизнь публичного права.

Это то, что я хотел бы добавить к сказанному в предыдущих лекциях для обоснования трёхчленности социального организма. В то время как правящие бюргерские круги как загипнотизированные концентрировались только на государстве, государство было для них чем-то вроде идола. Внимания на необходимую дифференциацию социального организма на три члена не обращалось. Поэтому получилось так, что в Новое время государством, политической жизнью в более узком смысле, была поглощена и духовная жизнь. Подобно тому, как обращение товаров в хозяйственной жизни основано на образовании цен и

стоимостей, как жизнь внутри политического социального организма основана на правовой жизни, так и вся духовная жизнь основана на непосредственном содержании производимого. И подумайте только, какая чудовищная разница между хозяйственной жизнью и духовной жизнью. В хозяйственной жизни всё сводится к тому, чтобы товары доводились до наиболее целесообразного потребления. Духовное же производство, будь то в области воспитания, школьного образования, в области искусства, или в какой-либо другой духовной области, области духовного производства, связывать с понятием использования совершенно абсурдно. Этого сделать просто нельзя. Нельзя ставить в один ряд то, что создано духовно и то, что циркулирует в хозяйственном процессе. Именно это и привело к тому, что поглощение, например, школьной системы, университетской системы и им подобных государством, стало тормозящим фактором современного развития, в реальном смысле тормозящим фактором и сегодня. И это то, что должно привлечь внимание человечества на то, что эта духовная жизнь также должна освободиться, сбросить свои оковы. И я уже обращал ваше внимание на то, что к этому духовному члену социального организма надо причислить и то, что сегодня некоторым ещё может показаться парадоксальным: действительную практику частного и уголовного суждения. Как бы странно это ни звучало, в современной жизни также и здесь есть тенденция, которая просто неправильно оценивается. Что всё больше и больше требуется со стороны пока не существующей психологии для юриспруденции, так это то, что имеет тенденцию к ещё не признанному, но с необходимостью подлежащему признанию принципу включения частного и уголовного действия в духовный член, который, в свою очередь, находится в положении относительной самостоятельности, - также в положении относительной самостоятельности по отношению ко всему в жизни, что развивается как политическая жизнь, как жизнь публичного права, законодательства. Конечно, в будущем в здоровом социальном организме преступников, к примеру, нам придётся искать в том, что возникает во втором члене, в политическом члене. Но, будучи выявленным, он будет осуждён судьёй, который состоит с ним в индивидуальных человеческих отношениях.

Об этом вопросе, исходя из истории, может, вероятно, выносить суждение только тот, кто как я, говорящий сейчас с вами, имел возможность годами наблюдать территорию, где было действительно трудно осуществлять единое управление, и где всё же, я бы сказал, насильно хотели править как единым государством: такую территорию как Австрия. Тут можно было наблюдать, что произошло бы, если бы существовала свободная юрисдикция поверх чисто языковых границ; если, несмотря на языковые барьеры, скажем, богемец, живущий в немецкой области, мог бы выбрать там соседнего чешского или богемского судью, а житель Богемии¹⁸, в свою очередь, мог бы выбрать себе судью в немецкой области. Было видно, насколько полезным был этот принцип в устремлениях различных школьных союзов, которые, к сожалению, остановились на ранней стадии своего развития. В этом лежит нечто такое, что, я бы сказал, до сих пор тяготит душу каждого, кто испытал жизнь в Австрии, как тяжёлый кошмар, что это колумбово яйцо¹⁹ не было найдено: свободный выбор судьи и живое сотрудничество истца, судьи и обвиняемого вместо судьи из централизованного политического государства, который может быть авторитетным, но только не для

¹⁸ Богемия (чеш. *Čechy*, нем. *Böhmen* — Бёмен, от лат. *Boiohaemum*, *Bohemia*, родина бойев) — историческая область в Центральной Европе, занимающая западную часть современной Чешской Республики, устаревшее немецкое название Чехии — территории исторического расселения чехов. К началу христианской эры в Центральной Европе территория Богемии была заселена кельтскими племенами бойев (откуда и название). С VI века её постепенно заселяют славянские племена, и вскоре Богемия становится территориальным центром Чешской державы (Википедия, прим. пер.)

¹⁹ Колумбово яйцо — крылатое выражение, обозначающее неожиданно простой выход из затруднительного положения. По преданию, когда Колумб во время обеда у кардинала Мендосы рассказывал о том, как он открывал Америку, один из присутствующих сказал: «Что может быть проще, чем открыть новую землю?». В ответ на это Колумб предложил ему простую задачу: как поставить яйцо на стол вертикально? Когда ни один из присутствующих не смог этого сделать, Колумб, взяв яйцо, разбил его с одного конца и поставил на стол, показав, что это действительно было просто. Увидев это, все запротестовали, сказав, что так смогли бы и они. На что Колумб ответил: «Разница в том, господа, что вы могли бы это сделать, а я сделал это на самом деле».

отправления правосудия, а для розыска и доставки преступника или затем для исполнения приговора.

Как бы парадоксально это сегодня ни звучало, отношение человека к своему судье в уголовном и частном праве должно быть включено в самостоятельный духовный член. Позавчера я уже обращал внимание на то, что внешняя администрация, выбор персон в духовном члене, не будет зависеть от государства. Кто может заглянуть в современные условия, тому откроется также, что самая внутренняя жизнь науки и искусства и всего духовного становится зависимой от того, от чего она не должна становиться зависимой, если этот духовный член, наряду с двумя другими членами, не может развить относительную самостоятельность. Многим и сегодня кажется несколько парадоксальным, когда я обобщающим образом говорю, что каждая из этих областей должна иметь определённый суверенитет, свою собственную репрезентативную систему, свое собственное законодательство, выросшее из своих отношений, которые, например, в хозяйственной области выросли из ассоциативных отношений, то есть, имеют своё управление, своё законодательство. Демократическим образом из всего человечества определённой социальной области для собственно политического государства, в котором будет регулироваться отношение человека с человеком, вырастут отношения к хозяйству, отношения к духовной жизни; но без вмешательства в то и другое со стороны законов государства, и из сил, действующих в самой духовной жизни, будет исходить и управление духовной жизнью. Исходя из действительно современной жизни, духовная жизнь может быть эмансипирована в гораздо большей степени, чем это имело место в старину, когда единственной духовной жизнью, имевшей значение для многих, была религиозная жизнь, из которой, ведь, образовались также институт школ и университетов.

Конечно, вмешательство современного государственного института было необходимо для того, чтобы запретить устаревшим формам религии и устаревшему управлению делать то, что их больше не касалось. Но из самой современной жизни должна в свою очередь развиваться самостоятельная духовная жизнь. И это, как раз, то, чем духовно-научное направление, которое лежит в основе этого социального рассматривания, должно воспользоваться, поскольку оно знает, что вся действительно продуктивная духовная жизнь, а также то, что изживается, например, в технических изобретениях и технических идеях, может развиваться, используя действительно полезные для человечества импульсы, только в том случае, если она развивается из живого, самостоятельного духовного, независимо от двух других членов социального организма. Дух в человеке будет правильным образом иметь продуктивную пробивную силу только в том случае, если эта духовная жизнь будет относительно самостоятельной. Можно фантазировать, теоретизировать, выдумывать вещи так, как, это достойным удивления образом происходило в определённом направлении современной техники и естествознания, а именно в их методах, можно также изобретать, но действительно продуктивная идея, которая настолько продуктивна, что служит истинному прогрессу человечества и, в то же время, истинному оздоровлению человечества, - эта идея может родиться только в предоставленной самой себе духовной жизни.

Мы еще сегодня так далеки от того, что я, собственно, имею здесь в виду и что должно быть понятым, если социальный вопрос должен быть поставлен на благотворную основу, что, когда я объяснял это, некоторые люди возражали: Да, но это, ведь, лишь обновление старой платоновской идеи о трёхчастном разделении социального тела на три сословия: питающее, защищающее и обучающее. - Нет, это не обновление этой старой платоновской идеи, а это в определённом смысле её радикальная противоположность, - об этом речь. Поскольку между тем, что можно было думать платоновским образом как нечто великое в Древней Греции и ещё в более позднее время, и тем, что необходимо думать сегодня для исцеления и оздоровления социального организма, лежит огромный, полный кризисов отрезок в пятнадцать столетий. Тогда, в платоновское время, членение социального организма было таким, что люди делились на сословия. Членение, о котором говорил здесь я, подразделяет не людей, оно подразделяет социальный организм; оно расчленяет этот

социальный организм так, что человек, если позволяют условия, может быть во всех трёх членах, может выполнять соответствующие действия, но, благодаря тому, что социальный организм расчленён, он оказывается не в состоянии воздействовать каким-либо вредящим образом из одного члена на другой, даже тогда, когда, как это часто происходит в современных парламентах, один и тот же человек, занимающийся, скажем, сельским хозяйством, состоит в то же время в какой-то государственной партии. Сегодня для него ещё возможно открыть представительство интересов через какую-либо ассоциацию, чтобы представительство хозяйственных интересов вошло в юридическую жизнь. В прошлый раз я приводил пример, когда целое государство в своей правовой жизни было пронизано таким представительством интересов. Это будет исключено. Но то, что я называю трёхчленностью в здоровом социальном организме, это является социальным организмом, отдельным от человека. Человек будет самостоятельным, будет освобождённым от характера раба социального организма, как раз, благодаря тому, что членами будут не человеческие классы, человеческие сословия, а расчленённым будет сам социальный организм. Это в то же время указывает, что мышление, которое лежит здесь в основании, является по настоящему соответствующим действительности, далёким от всего того, что позавчера я назвал мечтательной духовностью.

Ведь, эта мечтательная духовность проступает у самых различных партий. Она есть и в бюргерских кругах, и у социал-демократов. И эта мечтательная духовность охватывает людей в том случае, если они каждый раз не развивают в себе понимание того, к чему должен стремиться здоровый социальный организм как таковой. Снова и снова социальное мышление страдает от влияния чувства, идеи, будто посредством какой-то программы может быть непосредственно создан социальный организм, обуславливающий счастье, довольство человечества и тому подобное. К этому нельзя стремиться непосредственно. К чему можно стремиться непосредственно, так это к жизнеспособному социальному организму как таковому, имеющему в себе живые силы жизни. Только помещенным в такой организм, проживая в таком организме, человек может на совершенно иных основаниях строить своё счастье. Это имеет совершенно другие основания. Но эти основания должны быть освобождены от своих оков. И они будут освобождены только в том случае, если за ними будет стоять жизнеспособный организм. Как в действительно жизнеспособном организме может развиваться душа, может соответствующим образом в нём существовать, так и в жизнеспособном социальном организме может существовать счастливое, довольное человечество, желающее работать и понимающее работу. Это то, что имеет значение для здоровья социального организма.

Взгляд на то, что мы пережили в катастрофическое время, также, я бы сказал, с некой интернациональной точки зрения и с более крупной исторической точки зрения, может подкрепить то, что то, что я здесь объяснял относительно этих трёх членов, является действительной необходимостью как для современной формы жизни человечества, так и для формы жизни человечества в ближайшем будущем. Я бы сказал, что до этой ужасной катастрофы, которую называю войной, была достигнута кульминация этого перемешивания и сваливания в одну кучу трёх членов, которые должны быть дифференцированы. И, как раз, благодаря тому, что эти три члена не могли взаимодействовать друг с другом, находясь в относительной самостоятельности, проявилось многое из того, что нужно в истинном смысле причислить к причинам и исходному пункту этой военной катастрофы. Достаточно указать лишь на некоторые вещи. Взгляд всех людей был прикован к тому, как, исходя из отношения австрийского государства к событиям на Балканах, а именно в Сербии, возникла отправная точка войны. Кто был посвящен в австрийские условия на протяжении десятилетий, тот мог судить о том, как хозяйственные отношения, разыгрывавшиеся между Австрией и Юго-Восточной Европой, неестественно переплелись с отношениями, которые должны были развиваться рядом с ними относительно самостоятельно, с чисто политическими отношениями, и как в результате этого слияния, в результате того, что политические условия

должны были неожиданно решить для себя то, что глубоко укоренилось в экономических условиях, возникла и взорвалась реализованная неправда.

Насколько иначе обстояло бы дело, - я могу в завершении сегодняшней лекции лишь коснуться этого, - если бы отношения между такими соседними государствами строились в соответствии с трёхчленностью, если бы отношения через границу были чисто политическими, основанными на демократической основе и отделены от других членов, какова бы ни была форма правления. Если бы, однако, через границу, исправляя и гармонизируя, действовали хозяйственные и духовные факторы независимо друг от друга, тогда над системой государств, так называемых государств, распространилось бы нечто вроде гармонии интересов и слияния интересов, где одно поправляло бы другое, где ни одно из них не могло бы односторонним образом привести к взрыву. Благодаря трёхчленности, в интернациональных отношениях народов установились бы здоровые трансграничные отношения.

И опять же, как взгляд интернационального человечества был направлен на Германию, которая, по крайней мере внешне, объявила войну. Кто посвящен в эту область, знает, как произошло это несчастье. Часто говорят, что в июле и августе, в те роковые дни, наряду с фактическим ведением войны, наряду с армией, потерпела неудачу и политика. Но там, где действуют оба, политика и армия, это происходит одновременно. Их не так-то и просто разделить. Они могут развиваться здоровым образом только в том случае, если они действуют в рамках одной государственной структуры в трёхчленном социальном организме. Иначе политика с необходимостью должна будет принять единый характер, по крайней мере в одном члене. В какой-то момент она достигнет своей кульминации либо в военном, либо в невоенном. Поскольку то, что по своей природе должно быть чем-то единообразным, даже если по ошибке человека оно сливается с другими системами, не может проявляться вовне, исправляя одно другим. В том ужасном состоянии страха, из которого в Берлине выросло то, что возникло в последние дни июля и в первые дни августа, виновата концентрация на одной единственной системе, которая должна была быть распределена. Оно сконцентрировалось под ответственностью одной единственной системы, которую не должна брать на себя ради спасения человечества ни одна система. Эти конкретные обстоятельства научат нас именно тогда, когда мы рассмотрим эти вещи непредвзято и беспристрастно. О, сколько глупостей было сказано, как раз, относительно политики и управления войсками! Ведь, столько глупостей было сказано за последние четыре с половиной года! Я хочу сказать только об одной: поскольку политика и стратегия могут действовать только тогда, когда они неотделимы от социального организма, то политика сможет влиять на стратегию здоровым образом только тогда, когда эту стратегию будут побуждать смотреть только на саму себя. Ссылаясь на предложение Клаузевица²⁰, говорят: Война - это продолжение политики другими средствами. - Я не хочу критически вдаваться в это предложение, насколько оно стоит в связи со всем военным конфликтом. Но то, как его постоянно применяют господа, - а также и дамы, - оно имеет не больше смысла, чем как если бы кто-то сказал: Развод - это продолжение брака другими средствами.

Глупость такого рода исходит из неестественного мышления, которое, в свою очередь, неестественным образом воспринимает реальные обстоятельства. Если взглянуть на эти вещи беспристрастно, будет видно, что всё могло протекать иначе. Разумеется, то, что произошло, исторически необходимо, и то, что должно быть высказано, следует воспринимать как импульс для будущего, но гипотетически всё же можно сказать, что всё протекало бы иначе, если бы структура европейских интернациональных отношений сложилась под влиянием социальной трёхчленности. Люди скажут: То, что случилось, случилось из-за союзных отношений. Но этих союзных отношений под влиянием социальной

²⁰ Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (нем. Carl Philipp Gottlieb von Clausewitz; 1 июня 1780, Бург, Саксония, Священная Римская империя — 16 ноября 1831, Бреслау, Пруссия) — прусский военачальник, военный теоретик и историк. В 1812—1814 годах служил в русской армии. Своим сочинением «О войне» произвёл переворот в теории и основах военных наук (Википедия, прим. пер.)

трёхчленности никогда бы не было. Если бы люди ориентировались в смысле трёхчленности здорового социального организма, пришёл бы конец тех союзных отношений, которые привели к несчастью последних четырёх с половиной лет.

То, что я здесь обсуждаю, мыслилось в совершенно реальном смысле, мыслилось, исходя из реальности. Поэтому также, когда я пытался в те ужасные годы соответствующим тому времени образом в авторитетных местах указать на трёхчленность, я всегда говорил: То, что является реальностью, меняется изо дня в день, и вполне возможно, что, когда обстоятельства снова изменятся, мне придётся говорить об этих вещах по-другому. Я говорил этим людям: то, что здесь предлагается, это не программа, не идеал, а это исходит из наблюдения того, что стремится реализоваться в Центральной и Восточной Европе, вообще в Европе, в следующие десять-двадцать лет. У вас есть выбор между применением разума и приближающимися революциям и катаклизмами.

Это уже началось, и это проявится ещё и другим образом. Но сегодня я хотел бы повторить то, что я по этому поводу говорил с другой точки зрения. Я всегда говорил: Тот, кто является утопистом, теоретиком, тот мыслит, не исходя из действительности, а исходя из определённых абстрактных требований или партийных импульсов; и он заинтересован также в деталях выполнять то, что заявляется в его программе или в чём-то подобном. В отношении вещей, которые я представляю, мне это не важно, - так я тогда говорил. Я говорил, и говорю сейчас, что может случиться так, что от формулировок того, что представляю, не останется камня на камне. Поскольку речь идёт не о том, чтобы реализовались какие-то выдуманные вещи, а о том, чтобы запаковать действительность в одном пункте. Тогда уже обнаружится, что делать дальше. Может случиться так, что в дальнейших рассуждениях все формулировки должны будут поменяться. Если вы не утопист, не мечтательный дух, то важно не то, чтобы всё выполнялось слово в слово, а то, что в каком-то месте действительно что-то начать. И на одно такое место, где необходимо начать, я хочу указать ещё сегодня, пока не поздно, пока человеческие инстинкты не будут раскрепощены настолько, что взаимопонимание между людьми, возможно на десятилетия, станет невозможным.

Поэтому, - разрешите мне высказать это в конце, хотя это и не принадлежит в узком смысле к моей лекции, - я думаю также, что сегодня тот, кто как-то связан своей душой с социальным вопросом, имеет задачу не только высказывать эти вещи, но и использовать все средства для того, чтобы донести это до понимания своего окружения. Поскольку, это, ведь, то, что мы можем делать прежде всего: вызывать обоюдное социальное понимание. Многое было испорчено, испорчено в самых различных областях мира потому, что в мир было внедрено узколюбное, мелкое мышление, как я его недавно здесь охарактеризовал, потому что в нужное время не думали о правильных вещах. Поэтому я должен с определённым удовлетворением приветствовать тот факт, что, исходя из трудных обстоятельств настоящего, стало возможным за относительно короткое время чего-то добиться, в том числе и в отношении практического влияния представленных здесь идей. Такие личности, которые определённым образом, если можно так сказать, зажглись тем, что здесь развито как взгляд на реальность социального вопроса, работают над тем, чтобы хотя бы в этой области, в которой сегодняшнее несчастье может быть великим учителем, пришло понимание этих вещей. Однако, я назвал бы особым счастьем, если бы здесь, на территории Швейцарии, где ещё есть место для спокойной объективности, именно, благодаря возможности для этой спокойной объективности, смогло произойти более глубокое понимание того, что для социального взаимопонимания людей, в смысле сказанного в этих четырёх лекциях, надо что-то делать. Так или иначе, несмотря на боль, которую можно испытать в связи с ходом стольких событий, за судьбы стольких людей, можно наполниться некоторым удовлетворением в надежде на то, что эти несчастья всё же кого-то чему-то научили. Может случиться так, - позвольте мне упомянуть об этом, поскольку это всё ещё может иметь значение, если вы хотите действовать относительно социального вопроса не

просто абстрактно, а конкретно, - что призыв²¹, в который я включил в кратких предложениях то, что я подробно здесь представил, что призыв, который, собственно, предназначен для того, чтобы вызвать реакцию во всем мире, в Германии и в немецкой Австрии найдёт двери к сердцам тех, кто прошёл тяжёлую проверку несчастьем и, посредством этого несчастья чему-то научился. Этим призывом я, как раз, попытался показать, как основание Немецкого рейха, выпало на то время, когда возможности развития нового человечества потребовали от такого новообразования, в самом высоком смысле этого слова, стремления к решению новых социальных задач. Человек отдавал себя всецело даже малым вещам; но, как раз, то, что обязывало этот рейх дать соответствующее его рамкам содержание, исходя из сил развития современного человечества, которые теперь идут в направлении этой трёхчленности, согласно этой тройственной структуре, этого никто видеть не мог. И именно поэтому остальной мир занял в отношении Центральной Европы такую позицию. Как остальной мир мог бы понять правомерность этого особого основания рейха, если бы из этого основания рейха не вышло нечто такое, что несомненно демонстрировало бы своё право в интернациональном человеческом процессе!

Поэтому я верил, что в правильной, если можно теперь так сказать, программе, - но из предыдущего вы знаете: это не программа, это действительность, - поэтому я верил, что в некоем призыве к человечеству мне будет позволено сформулировать задачу, которая теперь могла бы возникнуть для европейского человечества, которое стоит перед необходимостью реконструкции. И так или иначе можно было с удовлетворением видеть, что к полудню вчерашнего дня этот призыв уже нашёл в Германии больше подписей, чем предыдущее обращение девяти интеллигентов, что за этот призыв пришло более ста подписей из Германии и до вчерашнего полудня - более семидесяти подписей из немецкой Австрии. Я упоминаю об этом потому, что хотел бы говорить, исходя из действительности, и тем самым хотел бы обратить внимание на то, что я уже больше не одинок в том, что я считаю необходимым для процесса социального развития, в том числе и тогда, когда речь идёт о применении этого для социальных взаимоотношений людей между собой.

И таким образом надо будет продолжать эту работу, прежде всего, на пути к действительному социальному просвещению. Поскольку это следующее. Человечество по отношению к значительной части цивилизованного мира стоит сегодня перед необходимостью лицом к лицу столкнуться с социальной проблемой. При этом ему придётся решить проблему, - позвольте мне сказать об этом в заключение, - которая является для него крайне неудобной в отношении привычек мышления. Многие люди ещё признают, что необходимо преобразование институтов, преобразование также социальной структуры. Но разве весь дух этих лекций не показал, что необходимо ещё и нечто другое? Если марксистски образованные пролетарские вожди снова и снова подчеркивают истинность марксистских слов: Философы интерпретировали мир, объясняли его; но здесь речь идёт не только о мысленном объяснении мира, но и о его преобразовании, - то это, не смотря на резкие требования сегодняшнего времени, не только половина, а, может быть, даже и не четверть. Необходимо не только, чтобы мысли применялись к какому-либо преобразованию институтов, социальных структур, а необходимо, чтобы преобразовывались даже сами эти мысли. Только из новых, только из преобразованных мыслей может развиваться здоровый социальный организм. Преобразовывать институты, - с этим люди мирятся с легкостью; преобразовывать мысли, - это нравится людям гораздо меньше. Но это необходимо. И пока человек этого не осознает, он не сможет ориентироваться и не сможет участвовать в оздоровлении социального организма.

²¹ Имеется в виду обращение «К немецкому народу и к культурному миру», написанное Рудольфом Штайнером, которое было напечатано и распространено в виде листовки в феврале 1919 года и имело подписи многочисленных деятелей политической, экономической и культурной жизни. См. также Рудольф Штайнер, «Основные пункты социального вопроса...», стр. 157–162, и «Сообщения Управления наследием (Nachlassverwaltung) Рудольфа Штайнера», тетрадь 24/25, Пасха 1969 года, стр. 21–23.

Долгое время социальный вопрос стучался в дверь важнейших человеческих стремлений и решений. Теперь он проник в дом человечества. Он не может быть снова выставлен за дверь, поскольку он в определённом отношении развития человечества является волшебником. Он не только воздействует на внешнюю сторону человечества, он действует так, что люди сталкиваются с необходимостью либо переосмысления, либо добавления к уже существующему несчастью все новых и новых несчастий.

Этим указывается на то, что необходимо, что необходимо реализовать, пока не станет слишком поздно в том отношении, что инстинкты, как я уже говорил, примут такие формы, что взаимопонимание между различными классами людей будет уже невозможным. Только тогда мы движемся в направлении оздоровления социального организма, когда то новое, которое мы ожидаем, то здоровое, на которое мы надеемся, мы будем основывать не на старых мыслях, а когда для продвижения человечества вперёд мы мужественно и полные сил решимся обратиться к новым мыслям; поскольку только из новых мыслей расцветёт возможность жизни для новых поколений. Так что надо думать, что социальный вопрос вырос из условий современной жизни. Но вы ошибётесь, если будете думать, что его можно каким-то образом разрешить быстро. Социализм - это не то, что является решением или попыткой решения, нет, современная жизнь и жизнь человечества поставили социальный вопрос для будущего. Он будет стоять всегда. В живом социальном организме его придется решать всегда. Часть жизни будущего человечества должна будет состоять в том, чтобы в каждом поколении этот вопрос решался заново, из новых форм, - вопрос, когда-то возникший, предостерегающий и сотрясающий всю структуру человеческого мышления и воли, - это социальный вопрос. Обратимся к нему всем сердцем, всей душой, иначе он обратится к нам, но тогда уже не к нашему спасению, а к нашему несчастью.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ Для студенчества Цюриха 25 февраля 1919 года

Социальное воление как основа нового научного порядка

В качестве темы сегодняшнего вечера было выбрано «Социальное воление как основа нового научного порядка». Я не знаю, каковы были мотивы для выбора этой темы, но когда это предложение дошло до меня, я нашел его необычайно удачным, поскольку эта тема действительно задаёт тот тон, который мне кажется необходимым, как раз, по отношению к тем фактам, которые в настоящее время выдвинули социальное движение, и которые действительно говорят гораздо более ясным языком, чем всё, что обсуждалось в качестве подготовки и вообще говорилось о социальном вопросе в ходе последних десятилетий.

Можно в течение длительного периода времени проследить это развитие социального движения в Новое время, в настоящем, и, в отношении социальной воли, которая все более и более проявлялась в ту или иную сторону в этих социальных или других волениях, можно было заметить, что что-то вкралось, проскользнуло внутрь этой социальной воли, в социальный настрой Нового времени, что может показаться обёрткой какого-то господствующего совсем в другой области суеверия более ранних средневековых времён, суеверия, которое снова выступает перед глазами, когда углубляешься во вторую часть гетевского «Фауста» и натыкаешься на сцену, где Гёте позволяет своему Вагнеру создать гомункула, человечка, который хотел бы пройти путь становления от гомункула к человеку.

Это суеверие средневековья, также и по мнению Гёте, основывается на том, что из того, что может придумать только теоретический, только трезво и сухо сводящий вместе внешние факты, обобщающий человеческий разум, можно создать нечто сущностное, что из выдуманного можно сформировать нечто действительно живое. Невозможность, из абстракций, извлечённых из внешней жизни, сформировать нечто живое, особенно выступала перед глазами Гёте. Но, ведь, это средневековье господствует не только в самом сегодняшнем мышлении, но и, похоже, во всех импульсах, в инстинктах наших современников, многих наших современников, которые хотели бы завладеть социальной волей, завладеть, я бы сказал, метаморфозой некоторых суеверий. Наблюдая за развитием социальной жизни, как она складывалась в ходе человеческой истории до настоящего времени, выдумывая определённые принципы, определённые основные положения, по которым следует действовать, или, как можно прочесть на некоторых страницах, которые хотят себя реализовать, человек приходит к выводу, что с помощью абстрактных принципов, по которым должен формироваться гомункул, можно сформировать и то, что можно назвать социальным организмом.

А, именно, к такому социальному организму, я бы сказал, стремится бессознательное современного человечества. Для того, чтобы это понять, достаточно уяснить себе лишь следующее. Ведь, социальная жизнь человечества не есть что-то новое, она просто выступает в Новое время в другой форме. До, собственно, Нового времени социальная структура общественного организма определялась человеческими инстинктами, бессознательными человеческими импульсами. И в зарождающихся силах Нового времени важным является то, что человечество уже не может оставаться стоять на чисто инстинктивной воле, что оно, просто благодаря природе развития, призывается к вооружению сознательной волей, именно в отношении формирования социальной структуры. Но если желаешь вооружиться сознательной волей, тебе необходимы лежащие в основании этой воли, несущие действительность мысли, не просто мысли, которые полностью абстрагированы от действительности, а мысли, делающие собственную волю родственной силам, которые действуют в явлениях природы, внутри самого управления миром. Надо своей собственной волей быть, как бы, родственным творящим силам природного бытия.

Однако, это то, чему ещё предстоит научиться широким кругам человечества. Вы должны научиться думать, что, собственно, так совершенно нельзя действовать, если вы будете думать: Что должно произойти, чтобы из социальной структуры, которая образовалась из считающейся многими невыносимой жизни, возникла некая возможная социальная структура? Так действовать совершенно нельзя. Нельзя выдумать то, чем в какой-то степени являются социальные болезни. Можно только направить все свои усилия на то, чтобы, исходя из самого человека, узнать, как живущие вместе люди, должны привести свои взаимоотношения во взаимную гармонию, чтобы в этой меняющейся жизни развить то, что необходимо, чтобы сформировать эту социальную структуру.

Тут, за долгие годы изучения социального вопроса мне, как я думаю, открылось, что этот основной вопрос, который сегодня, как раз, абстрактным мышлением рассматривается как единый вопрос, - что этот социальный вопрос нужно видеть трёхчастным, нужно видеть трёхчленным, а именно, видеть его, во-первых, как духовный вопрос, во-вторых, как правовой вопрос, и в-третьих, как хозяйственный вопрос. То, что возникло в современной капиталистической хозяйственной жизни, возникло на основе развившегося в последнее время технического, и это техническое, как бы, загипнотизировало человеческий взор, направив его исключительно на хозяйственную жизнь, совершенно отвлекая его внимание от того, что социальный вопрос, наряду с хозяйственным, является, прежде всего, также вопросом духовным и правовым.

Вначале я позволю себе заняться духовным вопросом, - не по той причине, как многие наверное думают, что рассмотрение духовной жизни мне субъективно как-то более близко, а потому, что я считаю, хотя именно пролетарски мыслящие люди сегодняшнего времени это и отрицают, что в духовном есть нечто такое, что может поспособствовать решению

социального вопроса, что, как раз, для считающегося с действительностью наблюдателя этого социального вопроса, духовное должно стоять на первом месте. Тут, чтобы увидеть это, нужно взглянуть на душу затронутого современным общественным движением человека в её истинном виде. Надо попытаться понять, какие, собственно, волевые импульсы живут в социалистически ориентированных кругах. Прежде всего надо выяснить, откуда взялись эти волевые импульсы.

Видите ли, когда с техникой и капитализмом установилась новая жизнь человечества, правящая часть его часть, так называемый правящий класс, стал всё больше и больше обособляться от того, что в самых разных областях сформировалось в виде пролетариата. Ведь, между пролетарской волей и непролетарской жизнью сегодня лежит пропасть, - это не будет отрицать ни один благоразумный человек, - которую вряд ли можно преодолеть, если не сделать хотя бы попытки действовать в этом социальном движении не только со старыми мыслями и старыми волевыми импульсами, а с новыми мыслями и новыми волевыми импульсами. С течением времени в самом пролетариате всё больше и больше формировалась вера, - а при данных обстоятельствах нельзя считать эту веру сколько-нибудь необоснованной, - формировалась вера, что социально обделённому классу нечего ждать от до сих пор социально господствующих классов, если они будут полагаться на их добрую волю, на их идеи и так далее. Если можно так выразиться, между отдельными классами возникло глубокое недоверие. И это недоверие возникло по тем причинам, которые до этого по-настоящему не осознавались человечеством, и которые ещё до сих пор присутствуют в подсознательном. Оно возникло потому, что рабочий класс, особенно в начале Нового времени, в последний раз оказал буржуазии большое доверие, и был затем разочарован не в своем убеждении, а в своем чувстве. Видите ли, сегодня говорят о пролетарском мировоззрении. Многие, в том числе и правящие личности, считающие, что они выражают в своём мышлении пролетарскую волю, собственно, не знают, откуда взялось всё их мышление и воля. Требования, исходящие из самой жизни и живущие сегодня в социальном движении, на деле резко контрастируют с тем, что об этих требованиях, даже об этих импульсах социальной жизни, думает сам пролетариат.

Если кратко выразить то, что я имею в виду в этой области, я должен сказать: Возникла пролетарская, то есть, возникла социальная культура; но в рамках этого пролетарского чувства, в рамках этой социальной культуры и жизни господствует наследие именно тех взглядов и того понимания жизни, которые в решающий момент её исторического развития возникли, как раз, у буржуазии.

Этот решающий момент новейшего исторического развития наблюдатель этого развития должен видеть в том факте, что новейший научный образ мышления - заметьте, я не говорю: естествознание, а говорю: новейший естественно-научный образ мышления, - развился из старых духовных импульсов таким образом, что этот научный способ мышления не получил той же пробивной силы, той же духовной пробивной силы, которую имели старые мировоззрения.

Старые мировоззрения коренились в более широких человеческих импульсах, нежели современный научный образ мышления. Эти старые мировоззрения были способны посылать в человеческую душу импульсы, посредством которых человек мог, ощущая, чувствуя, ответить на вопрос, который всегда его волновал: Что, собственно, я представляю собой как человек в мире? - Такого проникновения в душевную жизнь этот более поздний научный способ мышления не получил. Разумеется, в силу исторической необходимости, которая, правда, не становится из-за этого меньшим историческим бедствием, эти старые мировоззрения в решающий момент заняли враждебную позицию по отношению к новому научному мышлению, вместо того, чтобы в полной дружбе с ним позволить влиться в него тому, что они считали будет для духовной жизни человека, для его души, несущим. Поэтому произошло следующее.

Машина, капиталистический хозяйственный строй вырвал ряд людей из прежних жизненных отношений, из тех жизненных отношений, в которых эти люди находились

прежде, из совершенно иных жизненных условий для их ощущения человечности, для ощущения их человеческого достоинства. Раньше была связь между тем, чем человек является и тем, что он делает. Подумайте только о той связи, которая совершенно отчётливо существовала в старых ремеслах вплоть до 13-го столетия, и остатки которой существовали ещё позже! Из этой связи большая группа людей была выброшена и передана машине, передана современному хозяйственному порядку. Тут нет какой-либо нормальной связи со средствами производства; тут нет никакой возможности установить какое-то взаимодействие между человеком и тем, что он, собственно, делает. И, таким образом, именно та сторона в человеке, которую современный пролетарий не развивает в век машин, вынуждена спрашивать: Чего я стою как человек? Чего я стою как человек?

На этот вопрос уже нельзя ответить, исходя из устаревших, обесцененных жизненных связей, а ответ нужно найти в самом себе, из того, что не зависит от внешних жизненных связей. И тогда этому классу людей было дано ни что иное, как то, что пришло с машинным веком, с хозяйственным порядком во всемирно-исторической одновременности: был дан современный научный образ мышления.

Старым классам не надо было делать этот научный образ мышления своей верой, своим воззрением на жизнь; им нужно было сделать это только своим теоретическим убеждением. Поскольку то, что они вносили в жизнь, было чем-то традиционным, это были импульсы других времён, унаследованные от более старых времен. Только пролетарий оказался тем, кто был вырван из всего этого, кто поэтому не мог придерживаться никакого мировоззрения, связанного со старыми жизненными отношениями, и кто, как раз, всем своим внешним существованием, был предопределён для того, чтобы то новое, которое пришло, сделать содержанием своей души. Поэтому, как бы парадоксально это ни звучало, каким бы невероятным это многим ни казалось, этот пролетарий есть, настоящий, чисто научно ориентированный человек.

Чтобы оценить всё значение этого факта, нужно было не только научиться думать о пролетарском движении, нужно, чтобы судьба дала возможность мыслить вместе с пролетариатом, а именно с теми людьми из пролетарского класса, которые, рассматривая с той или иной стороны, стали носителями пролетарского движения. Тогда последствия этого можно было ясно ощутить из того, как оно сегодня распространяется из прежних времён в непосредственное социальное настоящее.

Не правда ли, вы могли бы сказать: Хорошо, но бюргерские (буржуазные) круги восприняли этот научный образ мышления в гораздо большей степени. - Возьмите, однако, даже самые интеллигентные бюргерские круги, подумайте о таких людях, которые в своём мышлении, в своих убеждениях, полностью ориентированы на науку: своими чувствами, всем своим ощущением жизни, они стоят всё же в тех отношениях, которые определены совсем не научной ориентацией. Можно быть материалистическим мыслителем модерна, можно называть себя просвещённым, можно быть атеистом, можно действительно исповедовать это как честное убеждение, но совсем не нужно при этом отказываться от всех соответствующих чувств остатков старых жизненных отношений, которые, ведь, возникли, не исходя из этой научной ориентации, а которые возникли в те времена, когда упомянутые выше пробивные силы имели ещё духовные импульсы.

Совершенно иначе действовала чисто научная ориентация. Я не говорю, науки, поскольку, разумеется, эта научная ориентация действовала на совершенно неграмотных пролетариев; но, как раз, там, где она как воззрение на жизнь распространялась на пролетариат, она действовала совершенно иначе.

Я хотел бы пояснить это на одном примере. Много лет назад я стоял за одним и тем же лекционным столом, что и ныне так трагически погибшая Роза Люксембург²²; она говорила на тему: «Наука и рабочие». Я снова и снова вспоминаю, как она блестяще показала

²² На открытии новой школы для рабочих в Шпандау (Spandau) 12 января 1902 года Роза Люксембург прочитала лекцию «Наука и борьба рабочих». Затем на ту же тему прочитал лекцию Рудольф Штайнер. См. «Тексты к полному изданию Рудольфа Штайнера», № 36, рубж 1971/72 года, стр. 21.

большому собранию то, что, собственно, все предрассудки, касающиеся социального положения человека, иерархии человека в старых господствующих классах, связаны с представлениями, которые несли в себе старые духовные мировоззрения. Современному пролетарию, имела она в виду, полагалось слышать единственно и только о том, что человек имеет не ангельское, божественное происхождение, а, после того, как он когда-то очень неприличным образом лазил по деревьям, он развился до человека из животных предпосылок, предпосылок, которые, если проследить за их развитием, должны оправдать убеждение: Все люди равны. А все прежние различия в рангах проистекают из каких-то предубеждений. - Тут надо смотреть не на формулировку, а на импульс, с которым такие слова действуют на пролетарски настроенные души.

Смотреть чисто на понятие, - это я, собственно, имел в виду, когда говорил: Пролетарий в Новое время во всём своём мировоззрении ориентирован «научно». И эта научная ориентация не наполняла его душу так, как он в том нуждался для того, чтобы быть в состоянии ответить на вопрос: Что я, собственно, такое в мире как человек?

И откуда пролетарий получил это мировоззрение? На чём основана эта научная ориентация, которую он иногда воспринимает совершенно неверным образом? Она всё-таки является наукой. Он взял её из старого наследия бюргерского класса. Она возникла из старого мировоззрения бюргерского класса при переходе в новый машинный и капиталистический период, когда машина и капитализм одолели человека.

Следующее, что так часто можно слышать с соответствующей окраской, это то, что внутри пролетариата человеческая духовная жизнь стала тем, что воспринимается как идеология. Это можно услышать чаще всего, когда речь идёт об основах пролетарского мировоззрения: что искусство, религия, наука, обычаи, закон и так далее, являются идеологическими отражениями внешней материальной действительности.

Но это ощущение, что всё так, что духовная жизнь есть нечто идеологическое, возникло не в пролетариате, а пролетариат получил его, как яд, в приданое от буржуазии. И последнее доверие, последнее великое доверие, которое пролетариат испытывал к бюргерству (к буржуазии), состояло в том, что он перенял пищу, духовную пищу для своей души. Ведь, когда он был вырван в социальной структуре из старых отношений, приставлен к машине, и, таким образом, был лишён духовной жизни, он мог только смотреть на то, что развивалось как знание о человеке, о мире; он мог только смотреть на то, что давала буржуазия: он с верой, я бы сказал, догматически, перенял идеологию от буржуазии. Эта идеология ещё не перешла в убеждение, но она перешла в ощущение как разочарование, которое должно возникнуть, когда на духовное нельзя смотреть как на нечто, что заключает в себе основанную на самой себе более высокую реальность, а когда на неё нужно смотреть только как на идеологию. В подсознательных ощущениях большого числа носителей этого социального движения живёт ещё не сознание, но ясное чувство: Мы оказали большое доверие буржуазии; мы унаследовали то, что должно было излечить наши души, что должно было дать нам силы, на которые можно опереться. Буржуазия их нам не дала; она дала нам только идеологию, в которой нет никакой действительности, которая не может быть опорой в жизни.

Можно долго спорить, является ли идеология действительно тем, что придаёт основной характер духовной жизни, или нет. Важно не это, а важно то, что эта духовная жизнь ощущается сегодня большей частью человечества как идеология, и что, если жизнь воспринимается как идеология, душа иссушается, остаётся пустой, парализуется духовный импульс и возникает то, что возникло сегодня: Лишение социальной воли веры в то, что где-то может развиваться что-то духовное, что где-то может появиться центр, настоящий центр, из которого для нашего мировоззрения и тому подобного могло бы прийти спасение, также и в отношении желаемого формирования социального движения. Я бы сказал, что в развитие современного пролетарского человечества, духовная жизнь внесена, прежде всего, как нечто негативное; а стремления этого человечества требуют позитивного. Они требуют того, на что может опереться душа, а им в наследство оставлено нечто съедающее душу.

Это нечто такое, что незаметно пронизывает всё наше современное социальное движение, что не может быть уловлено понятиями, но что придаёт форму одному из членов - мы познакомимся с тремя - социального движения, современного социального движения. И как только осознается, что это так, сразу же возникает вопрос: Откуда это взялось и как это исправить? Вместо того, чтобы оставлять волю парализованной, как можно её разжечь, как можно её усилить? Надо обратиться к этому вопросу.

Затем произошло событие, когда современная духовная жизнь подошла к той критической точке, о которой я уже говорил. Правящие классы того времени, благодаря всем своим условиям жизни, были связаны с тем, что мы сегодня называем государством. Отдельными людьми часто подчеркивалось, - из-за нехватки времени я не могу сегодня вдаваться в то, насколько это правильно, - что современный человек считает, что то, что он сегодня называет государством, было, собственно, всегда. Но это совершенно не правильно. То, что мы сегодня называем государством, что, например, в гегельянстве представляется выражением самого божественного, по сути, является лишь продуктом мышления последних четырех-пяти столетий. Социальные организмы прежних времен были совершенно другими.

Возьмите только один-единственный факт, возьмите выступивший только в последнее время факт, что из свободных учебных заведений, свободных высших учебных заведений прежних времен, которые стояли совершенно самостоятельно по отношению к государству, были созданы сплошные государственные учреждения, что государство стало, как бы, хранителем (Verwahrer) духовного достояния человечества (Geistesgut). То, что оно стало таким, в начале Нового времени - это бюргерский интерес. Государство было тем, что приросло к душе бюргера, с которым он был связан всеми своими потребностями. И из этого импульса выросли отношения, новейшие отношения между духовным достоянием человечества и государством, - выросло то, что это государство стало хранителем этого духовного достояния человечества, и что оно требовало от тех, кому надо было подойти к этому хранителю того, чтобы они, фактически, ориентировали на него свою жизнь.

Если немного глубже заглянуть во внутреннюю структуру человеческого духовного достояния, то понимаешь, что государственным стало не только внешнее управление этого духовного достояния, то есть, университетское, школьное законодательство, но и содержание этого духовного достояния.

Конечно, математика не несёт в себе государственного характера; но другие отрасли нашего духовного достояния получили в Новое время его отпечаток, пережили срастание этого духовного достояния с государственными интересами. И это срастание в какой-то степени обуславливает превращение духовного достояния в идеологию. Это духовное достояние может должным образом сохранить свою собственную внутреннюю действительность²³ только в том случае, когда она предоставлена управлению своими собственными силами, когда она отдает государству то, что ему принадлежит, по своей непосредственной инициативе, но не подчиняется требованиям государства.

Конечно, сегодня найдётся достаточно тех, кто не увидит в том, что я только что сказал, фундаментального социального факта. Но будет видно, что господствующий в действительности дух, может дать человечеству то, что для него верно, только тогда, когда этот дух отделится от внешней государственной организации и будет предоставлен самому себе. Я знаю, какие против этого можно привести возражения, но это не имеет значения; важно то, что дух, чтобы иметь возможность нормально развиваться, требует того, чтобы он мог постоянно исходить из непосредственной свободной инициативы человеческой личности.

Так, к истинной форме одного члена современного социального вопроса можно приблизиться, если правильно рассматривать духовную жизнь и видеть необходимость

²³ Хочется ещё раз напомнить, что Рудольф Штайнер чётко различает слова Wirklichkeit (действительность) и Realität (реальность). Понятие Realität происходит от латинского realitas, «реальность»; через res, «вещь», «вещь», то есть, носит более «материальное», значение не совсем «настоящего», в то время как Wirklichkeit носит, как раз, характер более объективного настоящего. Это учитывается и при переводе (прим. пер.).

постепенного выведения того, что наталкивается на структуру государства, обратно из этого государства так, чтобы оно могло развивать свою собственную внутреннюю несущую силу, а затем, в свою очередь, могло оказывать на него обратное воздействие, именно потому, что оно освобождено, потому что оно развивается, наряду с другими членами социальной структуры, самостоятельно, и, именно благодаря этому, может иметь правильное воздействие на эту социальную структуру. Если говорить о практическом в этом первом члене социального вопроса, то надо сказать: Тенденция развития должна состоять в направлении разгосударствления духовной жизни в самом широком охвате. И должен быть даже разгосударствлён один из членов этой духовной жизни, по отношению к которому сегодня, вероятно, кажется в высшей степени парадоксальным, что о нём можно говорить таким образом: отношение, в которое вступает судья с человеком, имеющим дело с уголовным или частным правом, которое является таким человеческим, таким личным, - в определённых психологически ориентированных кругах это сегодня тоже видят, но приступают к этому с совершенно неверной стороны, - что этот суд также непосредственно принадлежит тому, что должно относиться к внутреннему духовной жизни. Так что то, что проявляется в человечестве в виде религиозного убеждения, вся жизнь искусства, а также всё, что относится к частному праву и уголовному праву, я должен отнести к тому, что должно развить тенденцию к разгосударствлению.

Почему тот, кто слышит о радикальных мерах, сразу должен думать о насильственной революции? Даже в современных социалистических кругах новейшего времени об этом постепенно забывают. Я тоже не думаю, что всё разгосударствление можно провести с сегодня на завтра; но я думаю, что социальная воля человечества может начать с того, чтобы провести по отношению к тому или иному отдельные мероприятия, - а это, ведь, должно происходить то здесь, то там каждый день, - направленные на такое постепенное отделение духовной жизни от государственной. Вы сможете представить себе вполне конкретно, что, собственно, под этим имеется в виду.

Государство мы должны рассматривать как нечто особенно близкое душе бюргерства (буржуазии), которое в последнее время всё больше и больше развивается в господствующий класс. Эта бюргерство внесло в это государство не только духовную жизнь, но и всё то, что, так сказать, словно захлестнуло в новейшем человеческом развитии весь социальный организм: а, именно, хозяйственную жизнь. Внесение этой хозяйственной жизни в государственную жизнь положило начало тому, что огосударствлению подверглись даже интересы сообщения, почта, железная дорога и так далее. Из этого возникло определённое суеверие по отношению к государству, по отношению к государственно ориентированному человеческому обществу. И последним остатком этого суеверия является вера социалистически ориентированных людей в то, что оздоровление, собственно, можно видеть только в общем управлении всей хозяйственной жизнью. И это тоже перешло как наследство бюргерского образа мышления и видения.

Таким образом, духовная жизнь стоит на одной стороне, хозяйственная жизнь - на другой; посередине стоит государство.

Вы можете себя спросить: что же, собственно, должно быть оставлено государству? - поскольку мы тут же увидим, что хозяйственная жизнь также не терпит слияния с собственно государственной жизнью. Мы можем прийти к ясному пониманию этого вопроса, вероятно, благодаря тому, что обратим внимание на то, что, собственно, эти бюргерские классы нашли в развивающемся современном государстве. В этом государстве они нашли обитель своих прав.

Теперь давайте посмотрим на то, что такое права на самом деле. При этом я имею в виду не только уголовное право, не только частное право, насколько они не относятся к отношениям личности к личности, а я имею в виду публичное право. К публичному праву принадлежат, например, также дела о праве собственности. Ведь, что, в конце концов, такое собственность? Собственность - это лишь выражение обоснованности того, что вы единственный как личность можете владеть чем-то и производить над чем-то какие-то

действия. Собственность коренится в каком-то праве. Всё то, что мы во многом рассматриваем, собственно, как нечто внешнее, коренится в своём отношении к человеку в правах. В Новое время, предшествовавшее нашему современному пониманию государства, бюргерство и всё, что с ним связано, приобрело такие права уже раньше; такие права оказывались лучше всего защищёнными, когда всё то, что может быть связано с такими правами, включено в жизнь самого государства.

И таким образом возникла тенденция всё больше и больше втягивать хозяйственную жизнь в жизнь государства. Государственная жизнь пронизывает структуру хозяйственной жизни суммой прав. Ну и ни в коем случае нельзя отнимать эти права у государственной жизни в будущем развитии. Но социальная воля должна формироваться, как раз, в том направлении, чтобы точно различать между тем, что такое правовая жизнь, что такое собственно духовная жизнь и что такое хозяйственная жизнь.

Современное социальное движение делает это особенно наглядным посредством того, что правящие круги нечто не включили в правовую жизнь своего современного государства. В то время как они многое изъяли из хозяйственной жизни, из простой изолированной хозяйственной жизни, и включили это в правовую структуру государства, одну вещь они всё же не включили в правовую структуру государства: и эта вещь - рабочая сила пролетарского рабочего. Эта рабочая сила пролетарского рабочего осталась в циркуляции хозяйственного процесса.

Это то, что глубоко затронуло душу современного пролетария, - что через марксизм и его последователей ему было объяснено: как есть рынок товаров, так же всегда есть и рынок труда. И, как предлагаются и пользуются спросом на товарном рынке товары, так же ты приносишь на рынок труда свою рабочую силу, - единственное, чем ты владеешь, - и она считается только товаром. Её покупают как товар; она стоит в современном хозяйственном процессе как товар.

С этим мы приходим к истинному облику второго современного социального требования. Оно выражается в том, что, исходя из определённого подсознательного ощущения своего человеческого достоинства, современный пролетариат нашёл непереносимым, что его рабочая сила покупается и продаётся на товарном рынке как товар.

Конечно, теория социалистического мыслителя говорит: Это произошло, благодаря объективным законам самой хозяйственной жизни; они ставят рабочую силу на рынок как другие товары. Это в сознании, возможно, в сознании самого пролетариата. Но в подсознании господствует нечто совершенно иное. В подсознании господствует некое продолжение старого рабства, старого крепостничества. Тут в этом подсознании видно только то, что во времена рабства на рабочем рынке был весь человек целиком, и он мог продаваться и покупаться как товар, и что затем при крепостничестве происходило то же, но уже не со всем человеком целиком, и что теперь осталась ещё рабочая сила рабочего. Но с ней он тоже целиком отдаётся хозяйственному процессу. И это он ощущает невозможным, недостойным.

Из этого возникает это второе социальное требование Нового времени: Лишить рабочую силу характера товара.

Я знаю, что сегодня ещё очень много людей думают: Что нужно сделать? Как же иначе вообще может быть устроена хозяйственная жизнь, как не путём оплаты трудовой деятельности, рабочей силы? - Но она покупается уже этим! Ведь, достаточно только вспомнить о том, что Платон и Аристотель тоже считали само собой разумеющимся, что должны существовать рабы. Так что надо простить современным мыслителям, что они считают необходимым выставить рабочую силу на рынок.

Не всегда можно представить, что может стать реальностью в самом ближайшем будущем. Но спросить надо уже сейчас: Посредством чего можно лишить рабочую силу товарного характера? Это может произойти лишь посредством того, что она будет передвинута в область чистого правового государства, того государства, от которого, с одной стороны, будет отрезана духовная жизнь, как это было охарактеризовано ранее, а с другой

стороны, отрезано всё то, что в ранее охарактеризованном смысле принадлежит хозяйственному процессу. Если мы разделим весь социальный организм или представим его разделённым на эти три члена: самостоятельную духовную жизнь, правовую жизнь и хозяйственную жизнь, то вместо гомункула в области хозяйственной жизни мы получим настоящего Ното, то мы обратим свой духовный взор на действительно жизнеспособный социальный организм, а не на тот, который состоит из химических агентов.

Я совсем не хочу развёртывать здесь игру в аналогии между биологией и социологией, - я далёк от этого, очень далёк, - мне не хотелось бы впадать в ошибки ни Шаффка (Schaffk), ни Мерэя (Meray) с его «Мировой мутацией»; речь идёт не об этом. Но важно видеть, что, как в отдельном человеческом природном организме действуют три самостоятельно стоящих рядом друг с другом управляющие системы, - я пояснил это, по крайней мере, в общих чертах в научной области в моей последней книге «О загадках души», - так же и в социальном организме надо видеть три самостоятельно функционирующие системы: духовную систему, судебную систему, затем систему публичного права, - как и было сказано, частное право и уголовное право исключаются, - и собственно хозяйственную систему.

Но тогда, когда между духовной жизнью и хозяйственной жизнью помещается регулирующая жизнь государства, регулирующая правовая жизнь, тогда в социальный организм интегрируется нечто такое же жизнеспособное, как мы находим интегрированным в природном человеческом организме, в виде относительно самостоятельной системы, систему кровообращения, легочно-сердечную систему между головной системой и пищеварительной системой. Но тогда, когда она полностью выделится из простой экономической жизни на своём собственном основании, - подумайте об управлении, демократическом управлении на этом основании правовой жизни, - когда каждый одинаковым образом сможет рассчитывать на свои права, которые регулируют отношения человека к человеку только на этом основании, то интеграция рабочей силы в хозяйственный процесс станет чем-то совсем иным, чем теперь.

Вы видите, я не даю вам какой-то принцип, какую-то теорию: так-то и так-то надо делать, чтобы лишить рабочую силу характера товара, - а я вам говорю: Мы должны, прежде всего, найти людей для членения социального организма, чтобы, благодаря их деятельности, благодаря их мышлению, благодаря их воле, возникло то, что как социальный организм будет жизнеспособным. - Я не хочу давать никакого общего лекарства, я хочу лишь рассказать, как человечество должно быть интегрировано в социальном организме, чтобы, исходя из его здоровой социальной воли, постоянно получалось бы то, что делает социальный организм жизнеспособным. Я хочу, так сказать, поставить на место теоретического мышления мышление, тесно связанное и знакомое с реальностью. Что произойдет, если, совершенно независимо от хозяйственной жизни, на для себя самой существующей почве, которая относительно самостоятельно управляется в соответствии со своими собственными силами, - если на этой почве на чисто человеческих основаниях будут решаться вопросы рабочего права, и, исходя из этого будут даваться законы? Тогда из этого возникнет нечто, что действует в хозяйственном процессе подобно тому, как сейчас действует природная база этого хозяйственного процесса. Мы, ведь, ясно и отчётливо видим перед собой эту природную базу хозяйственного процесса, если мы действительно изучаем хозяйственный процесс. Она регулирует хозяйственный процесс так, что её регулирование ускользает от того, что с этим экономическим процессом может сделать сам человек. Не правда ли, нужно только наблюдать за тем, что бросается в глаза.

Возьмите хотя бы - я хочу привести радикально наглядный пример - тот факт, что в определённых районах, которые, правда, лежат далеко от нас, бананы являются чрезвычайно важным товаром. Но работа, которую необходимо проделать, чтобы доставить бананы к месту потребления, чрезвычайно мала по сравнению, скажем, с той работой, которая необходима в наших природных европейских регионах, чтобы довести до места потребления пшеницу. Эта работа, которая делает бананы пригодными к потреблению по отношению к пшенице, составляет примерно одну сотню или даже больше, чем одну сотню. Таким

образом, для приведения к состоянию потребления пшеницы необходимо в сто раз больше работы, чем для бананов. И таким образом также и в пределах хозяйственной области мы могли бы указать на большие различия, существующие в связи с регулированием хозяйственной жизни. Они не зависят от участия в этом самих людей: они зависят от продуктивности почвы, от других условий и тому подобного; они включены в хозяйственную жизнь как постоянный фактор, как фактор, независимый от хозяйствующего человека. Это дано с одной стороны.

Представьте себе теперь, с другой стороны, трудовую правовую жизнь совершенно отделённую от хозяйственной жизни, тогда, если хозяйственные интересы в установлении рабочего времени, в использовании рабочей силы, уже больше не будут самостоятельно вмешиваться в чисто человеческое общение между людьми, будет образовываться нечто, что, с другой стороны, независимо от хозяйственной жизни, будет воздействовать на эту хозяйственную жизнь так же, как, с первой стороны, на неё воздействуют факторы, данные природной базой.

В ценообразовании, при определении стоимости товара на товарном рынке надо ориентироваться на то, как действуют природные факторы. В будущем, если социальный организм должен быть жизнеспособным, надо будет также ориентироваться на то, как должно происходить производство, как должны обращаться товары. Если зарплата, рабочее время, вообще рабочее право будут определяться не циркуляцией товаров, а независимо от циркуляции товаров и товарного рынка в области государственной правовой жизни, просто исходя из человеческих потребностей, просто исходя из чисто человеческих точек зрения, то стоимость какого-то товара будет равна стоимости затраты времени, необходимого для выполнения определённой работы, которая, однако, будет регулироваться жизнью, независимой от хозяйственной жизни, в то время как, например, хозяйственная жизнь сегодня сама регулирует рабочие отношения, так что в хозяйственном процессе рабочее время, рабочие отношения во многом регулируются в соответствии с ценами на товары. При правильном членении социального организма должно происходить обратное.

Об этих отношениях сегодня можно сказать только в общих чертах. Однако, вы видите, они исходят из социального воления, которое совершенно отлично от того, что привело нас сегодня к такому печальному положению в мире; они исходят из социального воления, которое определённым общественно полезным образом сплетает всё не из того человеческого мышления, которое необходимо для того, чтобы то или иное происходило надлежащим образом, а выходит из мышления, которое связано с действительностью так, что оно не проявляется, когда люди тем или иным образом интегрируются в социальный организм. Тогда, поскольку они тогда будут здоровым образом интегрированы в социальный организм, они будут определять права, тогда они будут действовать правильным образом.

Надо только пережить, как определяли эти отношения в действительной жизни другие социально-волящие, а именно в уже развалившейся Австрии. Это было государство, но в государстве жила не только правовая жизнь, в государстве жила, даже весьма ярко выраженная, вытекавшая из интересов отдельных человеческих кругов хозяйственная жизнь. Вспомните только, каким был старый австрийский парламент до конца девяностых годов! И из того, что было представлено в этом парламенте, всё же возникли отношения, которые разыгрывались вплоть до катастрофы мировой войны, из этого парламента, состоявшего из четырех курий: торговой палаты, крупных землевладельцев, из курий городов, рынков и индустриальных мест, и курии устоявшихся хозяйственных кругов. Эти хозяйственные круги были представлены не на почве хозяйственного парламента, а их интересы определяли государство, то есть, публичное право определялось согласно их интересам. Как невозможно то, что возникнет какая-нибудь конфессионально настроенная партия, как это было в последнем немецком рейхстаге, которая, исходя из формулировок, институтов, будет оказывать влияние на правовую жизнь государства, настолько же мало будет жизнеспособен социальный организм, который настроен так, что интересы хозяйственных кругов будут определять правовую жизнь. Эта правовая жизнь должна развиваться отдельно, только на

основе того, что касается отношений человека к человеку, скажем, совершенно демократическим образом. Тогда трёхчленный социальный организм будет соответствующим образом регулировать хозяйственную жизнь, с одной стороны, посредством этой правовой жизни, а, с другой стороны, посредством природного базиса.

И в пределах этой хозяйственной жизни, которая, в свою очередь, включает в себя представителей различных сторон, будут необходимы чисто хозяйственные факторы и интересы. Тогда мы получим социальный организм, в котором - если мне будет позволено выразиться в согласии с привычками времени, - есть теперь три класса, три области, каждая со своим законодательством и своим управлением. Они относятся друг к другу, я бы сказал, как суверенные государства, хотя и пронизывают друг друга; они рассчитывают друг на друга. Это может оказаться сложным, может показаться людям неудобным; но это является здоровым, является тем, что единственно и только будет делать социальный организм жизнеспособным в будущем. Поскольку сама хозяйственная жизнь может определяться своими факторами лишь в том случае, если на её почве проявляются только хозяйственные интересы, которые могут определяться только необходимым в хозяйственной жизни соотношением между производством и потреблением. Однако это соотношение между производством и потреблением может возникнуть в хозяйственной жизни только на ассоциативной основе, - на основе ассоциаций, как это могло бы стать в рамках отношений профессиональных союзов, товариществ. Но сегодня эти отношения ещё полностью носят характер того, что они выросли из жизни государства. Они должны вращаться в хозяйственную жизнь, должны стать организациями, служащими только хозяйственной жизни. Тогда социальный организм будет развиваться здоровым образом.

Я знаю, что то, что я сказал, многим покажется чрезвычайно радикальным. Но радикально это или нет, - важно не это; важно то, чтобы социальный организм был жизнеспособным, чтобы люди, начиная переходить от старой инстинктивной социальной жизни к сознательной социальной жизни, прониклись импульсами, исходящими из видения того, как человек стоит в целом социальном организме. Сегодня человек считается необразованным, если он чего-то не знает; сегодня человек считается необразованным, если он не знает чего-то большего по сравнению с тем, что принадлежит к образованию; но человек считается не необразованным, если у него нет социального сознания, или если он стоит в социальном организме со спящей душой. Это нечто такое, что в будущем должно полностью измениться! Это будет по-другому, когда возникнет суждение, что к самому элементарному школьному образованию принадлежит снаряжение себя социальной волей, точно так же, как снаряжение себя знанием того, сколько будет 1х1. Сегодня каждый должен знать, сколько будет 3х3. В будущем не будет казаться трудным узнать, - если выбрать что-то из сегодняшней жизни, - как процент на капитал соотносится с базовой пенсией (Grundrente). В будущем это не должно быть сложнее, чем знать, что трижды три равно девяти. Но это знание создаст основу для здорового нахождения внутри социального организма, то есть, для более здоровой социальной жизни. И к такой здоровой социальной жизни нужно стремиться.

Это подготавливается в здоровом человеческом сознании, - то, что я сказал. Нужно только иметь ощущение того, что готовится, и что в нашей теперешней новой жизни стремиться к проявлению.

Вспомните три великих идеала Французской революции: свободу, равенство и братство. Кто проследит, какую судьбу эти идеи проделали в головах людей в ходе времени, тот знает, как часто люди боролись с логическим противоречием, существующим между свободой, с одной стороны, которая указывает на личную инициативу отдельного человека, и равенством, с другой стороны, которое должно быть реализовано в централизации государственно ориентированного социального организма. Это невозможно. Но в последнее время появилась тяга к этой консолидации. То, что современный капитализм ещё не смог понять концепцию трёхчленного социального организма, - это возникло из идеи полностью централизованного государства.

Если попытаться понять сегодня то, что уже выражено в этой воле, находящей выражение в трёх этих идеалах: свобода, равенство, братство, то это сегодня легко можно сделать, рассматривая их с точки зрения трёхчленного социального организма. Тогда в качестве первого члена обнаруживается духовная жизнь. Она должна быть полностью пронизана принципом, импульсом свободы. Тут всё должно быть поставлено на свободную человеческую инициативу, и если это реализовать, то она будет проявляться наиболее плодотворно. Что касается правового государства, что касается государства, регулирующего жизнь между духовным и хозяйственным, собственно политической системы, то всё это должно быть пронизанным равенством людей. А что касается хозяйственной жизни, то здесь единственным действующим фактором может быть только братство, социальное сопереживание всей внешней и внутренней жизни одного человека другим.

В социальном организме в хозяйственной жизни может господствовать только интерес. Однако, этот интерес порождает совершенно определённое свойство члена хозяйственного органа. На что, собственно, всё указывает, к чему всё сводится в хозяйственной жизни? Всё сводится к тому, чтобы то, что производится в хозяйственном процессе, можно было бы также наилучшим, целесообразным образом использовать. Я говорю об использовании в узком смысле, из которого тогда исключается духовное. Использовать можно, например, рабочую силу, человеческую рабочую силу. Но современный человек это чувствует: его рабочая сила не должна быть просто использована. Как он заслуживает (erwirbt) интерес [к себе], благодаря своей рабочей силе, точно так же при духовном производстве он должен заслуживать интерес [к себе], благодаря своему покою, благодаря своей полной покоя способности принимать духовное. Человек используется хозяйственной жизнью. Он должен постоянно вырываться из этой хозяйственной жизни с помощью обоих других членов здорового социального организма, чтобы не быть использованным в хозяйственной жизни.

Социальный вопрос в современной жизни не таков, что он сейчас возник, возможно, может быть решён, и когда-то, соответственно, будет решён. Нет, социальный вопрос таков, что он вступил в современную жизнь и уже больше не выйдет из этой жизни во всём будущем человечества. Социальный вопрос в отношении к будущему будет всегда. Но этот социальный вопрос будет решён не за один раз, не посредством того или иного мероприятия, а посредством постоянного проявления воли людей, когда то в человеке, что используется хозяйственным процессом, беспрестанно регулируется правовой жизнью, исходя из чисто политической точки зрения, и это используемое, в свою очередь, постоянно уравнивается духовным производством посредством самостоятельного духовного организма.

Кто видел, как развивался социальный вопрос в последние десятилетия, - ведь, прошло не так много времени с тех пор, как социальный вопрос приобрёл свою теперешнюю форму, - кто внимательно и с внутренним участием наблюдал, как этот социальный вопрос развивался с самого начала, тот, как раз, в связи с социальной волей и её дающим направление импульсом для будущего устройства человеческой жизни, может прийти к мыслям, которые, пожалуй, можно охарактеризовать посредством следующего.

Социальный вопрос многие люди, в том числе многие вполне просвещённые люди, вообще не рассматривали как нечто существующее. В юности я был знаком с одним австрийским министром, который, окинув взглядом богемско-немецкую границу, сделал гротескное заявление: Социальный вопрос заканчивается на Боденбахе (Bodenbach)! - И я до сих пор хорошо помню, как первые шахтеры-социал-демократы большой группой прошли мимо квартиры моих родителей, направляясь на своё собрание. Я наблюдал тогда, как возникала эта социальная воля, не как мысль о социальном движении, а как переживание этого социального движения. Тогда я должен был себе сказать: Многое пришлось пережить, в том числе пришлось пережить много заблуждений! И таких заблуждений было довольно много даже среди социалистически ориентированных мыслителей Нового времени. Похоже, именно в этой области люди своими развитыми головами этого не переживают. Заблуждения распространились ужасно.

Исходя из духа того, к чему я пришёл в результате таких наблюдений, я и попытался говорить с вами сегодня вечером о социальной воле. Вы пригласили меня как члена человеческой общности, которая рассматривает, что эта социальная воля должна осуществить для блага человечества в будущем.

Те, кто как уже достигшие некоторого возраста люди, как я, например, постоянно десятилетиями обращаются к таким людям, - те также оглядываются назад, на то, что должно было измениться, чтобы прийти к тому, что есть сегодня. Но тогда, через некоторые вещи, которые надо было изменить, они всё же также приходят к убеждению, что заблуждения не были бесплодны, что даже если факты и говорят сегодня грустным, часто пугающим языком, люди всё же найдут в себе силы найти выход из того, что сегодня большая часть человечества ощущает невыносимым.

В этом смысле я прошу вас воспринимать то, что я позволил себе сказать вам сегодня вечером. Поскольку в некоторых областях факты говорят на ясном языке. Они говорят: чем больше людей, среди тех, кто сегодня ещё молод, примут истинную, жизнеспособную социальную волю, тем жизнеспособнее будет человеческий социальный организм.

Тех, кто хотел бы высказаться, я прошу это сделать. Доктор Боос, выступавший с докладом неделю назад, уже согласился вести дискуссию.

Высказывается один из участников (стенограмма отрывочная).

Доктор Штайнер: То, что вы сказали, обретает свою форму, благодаря тому, что вы упустили из внимания то, что должно произойти в результате разделения на относительно самостоятельное правовое государство, с одной стороны, и хозяйственную жизнь, - с другой. Рабочие организации, которые будут или производственными обществами, или потребительскими обществами, или также соединениями обоих, - они вообще имеют дело только с хозяйственными факторами, которые разыгрываются в самой хозяйственной жизни.

Регулирование трудового права выпадает на относительно самостоятельное государство. Там не иначе, как на демократической основе, говорил я, будет решаться всё, что касается отношений человека с человеком. Поэтому, упоминая основу этого чисто демократического, я также говорил, что она является соединяющим членом между обоими другими факторами; на этой основе господствует равенство людей перед законом. Тут прекращаются простые желания отдельных хозяйственных организаций, поскольку в демократической правовой жизни они должны быть уравновешены интересами других кругов. - Таким образом, это именно то, что должно быть осуществлено; должно быть устранено то, что вы считаете ущербом, который бы непременно возник, если бы, например, рабочее время устанавливалось в рамках организации хозяйственной жизни. Организации хозяйственной жизни должны иметь дело только с самой хозяйственной жизнью: то есть, с регулированием в смысле трудового права. Но установление рабочего времени подлежит только государственному органу, который имеет дело с отношениями человека с человеком.

Не надо забывать, насколько большие изменения в отношениях между людьми произойдут за счёт сглаживания односторонних интересов. Разумеется, совершенным мир не станет; но в демократическом государстве, основанном на равенстве человека перед человеком односторонние интересы сгладятся.

Подумаем только, что если, например, какая-то хозяйственная организация заинтересована в том, чтобы работа велась определенное короткое время, то она должна будет примирить этот интерес с интересами тех людей, которые пострадали бы от такого короткого рабочего времени. Но если вообще не думать о каких-либо подсознательных силах, то обнаружится, - так же, как это, хотя бы примерно, обнаруживается в природном организме, где всегда имеется примерно одинаковое количество мужчин и женщин, но что, конечно, не должно и не может быть строгим законом природы, - обнаружится также, что при правильном взаимодействии отдельных факторов социального организма не возникает

ничего не невыносимого из-за того, что могут развиваться отдельные мелкие интересы, которые в значительной степени вредны для других.

То, что лежит в основе моего социального образа мышления, отличается от многих других социальных способов мышления тем, что последние более абстрактны. Всегда можно очень хорошо вывести логически одно из другого; одни вещи логически вытекают из других. Но решающим в таких вопросах может быть, собственно, только жизненный опыт. Я, конечно, не могу логически доказать - этого не может никто, - что в таком будущем организме не может возникнуть несовпадение интересов; но можно предположить, что если силам будет позволено развиваться в пределах их собственного, соответствующего им круга, то будет иметь место человеческое развитие. Я имею в виду, что если вы рассмотрите, как раз, то, что я хотел бы предложить как перенос установления рабочего времени из чисто хозяйственного процесса в правовой круг государства, то вы увидите, что такого рода вред практически возникнуть не сможет. Это то, что я могу сказать по этому вопросу.

Высказывается ещё один из участников (стенограмма отрывочная).

Доктор Штайнер: По поводу высказывания последнего оратора я хотел бы заметить следующее: Разумеется, любая лекция страдает от того, что невозможно в одной отдельной лекции сказать всё, и я не знаю, из каких упущений в моей лекции уважаемый предыдущий оратор сделал вывод, что у меня нет никакой позиции относительно психики современного рабочего, что я не учитываю современное рабочее движение и тому подобное. Каждый, разумеется, делает это по-своему. Например, я много лет был преподавателем в разных областях в школе для рабочих, делал речевые упражнения с рабочими из профсоюзов, а также из политических организаций. Сегодня я имею право утверждать, что большое количество рабочих, выступающих сегодня в Германии, научились говорить на моих речевых упражнениях. Во время этих речевых упражнений обсуждались всевозможные вопросы, в том числе и вопросы, которые по-настоящему касались самых интимных сторон психики рабочих. Таким образом, я не знаю, - конечно, у меня не было никаких оснований выставлять на свет эту особую практическую сторону моей социальной работы и волеия, - я никак не могу понять, из каких упущений в моей речи можно было бы сделать вывод, что я так абсолютно далёк от практики рабочего движения.

Конечно, само собой разумеется, что в рамках современного социального движения должны учитываться, как раз, сами рабочие. Но примите во внимание, что я весь вечер делал акцент именно на том, как обстоят дела внутри пролетариата. Я, ведь, и говорил о пролетариате как таковом. Если бы вы внимательно слушали, то могли бы заметить, что в моей лекции содержалось то, что, как мне кажется, я разбирал практически, что практически живёт сегодня, как раз, в пролетарском рабочем классе.

Что касается упрёка в том, что я, возможно, слишком однобоко представил тот, как мне кажется, фундаментально значимый факт, что рабочий класс, и особенно вожди рабочего класса, переняли бюргерский (буржуазный) образ мышления, то это высказывание, которое я сделал и которое я осветил, конечно, лишь с отдельных сторон, в действительности основано на подробном изучении, как раз, психики рабочего и всего современного рабочего движения.

При этом я хотел бы обратить ваше внимание, например, на следующее: Один известный русский писатель, которого я лично знаю²⁴, недавно весьма своеобразно указал на то, что философия Юнгера сыграла большую роль, как раз, здесь, в Цюрихе: философия Авенариуса²⁵, в свою очередь, выросла, определённно, на чисто буржуазной почве. По

²⁴ Николай Бердяев, 1874-1948.

²⁵ Рихард Авенариус (Richard Avenarius), 1843-1896, философ и эпистемолог, в последнее время жил в Цюрихе, основал в своей «Критике чистого опыта», 2 т. 1888-1900, 2-е издание 1908 года позитивистскую философию, которую он называет «эмпириокритицизмом» и в которой описывает опыт как зависимость индивида от его окружения. Ленин выступил против этого эмпириокритицизма в своём сочинении

крайней мере, я не могу представить, что Авенариус думал о том, что его философия будет играть в рабочем движении России ту роль, какую она играет там сегодня. Насколько я знаю, как раз, здесь, в Цюрихе, широко представлена, а именно Адлером²⁶, выросшая из естествознания философия Маха²⁷. Оба эти философские направления являются, так сказать, официальными философиями большевизма²⁸, самого радикального социализма. Этот русский писатель Бердяев говорит об этом в одной из своих статей, - которая в переводе содержится в одной очень интересной книге о «Политической душе России», - и в этой статье Бердяев, как раз, очень подробно исследует эту политическую душу. И так, можно было бы привести множество примеров; я мог бы привести вам множество примеров, подобных тому, что я до этого приводил вам из речи покойной Розы Люксембург²⁹, которые доказали бы вам, что последним фрагментом вторгшегося в рабочее движение наследства бюргерской жизни, является бюргерский (буржуазный) образ мышления, который ориентирован научно. Вообще возможность превращения духовной жизни в идеологию имеет бюргерское происхождение. Бюргерство, если позволительно использовать такие категории, вначале превратило в идеологию научно ориентированный образ мышления в области познания природы. В пределах своего класса оно не распространило его на собственно научное мышление. Этот последний вывод позднее сделало пролетарское мышление. Конечно, пролетарское мышление делало и другие выводы; но оно делало эти выводы из тех основ, которые сегодня явно можно узнать укоренёнными в бюргерском научном виде представления, оно лишь несколько его развила. Важность этого не следует недооценивать.

Поскольку тот, кто более глубоко вовлечен в целое, кто развил более глубокий интерес к тому, какую роль играет психика современного рабочего в современном рабочем движении, тот ожидает, - я бы сказал, с известной озабоченностью, с одной стороны, но также и с определенным внутренним удовлетворением, с другой стороны, - ожидает тот момент, когда это проявится в современном социалистическом движении. Однажды то, что сейчас ещё покоится в подсознании, будет поднято в сознание, однажды будет замечено: Ага, это ещё

«Материализм и эмпириокритицизм», в котором он полемизировал с эмпириокритическим истолкованием марксистского учения.

²⁶ Фридрих Адлер (Friedrich Adler), 1879-1960, лидер австрийских социал-демократов, один из теоретиков австромарксизма, сторонник эмпириокритицизма; он пытался дополнить марксизм «махистской» (см. ссылку на Э. Маха ниже) философией. 21 октября 1916 года он застрелил премьер-министра Австрии графа Штюргха, был приговорен к смертной казни и освобожден в 1918 году. Позже он был одним из лидеров «Социалистического рабочего Интернационала».

²⁷ Эрнст Мах, 1838-1916, австрийский физик и философ, один из основоположников эмпириокритицизма; в теории познания он обновил взгляды Беркли и Юма. Его гносеологические взгляды оказали большое влияние на теоретическую физику (число Маха) и были расширены «Венским кружком». Среди прочего он написал «Механику в её развитии», 1883 год; «Вклады в анализ ощущений», 1886 год (позже названный «Анализ ощущений и отношение физического к психическому»); «Знание и ошибка. Очерки психологии исследования», 1905; «Руководящие принципы моей научной эпистемологии», 1919 год.

²⁸ Рудольф Штайнер опирается здесь на статью Николая А. Бердяева «Политическая и философская правда», опубликованное в Берлине в 1918 году в труде «Политическая душа России» под редакцией Элиаса Гурвича (нем. Elias Hurwicz; 1 мая 1884, Рогачёв, Российская империя, - 30 сентября 1973, Западный Берлин - еврейско-русско-немецкий социолог, переводчик и публицист). В России эта статья появилась еще в 1909 году в сборнике «Вехи». На стр. 93 немецкого издания сказано, между прочим: «Тогда она (русская интеллигенция, - прим. ред.) перешла даже к трудноперевариваемому Авенариусу, потому что самая абстрактная, <чистая> философия Авенариуса без его знаний и ошибок была внезапно представлена как философия (большевизма)». См. также Рудольф Штайнер, «Основная социальное требование нашего времени. В состоянии измененного времени», полное издание Дорнах 1963, ГА 186, 9-я и 10-я лекции и 3-я лекция в «Духовно-научный подход к социальным и педагогическим вопросам», полное издание Дорнах 1964, ГА 192.

²⁹ Роза Люксембург, 1870–1919, политик-социалист; она принадлежала к представителям радикального течения в немецкой социал-демократии. Преподавала марксистскую экономику в Берлинской партийной школе. Во время Первой мировой войны она почти постоянно находилась в заключении за свои антивоенные призывы. В 1917 году вместе с Карлом Либкнехтом она основала Союз Спартака, а в конце 1918 года - Коммунистическую партию. Во время январского восстания 1919 года она и Карл Либкнехт без суда и следствия были расстреляны правительственными войсками.

сидит в нашем душевном мышлении (Oberdenken), - если мне будет позволено использовать такое выражение, - это должно выйти наружу. Мы стремимся к тому, чтобы всё наше человеческое достоинство было сориентировано научно; этого бюргерская наследственная линия науки до сих пор нам сделать не позволила. Мы должны искать другую духовную жизнь.

Я верю, однако, что, когда наступит этот момент, когда полностью проявится всё страстное стремление, возможно, с определённой стороны, единственно современных людей, а именно пролетарских людей, - даже если оно в наше время и не нашло своего полного выражения, - когда это стремление современного пролетариата после полного развития научного образа мышления, с силой старых религий, выльется в мировоззрение, когда этот пролетариат больше не будет, - поскольку он осознал, что он не должен больше быть товаром, - делать выводы на основе бюргерского образа мышления, тогда наступит тот момент, когда только и можно будет говорить о том, что появилась плодотворная организация социальной воли.

В отношении простого социализма и тех его отношений, которые упомянул предыдущий оратор, в отношении Бергсона³⁰, я думаю, нельзя говорить так догматически. Я, разумеется, не хочу сегодня обсуждать такие философские вопросы. Предыдущий оратор сказал, что Бергсон является типичным представителем бюргерского образа мышления. Тогда, как раз, социализм действительно убрал бы из философии Бергсона бюргерскую подоплёку! Сегодня, например, можно доказать, что содержание философии Бергсона пронизано неисчислимыми «шопенгауэризмами», что Бергсон находится под влиянием Шопенгауэра гораздо больше, чем вы можете себе это представить.

Если кто-то желает обсуждать такую вещь, то нужно делать это действительно подробно. Я не могу сделать это сегодня; я могу вам только упомянуть, что и в пролетарском мире есть человек, ощущающий себя мыслителем, как, например, Меринг, Франц Меринг³¹, который в действительности во многом похож на Бергсона; он характеризовал Шопенгауэра, как раз, как представителя самого что ни на есть бюргерского мещанства в философии!

Об этих вещах можно иметь разные мнения, и я не думаю, что позволительно быть настолько догматизированным в этих вещах. Ведь, можно считать, что Бергсон является самым передовым философом, и в его философии есть иррациональные элементы. Но хотелось бы спросить: Какое отношение имеет иррациональный элемент к социальному вопросу? - Пролетарий может быть столь же иррационален, как и буржуа. Я не совсем понимаю, при чем здесь вся эта иррациональность. Тогда уже нужно сделать это догматическое предположение: Бергсон является в абсолютном смысле тем, кого можно назвать современным философом; так что, если пролетарии должны думать правильно, они должны стать бергсонийцами, не так ли? Это пронизывает весь вопрос.

Поскольку несомненно, что в самых разных областях современной жизни появились тенденции, обусловленные тем, что я охарактеризовал сегодня. Ведь, было бы очень печально для человеческой жизни, если бы всё происходило, я бы сказал, за пределами середины (überzwerch), если бы всё всегда развивалось в противоположном правильному направлении! Конечно, этого не может быть, не так ли? Я сам говорил, что, например, в области правосудия определённые вещи разжигают некоторые вполне психологически

³⁰ Анри Бергсон (1859–1941), французский философ, профессор Коллеж де Франс в Париже; его философия возникла из критики кантовской теории времени. Согласно Бергсону, время по своей природе есть продолжительность. А сами продолжительность и действительность познаются интуицией. См. Рудольф Штайнер, "Загадки философии...", стр. 561 и далее, и "Из центрально-европейской духовной жизни", полное издание, Дорнах, 1962, библ. 65, с.438. Анри Бергсон написал, среди прочего, «Время и свобода», 1889; «Материя и память», 1896 год; «Творческое развитие», 1907; «Мышление и творческое становление», 1934 год.

³¹ Франц Меринг (Mehring), 1846–1919, политик и писатель. Он был одним из ведущих деятелей немецкого рабочего движения, как защитник социал-демократии против Бисмарка. Он написал: «Историю германской социал-демократии», 1877 года (либерально-буржуазно); «История германской социал-демократии», 1897 года, 4 т. (социалистически); «Легенда о Лессинге», 1893 года.; «Карл Маркс», 1918 год.

ориентированные люди. Таких примеров можно, конечно, привести бесчисленное множество. Но это также и увод дискуссии в сторону, когда занимаются не тем, что необходимо, а просто выносят на обсуждение своё собственное любимое мнение. Конечно, многому из того, что было сегодня сказано в отношении импульсов как всё же об указывающих скорее на исторические периоды принципы, можно симпатизировать; но, не вдаваясь в подробности о последних, - если бы кто-то захотел вникнуть во все эти вещи, мне пришлось бы задержать вас здесь на очень долгое время, - поэтому, не вдаваясь в подробности о последних, я хотел бы сказать: Очень многие люди сегодня всё ещё внутренне сопротивляются, когда речь идёт об этой трёхчленности, о которой я говорил сегодня. Они говорят: не может существовать трёх разных членов, которые управляются и функционируют согласно разным принципам.

Но я не говорил о трёх разных членах, которые управляются согласно разным принципам, а я говорил о трёхчленности социального организма! Подумайте только, что в наше время эта трёхчленность социального организма, согласно всему её образу мышления, должна быть постепенно найдена так же, как, например, древние структуры, которые вы находите у Платона, и которые в то время были оправданы. Кто-то однажды сказал мне после моей лекции: Таким образом, мы всё же снова ссылаемся на старое подразделение Платона: сословие, обеспечивающее питание, сословие воинов, сословие учителей! - Но то, что я говорил, является противоположностью такого членения; поскольку тут подразделяются не люди на сословия, а подразделяется социальный организм. Как раз, мы, люди, не должны подразделяться! Один и тот же человек может быть совершенно одинаково успешно быть занятым в духовном члене, или в правовом члене, или даже в хозяйственном члене. Человек, благодаря этому, как раз, эмансипируется от какой-либо односторонности в каком-либо члене социального организма. Таким образом речь идёт не о том, чтобы разделить людей на такие самостоятельные классы, когда разовьётся здоровый социальный организм, а чтобы социальный организм сам был организован согласно своим законам. В этом главная разница. Раньше подразделяли людей. Теперь же, согласно образу мышления нашего времени, должен быть подразделён сам социальный организм, чтобы человек мог смотреть на то, внутри чего он живёт, чтобы иметь возможность быть занятым в том или ином члене в зависимости от своих потребностей, условий и способностей. Например, будет вполне возможным, что в будущем человек, занятый в сельском хозяйстве, в то же время будет депутатом в области чисто политического государства. Но тогда, разумеется, ему придётся отстаивать свои хозяйственные интересы иначе, чем он может отстаивать то, что возможно только в области правового государства. Эти три члена сами позаботятся о разграничении своих территорий. Ничего не будет сваливаться в одну кучу, так чтобы одно вмешивалось бы в дела другого.

Всё будет достигаться гораздо лучше, когда эти вещи будут разделены. Ведь, человеческие способности, которые являются решающими в том или ином члене, конечно, одни и те же. Но, как в природной организации человека, - и, хотя я не хочу играть в аналогии, я хотел бы об этом упомянуть, - есть три централизованные части: нервно-чувственная система, легочно-дыхательная система и система обмена веществ, точно так же из трёх членов состоит и здоровый социальный организм. Это то, что ещё не является частью обычных мыслительных привычек, но что, я верю, найдёт свое место в мыслительных привычках людей, и к чему, как я думаю, следует относиться не менее тщательно, чем к собственному любимому мнению.

Доктор Роман Боос: Позвольте мне ещё задать вопрос докладчику относительно того, что было сказано об области уголовного права? Когда речь шла о свободе судей, имелось ли при этом в виду также нарушение того принципа, что никакой приговор не должен выноситься без закона, - мне кажется, имелось в виду то, что уголовный закон как таковой всё же не может даваться из области свободной духовной жизни, а должен исходить от политической инстанции, что вопрос, вероятно, содержит недоразумение со стороны Доктора Вайса, который имел в виду, что будет нарушение того принципа, что никто не может быть

приговорен к наказанию, если он не нарушил конкретный закон. - Могу я попросить Вас высказаться ещё и об этом?

Доктор Штайнер: Не правда ли, в этом вопросе соприкасаются система публичного права и система практического правосудия (Gerichtsbarkeit). То, что я подчёркивал, - это разделение практического вынесения приговора (Richten). Вот почему я употребил выражение «Richten» («суждение»), имея в виду именно практическое суждение об общей публичной правовой жизни, которое, в случае здорового общественного организма, я должен мыслить централизованным в политическом государстве так, что здоровый социальный организм в своей публично-правовой жизни должен обеспечить то, что соответственно должно протекать по определенному им закону. То, что суждения нельзя выносить произвольным образом, - это разумеется само собой. Но я думал не об абстрактных вещах, которые в своей абстрактности более или менее самоочевидны. И сегодня я также не говорил о, скажем, области действия права, а я говорил о социальном организме и о социальной воле. И тут, я попрошу Вас, в смысле этой темы, обдумать следующее.

Видите ли, я провел в Австрии почти столько же времени моей жизни, что и в Германии. Я смог досконально узнать австрийскую жизнь; поверьте мне, это не какое-то внезапное утверждение, когда я говорю, что многое из того, что произошло в австрийском, так называемом, государстве в последнее время, связано с событиями, которые как глубокое недоразумение имели место в семидесятых, восьмидесятых годах прошлого столетия. Не забывайте, что в таком государстве, как Австрия - в других областях этого нельзя было бы характеризовать столь радикальным образом, но там это в той или иной форме тоже присутствует - тем более, что в Австрии перемешаны разные языковые области, могло случиться так, что, например, какой-нибудь немец, поскольку он случайно принадлежит к какому-то судебному округу, в котором служит чешский судья, не говорящий по-немецки, что этот немец получает приговор на языке, которого он не понимает. Он не понимает приговора, не знает что с ним происходит; он только замечает, что его дурят. Точно так же и в противоположном случае, когда чеху, который не знает немецкого, выносит приговор немецкий судья, не знающий чешского. Я имею здесь в виду индивидуальную организацию, свободную организацию отношений осуждаемого с судьёй.

Таким образом, такая страна, как Австрия, могла ожидать от этого больших успехов. Но этот импульс сделал бы необходимым, чтобы человек, осужденный или судимый, был в продолжении пяти или десяти лет - обстоятельства постоянно меняются - свободен в выборе своего судьи.

(пропуск в стенограмме)

Просто это предмет вовсе не духовной жизни, а с самого начала предмет жизни в правовом государстве; а то, чтобы судили по закону который действует на момент совершения деяния, - это уже компетенция второго, государственного закона; разумеется, в каждом случае будут свои последствия.

Но вопрос состоит в другом; если вы рассмотрите эти вещи детальнее, вы увидите, что все решения этих случаев оказываются очень, очень последовательными. Но сегодня я мог рассказать вам только о самых первых предпосылках; иначе мне пришлось бы говорить не только всю ночь, но и весь завтрашний день.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

8 марта 1919 года

Какой смысл имеет работа современных пролетариев?

Когда было сообщено об этой лекции, многие, наверное, задали вопрос: С какой стороны будет освещено то, о чём здесь должна идти речь? - И, наведя те или иные справки, они, возможно, пришли к мнению, что тут снова будут рассказывать о том понимании, которое так сильно пытаются внушить те, кто в продолжении долгого времени вызывали сегодняшнее капиталистическое море социальной неразберихи, отмечая при этом, что уровень воды уже достигает рта и они больше не в состоянии плавать в этом море. Они ищут ту или иную спасательную шлюпку; но, исходя из тех предпосылок, которые они обычно делают, никаких спасательных шлюпок они не найдут. Так вот, о таком понимании сегодня вечером я говорить не хочу. Мне кажется, что в том времени, в котором мы живём, необходимы совершенно другие вещи. Потому взглянем на то, что, собственно, произошло и что изживает себя в нынешней ситуации, которая так пугает многих, ищущих такого понимания.

Ведь, то, что теперь называется «социальным вопросом», возникло далеко не вчера. В том виде, как о нём говорят сегодня, ему более полувека. Но то, что, собственно, привело к этому социальному вопросу, гораздо, гораздо старше; это то, что вызвало всё развитие Нового времени, последних столетий. И если мы посмотрим на то, к чему привело это развитие последних столетий, то мы можем кратко обобщить это в следующих словах.

Тогда имелось некоторое количество людей, тех людей, которых, возможно, лучше всего описать, сказав, что они жили за счёт капиталистического хозяйственного порядка и чувствовали себя в этом капиталистическом экономическом порядке комфортно. Как раз, от этих людей мы часто слышим о том, как далеко мы продвинулись в цивилизации. Можно слышать, к чему привело то, что человечество оказалось в состоянии понимать друг друга не только через огромные расстояния отдельных стран и отдельных континентов, но и через мировые океаны; как далеко мы продвинулись, благодаря распространению образования, благодаря тому, что люди смогли принять участие в том, что называлось духовной жизнью и что, по их мнению, достигло в наше время совершенно особого уровня.

Ну, мне не нужно перечислять вам все те похвалы, которые в этом направлении были сказаны в адрес нашей современной цивилизации. Но эта современная цивилизация распространилась, исходя из определённого основания. Без этого основания она была бы невысказана; она жила за счёт этого основания. А что было в этом основании? В этом основании всегда было и становится всё больше и больше таких людей, которые должны были из глубины своего душевного ощущения вопрошать: Даёт ли нам то, что принесла эта современная жизнь, какое-то достойное человека бытие? На что обрекла нас эта современная цивилизация? - И таким образом это современное человечество всё больше и больше разделалось на два члена: одни, - которые в определённом смысле чувствовали себя очень хорошо, по крайней мере, чувствовали себя удовлетворёнными, но они могли чувствовать себя удовлетворёнными только по той причине, что за ними стояли другие, те, кто должен был отдавать свою рабочую силу во благо общественного порядка, от которого они, по сути, ничего не получали.

Вместе со всем этим развитием, однако, развилось и нечто совершенно другое. Развилось то, что, как раз, носители так называемой цивилизации не могли более сохранять старые патриархальные условия с многочисленными неграмотными. Развилось то, что несомы

капитализмом люди, - по крайней мере часть пролетариата, которая ему служила, - должны были получить какое-то образование. И из этого образования пролетариата развилось нечто такое, что выражается сейчас в пугающих, но для того, кто понимает историю, совершенно необходимых фактах: прежде всего, развилось то, что очень большое количество людей, которые должны были составлять основу этой современной цивилизации, получили теперь возможность думать о своем положении, что им больше не надо было действовать инстинктивно, что они могли самым напряженным образом задавать себе вопрос: Имеем ли мы достойное человека бытие? Как мы можем прийти к достойному человека бытию?

Те, кто до сих пор был правящим классом людей, с приходом современной хозяйственной жизни связали эту хозяйственную жизнь, насколько они могли, с современным государством. Под влиянием нового времени современный пролетариат, по крайней мере до известной степени, не мог быть исключён из этого современного государства. И потому случилось так, что пролетариат, с одной стороны, стремился изменить своё положение в пределах хозяйственной жизни, стремился к достойному человека существованию, а, с другой стороны, пытался бороться за свои права с помощью современного государства.

Нельзя сказать, - об этом говорят факты современности, - что на обоих путях достигнуто ещё мало. На пути профсоюзной жизни современное рабочее общество пыталось добиться некоторых вещей в рамках хозяйственного оборота: это было осколками того, чем, собственно, должно было быть содержание достойного человека бытия в рамках здоровой хозяйственной системы. Это достигалось на пути государственной жизни. Только экономическая и политическая мощь до сих пор правящего класса человечества стояла на пути дальнейшего развития. Поэтому, можно сказать, что, несмотря на то, что на этих двух путях кое-что было достигнуто, сегодня перед современным пролетариатом в не меньшей степени стоит вопрос: Какой, собственно, смысл имеет моя работа в отношении того, что каждый человек в мире должен требовать как своё человеческое достоинство?

В ответ на то, что пролетариат в разных формах выкрикивал этому правящему кругу в течение многих десятилетий: Так дальше продолжаться не может! - едва ли были слышны какие-то слова понимания. И те слова, которые стали слышны, стояли, собственно, в странном отношении к тому, к чему необходимо было стремиться, исходя из духа времени. Разве мы не слышали, как со всех возможных сторон — с христианско-социальной стороны, со стороны буржуазно-социалистических устремлений - говорилось то или иное, что могло бы помочь избежать опасностей, которые, как считалось, надвигались? Было ли это нечто большее, чем елейная фраза, выросшая из различных традиционных религиозных, моральных и так далее предрассудков этого правящего, до сих пор господствовавшего класса?

Они этого не ощущали, эти правящие круги; но другая сторона человечества это ощущала. Это ощущали те, кто нашёл своё направление из чего-то совершенно другого, нежели из пустых фраз, тот, кто нашёл своё направление, исходя из сознания класса, который был помещен в особое социальное положение, который стал основой этой современной цивилизации. И таким образом, несмотря на то, что, с другой стороны, многое было достигнуто посредством профсоюзов, товариществ, а также политической жизни, образовывалось ещё и нечто другое, более важное, что является работой современного пролетариата, полной ростков будущего, из которой также в значительной степени выходят факты современности: Образовывалось то, что, в то время как правящий до сих пор класс следовал своему роскошному образованию (*Luxusbildung*), которое мог питать и укреплять только капитализм, пролетариат в оставшееся ему время на своих собраниях исходил из современного образования в истинном смысле этого слова, исходил из духовной жизни. Это было тем, чего не хотели видеть прежние правящие классы, а именно, того, что тысячи тысяч пролетарских душ развивали совершенно новое образование, совершенно новое воззрение на человека.

Это было в природе вещей, что это пролетарское образование вначале исходило из рассмотрения хозяйственной жизни. Поскольку современная жизнь приковала пролетария к машине. Она теснила его на фабрику, она впрягала его в капитализм. Оттуда он получал свои понятия. Но эти понятия, - я только хочу обратить внимание на то, как интенсивно всё то, что было связано с марксизмом, оказывало воздействие на души пролетариев, - это образование было такого рода, что нашло мало, воистину очень мало отклика у руководящих, до сих пор правящих классов человечества.

Разве не характерно, что тот, кто знает эти вещи, должен сегодня сказать: Среди передовых пролетарских деятелей, среди тех, кто действительно понимает пролетариат, а не просто думает о пролетариате, среди тех деятелей, которые поняли, какое образование в области хозяйственной жизни может быть действительно плодотворным, - среди них живёт сегодня более основательное, по крайней мере, более жизненно основательное знание того, что происходит в социальном организме, чем даже среди самых образованных, даже среди профессоров, университетских профессоров, думающих о социологии. Поскольку характерно, что эти круги, профессией которых было, так сказать, заниматься социологией, национальной экономикой, щетинились, насколько это было возможно, перед всем тем, что исходило из понимания современного пролетариата. И лишь под давлением фактов, когда эти факты не позволяли уже ничего иного, некоторые из этих бюргерски-правлящих снизошли до включения различных марксистских или им подобных понятий в свою национальную экономическую систему.

То, что современным пролетариатом, я бы сказал, совершенно скрыто от правящих классов, была проделана эта работа, я утверждаю вовсе не на основании какой-то теории; я утверждаю это, поскольку я видел, как осуществлялась эта работа. В течение многих лет я был учителем в Берлине в рабочей школе, которую основал ещё Вильгельм Либкнехт, старый Либкнехт. И отчасти в этой школе, отчасти из того, что за ней последовало, можно было наблюдать за большей частью того, что делалось для возвещения новой эры, исходя из развитого пролетарского человеческого сознания. Это уже давно должны были обдумать те, кто поверхностным образом сводит это современное пролетарское движение просто к вопросу о заработной плате и хлебе, кому не хватает понимания относиться к нему, как к вопросу о достойном человека бытии всех людей.

По сравнению с этим, действительно не очень важно, когда сегодня указывается на то, какие пугающие, иногда ужасные вещи происходят в мире фактов, возникшем в результате социального хаоса. Тот, кто правильно понимает вещи, то, как они развивались, не спрашивает о связи этих ужасов с современным пролетарским движением, - ему ясно, что к тому, что сегодня происходит, привели до сих пор правящие классы.

Всемирно-исторический момент наступает лишь тогда, когда пролетариат начинает нести ответственность за всемирно-исторические события. Вплоть до страшной и во многих отношениях безумной катастрофы, так называемой, мировой войны, ответственно то, что в ходе Нового времени и особенно в последнее время вышло из капитализма, из капиталистического хозяйственного уклада.

Но что же мы видим теперь в центре всего того, чем является пролетарское движение, чем является пролетарское стремление, чем является пролетарское требование? В центре всего этого мы видим то, что пролетарий должен был ощущать по отношению к тому, что он, по сути, и вызвал, и что может быть дано социальному организму только посредством современного хозяйственного порядка; поскольку правящие до сих пор культурные круги интересовались в пролетарии, по сути, лишь одним, и это одно - рабочая сила пролетариата. Нужно знать, как размышления Карла Маркса и тех, кто следовал его пути, повлияли на современный пролетариат, по той причине, что в этом современном пролетариате имелось ощущение: прежде всего, должна быть достигнута ясность относительно того, каким образом, человеческому труду позволено вливаться в общественный организм.

Уже часто говорилось и стало ясно в самых широких кругах: благодаря современному хозяйственному порядку, рабочая сила стала товаром среди других товаров. Ведь, в том и

состоит особенность хозяйственной жизни, что она состоит в товарном производстве, товарном обращении и товарном потреблении. Но случилось так, что в товар превратилась рабочая сила современного пролетариата.

С этой стороны, в пролетариате, по сути, сказано всё. Только этот вопрос обычно всё же склоняют лишь на одну сторону, так что он не полностью предстаёт в том свете, посредством которого можно обрести понимание положения человеческой рабочей силы в здоровом социальном организме. Тут необходимо поставить вопрос, который, правда, получается из марксистского вопроса, но ещё более точным, интенсивным образом. Необходимо спросить: Может ли человеческая рабочая сила вообще быть настоящим товаром?

Благодаря этому, этот вопрос переводится на совершенно другие рельсы. Фактически спрашивается: Как человеческая работа вообще может быть справедливо оплачиваться? Как человеческая работа вообще может быть справедливой? И при этом можно ещё включить предпосылку: должно быть ещё так, чтобы человеческая рабочая сила принимала эту заработную плату.

Заработная плата, однако, в определенных отношениях есть ни что иное, как деньги на покупку товара «рабочая сила». Но рабочая сила никогда не может быть товаром! И там, где рабочая сила в хозяйственном процессе превращается в товар, этот хозяйственный процесс является ложью. Поскольку в действительность вбрасывается что-то, что никогда не может быть настоящей составляющей частью этой действительности. Человеческая рабочая сила не может быть товаром, потому что она не может иметь тот характер, который с необходимостью должен иметь каждый товар. В хозяйственном процессе каждый товар должен иметь возможность сравниваться по стоимости с другим товаром. Сравнимость является основным условием того, чтобы быть товаром. Но человеческую рабочую силу никогда нельзя сравнить по стоимости с каким-либо товарным продуктом.

Собственно, было бы ужасно легко, если бы сегодня не разучились просто думать. Только подумайте, например, если десять человек работают вместе в семье, каждый выполняет свою часть работы, то как можно сравнить работу каждого из этих десяти с тем, что эти десять производят. Нет совершенно никакой возможности сравнить рабочую силу с произведённым товаром. Рабочая сила стоит на совершенно другой почве социального суждения, нежели товар. Это то, что, возможно, не высказано отчётливо в Новейшее время, но что живёт в ощущениях современного пролетариата.

Что живёт в требованиях современного пролетариата? То, что живёт в ощущениях современного пролетариата, это фактическая критика, это всемирно-историческая критика, которая содержится просто в жизни современного пролетариата, и которая отбрасывается на всё, что поддерживается до сих пор правящими кругами как социальный порядок. Этот современный пролетариат есть ни что иное, как сама всемирно-историческая критика. Именно познанию того, что рабочая сила никогда не может быть товаром, обязано своим существованием то ощущение, базовое ощущение, что в Новое время люди живут в огромной, всеобъемлющей лжи; поскольку покупается рабочая сила, которая не может покупаться по самой своей природе.

То, что это должно быть исправлено, как это должно быть сегодня само собой разумеющимся для каждого понимающего человека, современный пролетарий убежден. Но он был загнан в то, что сделал из социального организма не он, а сделали из него правящие до сих пор классы. Он стал отделённым от всего прочего и впряжён только в хозяйственный процесс. Не объяснимо ли тогда, что он теперь хочет добиться оздоровления всего социального организма посредством простого оздоровления этого хозяйственного процесса, самого кругооборота хозяйственной жизни? Отсюда возникли идеалы в том виде, в каком они как идеалы современного пролетариата жили до сих пор.

Было сказано: Поскольку капитализм как частный капитализм, посредством частного использования средств производства, превратил современное производство в товарное производство, современный пролетариат оказался в положении, которое в полной мере может ощутить только он сам. Это можно исправить, только вернувшись к древней идее

товарищества, того товарищества, которое до известной степени исходит из производства одного для другого и работает в направлении самопроизводства, в котором один больше не может обмануть другого по той причине, что тогда он был бы обманут сам. И далее было сказано: Как основать такое товарищество, такое большое товарищество? Нужно укрыться в тех рамках, которые образовались в ходе Нового времени: в современном государстве. Современное государство само должно стать тем огромным товариществом, посредством которого производство товаров, как бы, переводится в производство для собственных нужд (Selbstbedarf).

Это, как раз, тот пункт, когда можно сказать: С одной стороны, мы находим здоровое именно в духовной жизни современного пролетариата, и, в то же время, находим то, где эта духовная жизнь современного пролетариата является способной к развитию, где она с той ступени, которую проходит сейчас, способна перейти к следующей ступени.

Тому, кто придерживается иного мнения в этой области, не следует возмущаться, если, исходя из своих искренних и честных ощущений, он не считает нынешнее пролетарское мировоззрение, так сказать, совершенным, а вынужден, как раз, указать на то, что это пролетарское мировоззрение содержит в себе зародыши прогресса, но что к этому прогрессу надо также действительно стремиться. И к нему можно стремиться.

Это признает любой, кто видит то, что я подчёркивал как некую особенность уже - с тех пор прошло уже около восемнадцати лет - в берлинском Доме профсоюзов, и затем подчёркивал как особенность, как раз, современного рабочего движения, и что я считаю абсолютно верным и сегодня. Я говорил тогда: Для того, кто обозревал историческую жизнь человечества и с пониманием, с внутренним пониманием видел, как из этой исторической жизни человечества вышло современное пролетарское движение, для того очевидно, что это современное пролетарское движение, в отличии от всех других когда-либо существовавших человеческих движений, стоит, по сути, - хотя это может показаться гротескным, даже парадоксальным, - на чисто научно ориентированной почве.

Глубоко, глубоко верно то, что тогда как основной тон заложил в этом направлении, как основное требование современного рабочего движения в своей знаменитой речи о «Науке и рабочих» почти забытый Лассаль³². Только надо рассматривать эту вещь с другой точки зрения, нежели обычно смотрят сегодня: надо рассматривать её с точки зрения жизни. Тогда можно сказать: В связи с тем, что стало доступным современному пролетариату, посредством того, что должны были дать ему правящие классы, не желая оставлять его неграмотным, благодаря этому, современный пролетарий получил возможность перенять, как бы, унаследовать то, что сформировалось в последнее время, перенять, благодаря усилиям правящих кругов то, что сложилось как научное мировоззрение.

Здесь важно то, что современный пролетарий должен был реагировать на это научное мировоззрение совершенно иным образом, нежели все другие классы, в том числе даже те, что непосредственно сформировали это мировоззрение. Можно быть очень просвещённым в руководящих и до сих пор правящих кругах человеком, можно быть человеком, глубочайшее убеждение которого проистекает из результатов современной науки, можно быть, скажем, таким естествоиспытателем, как Фогт³³, таким научно-популярным учёным, как Бюхнер³⁴, и

³² Фердинанд Лассаль, нем. Ferdinand Lassalle (1825-1864), основатель социал-демократического движения в Германии. В своем защитительном слове перед Берлинским уголовным судом (против обвинения в публичном подстрекательстве неимущих классов к ненависти и уничтожению собственников) на тему «Наука и рабочие» он среди прочего сказал: «Это как раз и есть величие судьбы этого времени, осуществить то, что темные века и не считали возможным, нести науку в народ!» Из: «Речи и сочинения Фердинанда Лассаля», Берлин, 1893 года, стр. 83.

³³ Карл Фогт, нем. Carl Vogt, 1817–1895, натуралист и убежденный демократ, член Франкфуртского национального собрания. Описан Карлом Марксом в его брошюре «Herr Vogt» (1860 года) как платный секретный агент Луи Бонапарта. Среди прочего он написал «Физиологические письма для образованных людей всех классов», Штуттгарт/Тюбинген, 1857 года.

всё же стоять по отношению к научно ориентированному мировоззрению иначе, чем современный пролетарий.

Тот из правящих кругов, кто, исходя и своих предубеждений, а именно, из предчувствий и предощущений, теоретически исповедует современное образование о человеке и природе, тот всё же остаётся внутри общественного порядка, который строго отделён от современного пролетариата, структура которого, вся организация которого, проистекает не из того, что говорит современная наука, а проистекает из того, что до этой современной науки наполняло души людей религиозными, правовыми и другими представлениями о человеческом достоинстве. Я имел возможность почувствовать это, я бы сказал, в непосредственном переживании.

Это было в тот момент, когда я вместе с недавно трагически погибшей Розой Люксембург, стоял перед рабочим собранием в Шпандау (Spandau), перед которым мы оба говорили о современном рабочем и современной науке. Тогда надо было видеть, как то, что эта современная наука может влить в современную пролетарскую душу, действует на пролетариат совсем иначе, чем даже на самых убежденных из до сих пор ведущего класса людей, когда Роза Люксембург объясняла этим людям: Нет ничего, что указывало бы на ангельское происхождение человека, ничего, что указывало бы на высокое происхождение, о котором ещё хотело бы говорить буржуазное мировоззрение; там самим этим современным буржуазным мировоззрением утверждается, что человек когда-то был животным, лазающим по деревьям, что он развился из этих условий. Тот, кто это обдумает, - так говорила тогда эта одухотворённая в своей речи предводительница рабочих, - кто продумает это, тот не сможет оставаться в предрассудках сегодняшних правящих кругов, в предрассудках различия рангов, не сможет принимать возможность разделять по ступеням людей, из которых, ведь, все имеют то же самое происхождение, что и люди из сегодняшних правящих кругов. - Это звучало иначе, чем для людей из правящих кругов. И это дополнялось тем, что современный пролетарий с пониманием принимал в качестве экономической науки.

То, что тогда впиталось в души, способно к дальнейшему развитию, и об этом дальнейшем развитии я хотел бы немного поговорить с вами сегодня.

Тот, кто охватит взглядом всё то, что входит в рассмотрение относительно вопроса: Каким же образом рабочая сила современного пролетария приобрела характер товара? - тот постепенно будет вынужден свои наблюдения хозяйственной жизни привести к тому пункту, где он должен будет сказать себе: Именно потому, что современный рабочий был впряжён в чисто хозяйственную жизнь, в рамках этой хозяйственной жизни также стала товаром и рабочая сила современного пролетариата. В этом направлении мы имеем лишь продолжение того, чем в древности был вопрос рабства. Тогда весь человек был товаром. Сегодня от этого всего человека ещё осталась его рабочая сила. Но за этой рабочей силой должен следовать весь человек.

В ощущениях современной пролетарской души содержится то, что в будущем этого быть не должно, что это последний остаток старого варварского века, который надо преодолеть. Но преодолеть это нельзя никак иначе, как при помощи той же ясной духовной силы, с которой современный пролетариат постиг экономическую и человеческую природу, чтобы и наука постигла этот здоровый социальный организм. И об этой науке позвольте мне сказать несколько слов.

Тут, прежде всего, отчётливо выступает следующее: Надо спросить себя: что в круговороте современной хозяйственной жизни превращает рабочую силу современного пролетариата в товар? Это осуществляет экономическое насилие капиталистического.

В этих словах о насилии капиталистического уже содержится указание на здоровый ответ. Поскольку: что диаметрально противоположно насилию? Диаметрально противоположным насилию является право. Но это указывает на то, что оздоровление в

³⁴ Людвиг Бюхнер, нем. Ludwig Büchner, 1824-1899, врач и философ, брат Георга Бюхнера. Он считается представителем неограниченного материализма и дарвинизма. Сочинения: «Сила и вещество» («Kraft und Stoff»), 1855; «Дарвинизм и социализм», 1894 года.

смысле использования рабочей силы в социальном организме может наступить только тогда, когда рабочая сила будет изъята, - если вопрос рабочей силы вообще может быть изъят, - из хозяйственного процесса и станет чисто правовым вопросом.

Но с этим мы приходим к более широкому рассмотрению того, есть ли более глубокое различие между экономическим вопросом и правовым вопросом. Это различие есть; только его сегодня ещё не склонны достаточно глубоко принимать всерьёз. Не склонны достаточно глубоко принимать всерьёз то, чем, с одной стороны, должны быть действенные силы во всей хозяйственной жизни, и, с другой стороны, чем должны быть действенные силы в собственно правовой жизни.

Что действует в хозяйственном процессе? В хозяйственном процессе действует человеческая потребность, действует возможность удовлетворить эту человеческую потребность посредством производства. И то, и другое, обусловлено природной базой; человеческая потребность обусловлена природной базой человека, а производство обусловлено климатической, географической и прочими природными базами. Эта хозяйственная жизнь, под влиянием современного разделения труда, привела к тому, чем является и должен являться современный обмен товаров, тот обмен товаров, в котором определяется относительная стоимость товаров, и, согласно относительной стоимости, - я не имею сейчас возможности описывать это подробно, поскольку это заняло бы слишком много времени, - эти товары появляются на рынке и там включаются в кругооборот хозяйственного процесса.

В рамках этого кругооборота хозяйственной жизни как в некоем замкнутом кругообороте не может в то же время развиваться ещё и правовая жизнь. Человеческая природа допускает развитие правовой жизни в социальном организме в рамках самой хозяйственной жизни так же мало, как мало она допускает существование только одной централизованной в себе системы в природном человеческом организме. Я действительно не хочу сегодня играть с какими-либо сравнениями из естественных наук; но я считаю, что именно здесь лежит пункт, где естествознание должно выйти за пределы того, чего оно достигло сегодня. В своей последней книге «О загадках души» («Von Seelenrätseln») я указал на то, что тут важно, что естествознание сегодня не познало должным образом: что в здоровом человеческом организме есть три системы, чувственно-нервная система, существующая как носитель душевной жизни, дыхательно-сердечная система - как носитель ритмической жизни, система обмена веществ - как носитель обмена веществ, и что они составляют целый человеческий организм. Но каждая система централизована сама в себе; каждая имеет свой собственный выход к внешнему миру. В этом человеческом организме порядок и гармония достигается тем, что эти три системы действуют не хаотически смешанным образом, а разворачивают свою деятельность рядом друг с другом, и, как раз, благодаря этому, могут правильным образом позволять силам одной системы переходить в другие.

Таким образом, в здоровом социальном организме должна быть осуществлена такая трёхчленность. Нужно понять, что когда человек деятелен в хозяйственном организме, он должен в рамках этого хозяйственного процесса заниматься только хозяйством. Затем речь идет о том, что управление, законодательство этого хозяйственного процесса направлено на осуществление взаимной оценки товаров в экономической реальности, инициирование наиболее целесообразным образом товарного обращения, инициирование производства товаров, инициирование потребления товаров. Однако, всё, что не связано с удовлетворением потребностей одного человека другим, а связано с отношением любого человека ко всякому другому человеку, должно быть извлечено из этого чисто хозяйственного процесса. То, в чём все люди должны быть равны, есть нечто радикально отличное от того, что может развиваться только в хозяйственной жизни. Поэтому для оздоровления социального организма необходимо извлечь правовую жизнь, собственно правовую жизнь, из просто хозяйственной жизни. Именно к такому развитию стремится Новое время.

До сих пор правящие классы - что они сделали? В тех областях, в которых им это было удобно, в которых это казалось правильным для их интересов, там они продолжали

осуществлять старое слияние, определённо уже существовавшее во многих областях, между хозяйственной жизнью и политической государственной жизнью. И таким образом, мы видим, что в это Новое время, как раз, под влиянием правящих кругов человечества вводится, так называемое, огосударствление определённых отраслей хозяйства. Посчитали, что огосударствление почты, телеграфа и тому подобного, является требованием современного прогресса и лежит в его русле.

Прямо противоположным образом должен мыслить тот, кто смотрит не на интересы до сих пор правящих кругов, а кто спрашивает: Каковы основы здорового социального организма? - Он должен стремиться к тому, чтобы жизнь собственно политического государства, того государства, которое должно обеспечивать правопорядок, всё больше и больше высвобождалось из чисто хозяйственной жизни; он, прежде всего, должен заниматься тем, чтобы соответствующая правовая жизнь перетекала из этой области в жизнь хозяйственную. Тот, у кого отсутствует зрение, духовное зрение, тот не может выносить правильное суждение о том, насколько в человеческой жизни радикально различны хозяйственная жизнь и жизнь собственно политического государства.

Взглянем на эти вещи так, как они развились сегодня. Некоторые люди, исходя из сегодняшней социальной ситуации, говорят, что в рамках этой социальной ситуации мы имеем как первое: обмен товаров на товары. - Хорошо, это должно быть в хозяйственной жизни. Об этом мы, как раз, говорили. Затем мы имеем как второе, они говорят об этом и считают это оправданным: обмен товаров, или представителя товаров, денег, на рабочую силу. И как третье: обмен товаров на права.

Что такое это третье? О первых двух я уже говорил. Что ж, стоит только взглянуть на то, как в современном хозяйственном порядке обстоит дело с владением на землю, и мы сразу увидим, что должно быть ясно в этой области для будущего. Что бы мы ни думали помимо этого об отношениях в связи с собственностью на землю, - всё остальное, собственно, не имеет значения для реального процесса в социальном организме; значение имеет только то, что собственник земли имеет право единолично пользоваться участком земли и при этом пользовании руководствоваться своими личными интересами.

Происхождение этого не имеет ничего общего с хозяйственным процессом как таковым. С хозяйственным процессом имеет дело только и единственно то, - что-то возражать против этого может только извращённая национальная экономика, - что производится на земле как товар или производится с товарной стоимостью. Пользование землёй основывается на праве.

Однако в рамках современной капиталистического хозяйственного порядка это право снова превращается в насилие, а именно, в результате слияния капитализма с рентой на землю³⁵. Поэтому, с одной стороны, мы имеем насилие, исключаящую такие права; с другой стороны, то хозяйственное насилие, которая может принудить рабочую силу стать товаром.

С обеих сторон реализуется ни что иное, как жизненная ложь, если не стремиться, - а это стремление исходит из действительного социального видения, - осуществить членение социального организма на хозяйственный организм и на организм в узком смысле политического государства.

Хозяйственный организм должен быть основан на ассоциативном основании, исходя из потребностей использования в его отношении к производству. Из различных интересов самых разных профессиональных кругов должны будут возникнуть самые разные товарищества, - их можно было бы также назвать старым словом, братствами человечества, - в которых будут регулироваться потребности и их удовлетворение.

То, что образуется в рамках этого ассоциативного основания хозяйственного организма, всегда будет иметь дело с удовлетворением одного круга людей другим кругом людей. В этой области решающее значение должно иметь умелое использование, во-первых, природного базиса, но затем также умелая организация производства товаров, - циркуляция и потребление. Тут должны превалировать человеческие потребности, человеческие интересы.

³⁵ Доход, полученный от владения землей (прим. пер.)

Этому, как нечто радикально отличающемуся, будет всегда противостоять то, в чём человек существенно равен другому человеку, где люди должны быть равны, как это выражается сегодня в ставшими уже тривиальными словами: Где они должны быть равными перед законом, который они как равные люди сами создали. На ассоциативном основании должен будет стоять кругооборот хозяйственного процесса; на чисто демократическом основании, на принципе равенства всех людей в их отношениях друг к другу должна будет стоять в узком смысле собственно политическая организация. Из этой политической организации будет исходить нечто совершенно иное, нежели экономическое насилие, превращающее рабочую силу в товар. Из политической жизни, отделённой от хозяйственной жизни, выйдет истинное рабочее право, где о рабочей силе можно будет договориться единственно и исключительно как человек с человеком. Можно определить меру, работу и другие вещи, касающиеся рабочей силы.

Как бы кто-то ни думал, что в последнее время всё стало немного лучше, - в том, что представляет собой фундаментальную важность, лучше не стало. Благодаря тому, каким образом рабочая сила пролетариата включена в хозяйственный процесс, цена превращенной в товар рабочей силы, зависит от цен других хозяйственных продуктов, от цен на товары. Это видно любому, кто поглубже заглядывает в хозяйственный процесс. Другое дело, когда, независимо от законов хозяйственной жизни и её управления, трудовое право будет исходить из чисто демократического управления и законодательства политического государства. Что тогда что произойдет?

Тогда произойдёт то, что то, что человек своей рабочей силой вносит в социальный организм, будет находиться в таких же живых, определяющих себя отношениях, в каких сегодня находится природный базис. В рамках определённых границ можно несколько изменить плодотворность почвы и тому подобное, можно несколько изменить установленные границы природного базиса; но этот природный базис всё же в значительной степени определяет хозяйственную жизнь только с одной стороны. Как хозяйственная жизнь определяется извне с одной стороны, так эта хозяйственная жизнь должна определяться извне, с другой стороны, когда она перестаёт ставить рабочую силу в зависимость от себя, и когда определённая рабочая сила может быть предоставлена хозяйственной жизни из чисто человеческих оснований. Тогда рабочая сила будет определять цену товара, а не товар - цену рабочей силы!

Тогда, в худшем случае, может случиться то, что если по какой-либо причине рабочая сила не сможет быть использована в достаточной мере, то хозяйственная жизнь обеднеет. Но это должно быть исправлено посредством поиска средств на правовой почве, а не почве просто хозяйственной жизни.

В основе хозяйственной жизни лежит только то, что спрашивает о спросе и предложении. При трудовом праве, которое ставится на основу независимого политического государства, все прочие права с необходимостью будут ставиться на те же самые основы. Короче говоря, - я могу только намекнуть на это ввиду краткости времени, - идеал здорового социального организма в будущем необходимо будет видеть именно в разделении обеих областей: правовой жизни и хозяйственной жизни.

И, в-третьих, к этой самостоятельной хозяйственной жизни, к этой самостоятельной правовой жизни должно быть добавлено в качестве самостоятельного члена то, что можно назвать духовной жизнью человечества.

В этом, когда говорят об этом настоящем продолжении пролетарского мировоззрения, чаще всего наталкиваешься на сопротивление. Поскольку в человеческих мыслительных привычках в этой области больше, чем где-либо ещё, укрепилось мнение, что благо человечеству может принести только поглощение всей духовной жизни государством; и люди ещё не понимают, что эта зависимость духовной жизни от государства, которая возникла, как раз, в Новое время, возникла из того, что можно назвать заинтересованностью до сих пор правящих кругов в государстве, которое так хорошо удовлетворяет эти правящие круги. Эти правящие круги нашли в государстве то, что удовлетворяет их интересы; они всё больше и

больше позволяли государству всасывать в себя то, что называется духовной жизнью. Как политическому государству принудительными налоговыми законами необходимо создать то, что может дать основу для равенства всех людей перед законом, и как государству необходимо удовлетворять свои потребности посредством принудительных налогов, так, с другой стороны, духовной жизни необходимо действительно эмансипироваться от двух других областей социального организма.

То, к чему стремились в этой области: это слияние духовной жизни с политической и хозяйственной жизнью, это то, что оказалось болезнью Нового времени. Поскольку то, что должно жить в духе, может развиваться только в том случае, если оно может развиваться в свете истинной свободы. Всё, что не может развиваться в свете истинной свободы, атрофирует и парализует действительную духовную жизнь, а также сбивает её с пути, что, к сожалению, можно легко заметить в новейшем социальном порядке. Но что необходимо в этой области, так это понять, какая внутренняя связь существует между, в узком смысле, духовной жизнью и религиозной жизнью, научной жизнью, жизнью искусства, жизнью в известной нравственности, какая связь существует между этой жизнью и всем, что вообще вытекает из индивидуальных способностей и навыков человека.

Поэтому теперь, когда мы говорим об этих вещах всерьёз, говорим серьёзно в смысле здорового социального организма, мы должны говорить так, что под духовной жизнью понимается всё то, что вообще имеет какое-либо отношение к раскрытию, развитию индивидуальных способностей, всё то, что с этим связано, от школьной системы до университетской системы, вплоть до художественной и нравственной жизни, да, вплоть до тех духовных отраслей, которые составляют основу практической жизни, в том числе также и хозяйственной. Во всех этих областях нужно требовать эмансипации духовной жизни. Так, чтобы эту духовную жизнь можно было предоставить свободной инициативе того, кто обладает индивидуальными способностями, и чтобы эта свободная духовная жизнь могла соответствующим образом существовать в здоровом социальном организме только тогда, когда её действительность опирается на свободное признание, на свободное понимание тех, кто нуждается в её получении. Это значит, что в будущем духовная жизнь больше не должна управляться, исходя из суммы денег в кармане или в сейфе, или бюрократией государства.

Эта духовная жизнь приобрела определенный характер по отношению к личностям, которые в ней стоят, по отношению к личностям, которые ею управляют, не только потому, что она управлялась государством, а эта духовная жизнь, какой мы имеем её сегодня, какой она справедливо считается пролетариатом идеологией, эта духовная жизнь стала отражением интересов и потребностей правящих кругов для современного государства и посредством современного государства, которое они сами создали для своего удобства, согласно своим потребностям. Верно ли, в конце концов, то, что вся духовная жизнь есть, так сказать, только отражение, только надстройка хозяйственной или государственной жизни? Современная духовная жизнь правящих кругов - это лишь такая надстройка. Конечно, химия, математика, согласно своему содержанию, не так-то легко могут принять характер, удовлетворяющий интересы правящих кругов. Но уже само окружение, в котором ими занимаются, сам свет, который падает на них из других отраслей духовной жизни, - они определяются интересами правящих кругов, тем, что интересы правящих кругов срослись с интересами современной государственной жизни, а вместе с этим и с интересами современной духовной жизни в государстве.

Да, эта современная духовная жизнь, как раз, в самых важных областях, там, где она должна захватывать человеческие души, когда она должна определять своё место в социальном порядке, стала мячом в игре хозяйственной жизни и политической жизни. Это можно видеть по тому, как вплоть до этой страшной военной катастрофы те носители духовной жизни, которые в обход через капитализм были связаны с современной государственной жизнью, как раз, в важнейших областях духовной жизни приносили то, что можно было поставить на службу современному государству.

Можно было бы найти тысячи тысяч доказательств этому. Достаточно подумать о следующем: Возьмите немецких профессоров истории, носителей исторической науки. Попробуйте составить себе картину всего того, что они произвели в связи с историей Гогенцоллернов, и теперь спросите себя, будет ли эта история Гогенцоллернов после этих всемирно-исторических событий выглядеть так же, как прежде? Из этого можно понять, что духовная жизнь, благодаря этим событиям, стала простой игрой в том, от чего она не была свободна.

Духовная жизнь должна стать свободной от обеих этих других областей. Но тогда эта духовная жизнь сможет принять в своё собственное законодательство и управление то, - как ни странно это не прозвучит и каким бы неожиданным это для некоторых ни было, это надо всё же сказать, - что сегодня может исходить только и единственно из капиталистических предрассудков: тогда эта духовная жизнь действительно сможет стать тем, что преодолеет чисто экономические пролетарские интересы. Поскольку духовная жизнь - это нечто целостное. Духовная жизнь спускается от своих высших ветвей вниз, вплоть до разветвлений, которые возникают, благодаря тому, что кто-то, исходя из своих индивидуальных способностей, должен возглавить правление какого-то предприятия. То, как он управляет им сегодня, - он управляет им, исходя из хозяйственной жизни под влиянием принуждения, экономического принуждения. Духовная жизнь в здоровом социальном организме имеет своё собственное законодательство и управление в отношении высших ветвей этой духовной жизни, но также и в отношении всего того, что духовно воздействует на хозяйственный процесс, когда духовная жизнь сама по себе самостоятельна.

Тогда в этом хозяйственном процессе правильным образом проявится влияние эмансипированной, самостоятельной духовной жизни. Тогда то, что осуществляется посредством капитала, больше не сможет осуществляться в смысле современного капитализма. Тогда это сможет осуществляться только в согласии с импульсами, которые даёт сама духовная жизнь.

Теперь необходимо получить правильное представление об этих импульсах. Как, например, будет выглядеть какое-нибудь предприятие под влиянием этих импульсов?

Тот, кто знает основы духовной жизни, - я знаю их очень хорошо, - тот не будет со мной спорить, если я дам следующее описание предприятия, которое получает импульсы для своей деятельности не из хозяйственного принуждения, а из требований духовной жизни: Там, благодаря свободному пониманию тех, кто с ним работает, предприниматель сможет с определённым фондом капитала предпринять что-то не для собственной выгоды, а действовать, исходя из социального понимания, которое он приобретёт в правильной духовной жизни. Тогда в таком предприятии на соответствующую позицию будет поставлен тот, кто будет свободно понимать своих сотрудников, вплоть до последнего рабочего, тогда, поскольку между руководителем предприятия и теми, кто там работает, возникнут отношения свободного понимания, с необходимостью образуется то, что, помимо рабочего времени, на таком предприятии и в товариществе таких предприятий будет введена возможность свободного высказывания о той роли, которую этот хозяйственный процесс играет внутри всего социального организма. Тогда, под влиянием такой духовной жизни, тот, кто будет занимать место, которое сегодня занимает капиталистический предприниматель, должен будет открыться относительно всего того, что включает его товары в рамки всего общественного процесса человечества. Тогда каждый отдельный человек увидит, по какому пути идёт продукт, в который он вложил свой труд, продукт рабочего-ремесленника и того, кто должен направлять этот ремесленный труд, благодаря своим особым индивидуальным способностям. Только тогда сможет произойти то, что даст рабочему возможность заключить настоящий трудовой договор. Поскольку настоящий трудовой договор не может быть заключён, если он заключается на основе той предпосылки, что рабочая сила является товаром. Настоящий трудовой договор никак не должен строиться на таких основаниях; действительный трудовой договор может быть построен исключительно на том основании, что работа, необходимая для производства продукта, выполняется на основании закона, что в

отношении хозяйственного аспекта, однако, имеется соответствующее сотрудничество между работниками физического и духовного труда, что в отношении хозяйственного аспекта должен иметь место тот процесс разделения работников физического и духовного труда, который может произойти, только исходя из необходимости свободного видения также и работника физического труда, поскольку этот работник физического труда, благодаря духовному сотрудничеству с руководством, будет тогда знать, посредством руководства, в какой степени его работа для его собственной выгоды вливается в социальный организм.

Только при таком сотрудничестве исключается возможность того, что предприятия, которые должны строиться на основе капитала, будут основываться на выгоде, на эгоистической выгоде. Только при такого рода оздоровлении социального организма, - только тогда нынешняя заинтересованность в прибыли может быть заменена чисто объективной заинтересованностью. И в более широком охвате, чем в прежние времена, вновь проявится связь между человеком и его работой.

Взглянем на эту связь человека с его работой сегодня. Тут мы имеем, с одной стороны, предпринимателя, который, хотя и делает то, что считает работой, но при этом как можно быстрее устраняется от этой работы. Он даже выражает это, когда устраняется от своей работы, тем, что называет её «профессиональной болтовней» («Fachsimpelerei»). Он устраняется, и пытается достичь того, к чему он стремится как человек, с помощью всевозможных других вещей. Как раз, такое отношение человека к своей работе показывает, как мало человек срастается со своей работой.

Но это нездоровое отношение. Это нездоровое отношение, которое должно было привести к тому, что - когда современный пролетариат оказался оторванным от почвы старого ремесленного производства, где человек срастался со своим делом, черпал из труда свою честь и свое человеческое достоинство, стал поставленным к машине, запряжён в фабричную работу, - в нём создавалось то нездоровое, что он не мог чувствовать никакой связи со своей работой.

Но тот, кто знает истинную основу духовной жизни, знает, что такое нездоровое отношение между человеком и его работой может возникнуть только при нездоровых условиях. В здоровой духовной жизни, которая свободна от политической жизни и свободна от хозяйственной жизни, и которая только воздействует на них, в такой духовной жизни нет ничего, что не являлось бы непосредственно интересным и, при правильном функционировании, привязывало бы человека к его работе, потому что он бы знал: то, что он работает, становится членом в кругообороте социального организма. Это не нечто такое, о чём можно вынести только такое суждение, что это не может быть ничем иным, как то, что человек должен делать также и то, что неинтересно. Нет, это надо оценивать так, что найдено именно то основание духовной жизни, которая единственно и только может создать связь человека с его работой и вызвать интерес к этой работе. Тогда обнаружится, что, только когда эмансипированная духовная жизнь, исходя из духовных импульсов, обеспечит в лице своих управленцев своё влияние вплоть до отдельных ответвлений государственной и хозяйственной жизни, только тогда сможет возникнуть то, что образует основу для действительного объективного интереса ко целому, а не к просто для торговых, хозяйственных отношений в смысле выгоды. Правда, необходимо создать основание для самой такой духовной жизни. Это основание может быть создано только тогда, когда под управление самой духовной жизни будет поставлено всё школьное образование, когда учитель самой начальной ступени не должен больше спрашивать: Чего требует от меня политическое государство? - а когда он должен смотреть на тех, кому он доверяет, когда он смотрит на ту область социального организма, которая управляется духовной жизнью по своим собственным принципам.

Так во многих отношениях действует то, что, как мне кажется, даётся естественным образом. Именно истинное продолжение пролетарского мировоззрения противодействует привычкам мышления. Поскольку, если наследием буржуазной науки является сплавление духовной жизни, государства и хозяйственной жизни, то задача оздоровления социального

организма состоит в том, чтобы сделать эти три области самостоятельными. Только благодаря тому, что каждая из этих областей - если мне будет позволено употребить такие обиходные выражения - будет иметь свой собственный парламент и своё собственное правление, которые соотносятся между собой так, как правительства суверенных государств, договаривающихся только через свои делегации и только об общих потребностях, - только тогда социальный организм может быть здоров. И основным вопросом сегодня является вопрос, исходящий из всех фактов: Как можно сделать социальный организм здоровым? Это лежит на поверхности: Он болен, этот социальный организм!

Тем, кто, исходя из своего классового сознания, должен предъявлять обоснованное требование, чтобы этот общественный организм был здоров, необходимо проследить пролетарское мировоззрение до его плодотворных зачатков и соответствующим образом развить эти зачатки дальше.

Я признаю, что поначалу для некоторых это может противоречить тому, что они сегодня рассматривают как правильное, когда говорится: Необходимо следовать в направлении этой социальной трёхчленности, трёхчленности социального организма. - Но как бы это ни противоречило привычкам мышления некоторых людей в настоящее время, реальность не должна ориентироваться на наше удобство, на то, во что верят те, кто до сих пор считал себя практиками жизни. Реальность должна ориентироваться на то, что можно признать правильным, исходя из честного, здорового чувства истины.

То, что я представил, не относится к каким-то заоблачным фантазиям. О, наступили времена, когда многие люди, которые, - поскольку они были в состоянии обозреть только простое и согласно этому простому формировать свои привычки мышления, - считали себя практиками жизни, должны будут признать, что настоящими практиками жизни являются те самые презираемые, столь презираемые идеалисты, которые мыслят, исходя из потребностей развития человечества. То, что я вам дал, это не заоблачные фантазии; это взято, как раз, из того, что является самыми непосредственными, повседневными жизненными потребностями человечества.

Я, конечно, не могу сейчас углубляться во все отдельные области; в заключение я хочу коснуться одной единственной области, области, на примере которой, даже если я смогу коснуться её лишь мимолетно, будет показано, как то, что я, кажущимся образом, вывел из первоидеи социальной жизни, вторгается в самое худшее. Что самое худшее в жизни? Самым худшим является то, что мы должны иметь в нашем кармане то, что мы называем деньгами. Но вы также знаете, что связано с этими деньгами. Вы знаете, как эти деньги вторгаются во всё в жизни. Если рассматривать развитие здорового социального организма, к какому тогда члену относится управление деньгами? До сих пор об этом управлении деньгами, исходя из определенных сил развития, которые очень стары, заботилось государство. Но деньги в здоровом организме являются товаром точно так же, как рабочая сила не является товаром. И всё нездоровое, что со стороны денег вторгается в социальный организм, состоит в том, что деньги сбрасывают свой товарный характер посредством того, что они сегодня основаны больше на штамповке какой-либо маркировки политическим государством, чем на том, на чём они, - поскольку в международном обращении по-другому не выходит, - ещё должны основываться: на их товарной стоимости. Национальные экономисты ведут сегодня странный спор, спор, который сведущему человеку действительно кажется странным. Они спрашивают, являются ли деньги товаром, просто популярным товаром, на который всегда можно обменять другие товары, - тогда как в противном случае, если бы кто-то имел несчастье производить только столы и стулья, ему пришлось бы бродить повсюду со своими столами и стульями и ждать, пока кто-нибудь не обменяет их на овощи, - можно предварительно поменять столы и стулья на деньги, и за деньги получить вещи, которые вам нужны в данный момент. В то время как один говорит: Эти деньги являются товаром, или, по меньшей мере, репрезентантом товаров, для которого должна быть эквивалентная стоимость в товарах, даже если это бумажные деньги, то другой говорит: Деньги вообще являются только тем, что возникает, когда государство, согласно закону, штампуем определённые маркировки. И вот

они исследуют, эти учёные экономисты, они исследуют: что правильно? Являются ли деньги товаром или чем-то, что получается путем простой штамповки? Это просто указание на товар?

Ответ на эти вопросы прост: деньги - это ни то, ни другое, но сегодня это, и то, и другое. Одно это, благодаря тому, что государство штампуем определенные маркировки; другое - потому что в международном обращении, или до известной степени также и в национальном обращении, деньги могут циркулировать в товарном обращении только как товар.

В здоровом социальном организме деньги сбросят с себя любой правовой характер; они будут в ведении того же парламента, того же управления и законодательства, - который посредством собственного естественного процесса осуществляет заём денег, штамповку денег, определяет стоимость денег в рамках хозяйственного кругооборота, - который управляет и прочим хозяйственным организмом.

Только тогда то, к чему стремится современный пролетариат, будет иметь здоровое основание. То странное отношение, которое имеет место между зарплатой и природой товара, - это отношение основано, собственно, на лжи. В то время как, с одной стороны, рабочий полагает, что он может достичь более здоровых условий жизни, требуя более высокой заработной платы, с другой стороны, всегда повышается цена товаров; и она будет повышаться до тех пор, пока хозяйственный кругооборот не будет эмансипирован от правого кругооборота политического государства. Все эти вещи могут быть поставлены на здоровый фундамент только при осуществлении трёхчленности.

Точно так же, когда будет понята необходимость самостоятельности духовной жизни, будет понята, что нет нужды создавать капиталистические предприятия как таковые, и что в том способе, каким в ходе Нового времени распоряжались капиталом, как его использовали, благодаря тому, что он стоит особняком в хозяйственном процессе, - в нём лежит причина того, что влияние этого капитала принесло столько бед, с которыми было связано так много страданий.

Необходимо понять: до тех пор, пока трудовой договор не связан с разделением того, что производится в совместной деятельности рабочего ручного труда и работника духовного труда, до тех пор, пока трудовой договор связан с вознаграждением за труд, - до этих пор это нельзя поставить на здоровое основание.

Единственно и только благодаря тому, что духовной жизни будет предоставлена её здоровая действительность, в каждом случае, где это необходимо, в отношениях между работником и духовным руководителем обнаружится, что там, где работник оказывается обманутым, он оказывается обманутым не просто, исходя из экономики, а он оказывается обманутым из-за того, что предприниматель использует свои индивидуальные качества, свои духовные качества неправильным, незаконным, недостойным человека образом. Рабочий эксплуатируется не посредством хозяйственной жизни, рабочий эксплуатируется посредством той жизненной лжи, которая возникает из-за того, что в сегодняшнем общественном организме индивидуальные способности могут быть использованы, как раз, для обмана рабочего, поскольку в рамках хозяйственного процесса они не видны с обеих сторон; в рамках же здоровой духовной жизни они будут видны и контролироваться обеими сторонами.

Как уже было сказано, я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что многое из того, что я здесь сегодня представил именно в отношении оздоровления социального организма, может противоречить тому, что утвердилось в душе пролетария. Мне это понятно. Я, ведь, не только руководил отдельными направлениями обучения в школе для рабочих, но и занимался с рабочими речевыми упражнениями. В упражнениях, направленных на тренировку речи, многое проявилось и со стороны самих рабочих, что показало, какую особую окраску, какой особый характер имеют требования современного пролетариата. Тут уже приобретает способность не только думать о пролетариях, как это делают принадлежащие к сегодняшним правящим кругам или прежним правящим кругам, - нет, приобретает способность мыслить

вместе с пролетарием. Это то, что я хотел сказать вам сегодня: мыслить вместе с пролетарием, а не только думать о нем!

Мыслить согласно своей воле, - я хотел бы, чтобы вы это поняли, - означает, что, вероятно, здесь или там можно было бы расходиться в отношении содержания мнений, что в сегодняшний всемирно-исторический момент не так важно, придерживается ли кто-то того или иного мнения, но важно быть согласным в том честном требовании, которое должно быть требованием современного пролетариата. Только благодаря привычке к такому согласию, в соответствии с честной волей, единственно благодаря этому, могут быть найдены зачатки пролетарского мировоззрения. Поскольку время только дискуссий прошло; прошло время, когда люди, которые хотят служить только своим интересам, могли говорить о понимании. Настало время, когда назревавшие десятилетиями, вырвавшиеся на поверхность требования современного пролетариата выступают на всемирно-исторический план, когда они становятся действительно самым важным, самым значительным событием Нового времени.

Социальным вопросом станет то, что образовалось из хаоса современной экономической войны, современной мировой войны, что долгое время, да, возможно, в будущем ещё больше, будет наполнять будущее. Не какое-то нереальное, не какое-то теоретическое решение, или попытку такого решения, я хочу вам сегодня представить; я хочу обратить ваше внимание на то, что пришло время, когда социальный вопрос уже присутствует здесь, когда люди в своём социальном взаимодействии должны разделиться на государственные, хозяйственные и духовные органы так, чтобы из этого здорового разделения смогло выйти непрерывное решение социального вопроса.

Социальный вопрос, после того, как он уже появился, не будет решён с сегодня на завтра; но поскольку он всегда будет, как жизнь постоянно создает новые конфликты, всегда должна быть и та структура человечества, которая честно стремится к разрешению конфликтов, возникающих в социальной жизни. Куда приведет исходный пункт современного пролетарского движения будет зависеть от того, постараются ли в самых широких кругах обратить внимание на то, что в таком дальнейшем развитии пролетарского мировоззрения будет заключаться будущее оздоровление. Собственно, он должен привести к тому, чтобы подняться над всеми оправданными требованиями вопроса о заработной плате, вопроса о хлебе, к тому мощному, всемирно-историческому обращению, которое перейдёт из сознания современного рабочего в то общее сознание человечества, которое, исходя из достоинства, из ощущаемого достоинства современного пролетариата, учредит то истинное человеческое достоинство для всех людей, которое другие до сих пор учредить не смогли.

В последующей за этим дискуссией высказывались многие ораторы. С заключительным словом выступил Рудольф Штайнер.

Рудольф Штайнер: Да, прежде всего, в связи с выступлением уважаемого первого оратора, я должен сделать что-то вроде принципиального замечания. Выступая, оратор часто оказывается в положении, когда он вынужден говорить так, что, собственно, непонятно, почему вещи, как это было сказано первым оратором, должны говорить только в такой форме, будто сказанное является опровержением того, что он сказал сам. Первый оратор говорил так, будто стоит перед необходимостью в каждой мелочи - пусть не в смысле содержания, но в смысле всей манеры выступления, - меня, собственно, победить. Я не в том положении, чтобы чувствовать необходимость его победить, но я должен сказать, что я считаю, что тот, кто внимательно меня слушал, не будет иметь ничего против того, что сказал первый оратор. Я в состоянии гораздо больше оценить, также и по содержанию, то, что он сказал, когда каким-то образом кажется, что он имеет в виду то, что я, собственно, хотел.

Но одно кажется мне важным в деталях. Странно, что первый оратор посчитал нужным подчеркнуть, что то, что я сказал, возникло из-за того, что я только говорил с рабочими, не действовал с ними вместе. Да, разумеется, каждый может действовать только в своей

области; но то, как я общался с рабочими, не позволяет сказать, что я только разговаривал с рабочими. Я также полагаю, что тому, кто, вероятно, более глубоко погрузится в то, чем была пронизана также и сегодняшняя лекция, будет понятно, что ко мне не обращались так многие годы, хотя я понимаю, что ко мне обращаются сегодня именно так. Только, я думаю, со мной не всегда так говорили по той простой причине, что рабочие в то время уже чувствовали, что то, что я должен был сказать, не говорится только исходя из простого разговора с рабочими.

Если для меня стало возможным говорить таким образом, как я говорил сегодня, то это воистину не нечто обученное. Поскольку, спросите себя: Кого, собственно, можно отнести к пролетариям? Того, кто может говорить с пролетариями, обращаться к пролетариям потому, что он пронизан своей судьбой, своей собственной силой для того, чтобы говорить так, как я могу говорить сегодня лишь как свободный оратор. Потому что в тех кругах, к обществу которых меня относят, со мной, обращались бы так же плохо, наверное даже, гораздо хуже, чем со мной обращались сегодня вечером здесь. Это всё же нечто иное, когда кто-то, как я, также соответствующим образом и пронизан этим; и я буду этим пронизан и дальше в продолжении той короткой жизни, которая будет в моём распоряжении. Я многие года был пронизан тем, что я говорил с пролетариями, что я работал с пролетариями, голодал с пролетариями. Я не «спрашивал у почтового служащего, сколько им надо денег, чтобы они при этом не голодали», я голодал вместе с ними. Потому что семья, из которой я вырос, находилась в гораздо худшем положении, чем, пожалуй, все те «почтовые служащие», которых можно сегодня об этом спросить. Я учился понимать пролетариев, не благодаря тому, что учился думать о нём, а благодаря тому, что сам жил с ними, что сам вырос из пролетариата³⁶, голодал с пролетариатом. На этом фоне уже тогда, когда я мог работать с рабочими в течение многих лет, чувствовалось, что я в состоянии говорить, исходя не из теории, а из соответствующей практики. Я думаю, что это также может дать основание для того, чтобы судить, есть ли у человека определённое право говорить с пролетариями или нет.

Это то, что я хотел бы сказать относительно этой первой вещи.

Далее, ведь, большая часть того, что затронул первый оратор, собственно, относилась не ко мне, а к интеллигенции. Да, даже председатель сказал: если кто-то может сказать, что интеллигенция облила его грязью, то это позволено и мне. В самом деле, если бы вы проследили за тем, как меня обливают грязью, и в особенности за тем, как эта грязь выглядит, вы, вероятно, не завидовали бы моему общению с интеллигенцией.

Это личное замечание; это вообще личное замечание. Но то, что обращено ко мне в качестве возражений, по сути обращено на меня лично, поэтому необходимо было сделать это замечание.

Затем, большая часть относилась, разумеется, не ко мне, а к студенчеству. Относительно последнего: Вы думаете я не осознаю, что идеал большей части сегодняшнего студенчества, в чём его по праву обвиняют, не достиг идеала самого низкого наёмного рабочего! Об этом, разумеется можно было бы говорить долго. Но, с другой стороны, и современный рабочий должен понимать, что, в конце концов, как из определённых обстоятельств сформировались другие классы людей, так из тех же обстоятельств сформировался и современный студент. Кто может непредвзято сравнить стремление в рамках современного студенчества с тем, с чем сталкиваешься внутри студенчества, - например, когда я сам ещё был среди этого студенчества, - тот скажет, что, относительно основательности, с которой современные профессора застряли на проявлениях гибели буржуазии, от чего, конечно, должно зависеть студенчество, относительно того, что светит в качестве примера для современного студенчества, относительно всех ростков в направлении к лучшему, которые восходят, как раз, в современном студенчестве, - относительно всего этого можно получить определенное удовлетворение. Совершенно определенно - даже если сегодня эти вещи выглядят так, будто студенчество сидит на спинах рабочих, - из студенчества выйдет, я думаю, даже очень большое количество сотрудников в борьбе за социальные идеалы. Студент сегодня должен

³⁶ Отец Рудольфа Штайнера был телеграфистом на Австрийской Южной железной дороге. См. Рудольф Штайнер, «Mein Lebensgang» («Мой жизненный путь») GA 28, глава I.

многое преодолеть. Нельзя забывать, насколько прочно железо зажимов, которые его держат. Недавно у меня было множество возможностей поговорить с молодыми студентами о вещах, которые, возможно, далеки от их непосредственных идеалов, но близки к тому, что сегодня вообще должно развиваться в качестве здоровой духовной жизни из больной духовной жизни. Я знаю, какая в юности восприимчивость к обновлению духовной жизни. Но я также знаю, как велик соблазн, когда энтузиазм молодых людей, получивших диплом и вынужденных искать работу в современном буржуазном обществе, остаётся позади, как близок тогда соблазн, снова завязнуть в болоте филистерства, мещанства.

Конечно, мы не придём к окончательному решению того, на что мы надеемся и к чему стремимся с сегодня на завтра. Но надо всё же осознать, что повсюду там, где есть такая страсть, такое разумное стремление к тому, чего справедливо требует современный пролетарий, это нельзя подавлять посредством фанатического, догматического сваливания всего в одну кучу. Я всё же считаю, что это догматическое, по крайней мере в определенной степени, - пусть в современной борьбе выбираются и не слишком умеренные средства, - должно уступить настрою, о котором я говорил в этой лекции: что не так важно наличие различия мыслей, сколько наличие единства честной воли.

Теперь спросите-ка, сколько из тех, о ком вы говорите, что они сидят на чьей-то спине, зависят от обстоятельств, в которые поставлен современный студент, а с другой стороны спросите также, сколько честной воли действует, как раз, в сегодняшней молодежи. Лучше заботиться о ней, нежели парализовать эту молодёжь, позволяя упасть ей в догматическое.

Что касается того, что сказал второй оратор, я могу сказать следующее: Я согласен с тем, что прозвучало тут, слева, что, по сути, это не так уж и отличается от того, что сказал я сам; и я не слишком настаиваю на том, что об этих вещах говорили именно так, как говорю я. Если, скажем, что-то сегодня может помочь улучшению ситуации, я только рад. И я не хочу быть столь резким в отношении многого из того, что ещё было сказано вторым оратором; я просто хотел бы кое-что поправить, что, тем не менее, свидетельствует о том, что этот оратор воспринял эти вещи не совсем точно. Например, на моё указание на то, что я много лет преподавал в школе для рабочих в Берлине, он отреагировал тем, что сказал: Ну, это же был только либеральный образовательный союз. - Я ясно сказал, что это была школа для рабочих, которую основал старый Либкнехт, Вильгельм Либкнехт! Я не думаю, что Вы приписываете старому Либкнехту то, что он основал какой-то произвольный образовательный союз для рабочего класса, который в то время был бы не принят рабочим классом. Слушателями там были люди вовсе не из «обычных буржуазных либералов», а только из пролетарских кругов, только рабочие, организованные банком социал-демократы!

Так что я думаю, что и некоторые другие сказанные мною слова, как раз, этим оратором не были поняты правильным образом, как я, собственно, хотел, и как это всё же можно понять, если с самого начала нет предубеждения, и не только тогда, когда другой человек имеет другое мнение, но даже тогда, когда он в несколько иной форме высказывает то, что думает сам, поскольку считает, что в этот момент всемирной истории необходимо, чтобы вещи рассматривались в более широком охвате, и поскольку считает, что сегодня можно назвать практиком не каждого, кто судит только по тому, что находится ближе всего, а что истинным практиком является тот, кто охватывает мыслью более крупные обстоятельства.

Что касается взгляда на вопрос о «Призыве», где было указано, что это почти дословно соответствует тому, что я сказал вам сегодня вечером, - то вы, ведь, не удивитесь, поскольку слышали, что этот «Призыв» написан мною, тому, что когда я говорю что-то здесь или там, то есть, когда я, например, обращаюсь к буржуазии, то это должно звучать иначе, нежели я говорю здесь.

Выкрик: Или везде одинаково, или...

Так я, как раз, об этом и говорю: я говорю: в этом «Призыве» стоит то же самое, что я сказал здесь. В этом «Призыве» нигде не стоит ничего другого по сравнению с тем, что я сказал здесь.

Для меня важно, чтобы то, что я говорю, было правдой в моем понимании, и я буду говорить правду везде, где мне позволено говорить эту правду. Я говорю только правду, это для меня главное. Это то, что я должен сказать в этом отношении. Я никого ни от чего не отлучаю, если он может объединить это со своими убеждениями и сказать «да» тому, что говорю я сам. Поскольку я верю, что единственный способ добиться чего-либо - это говорить правду, не заботясь о том, какое впечатление она произведет на людей, подпишутся они под ней или нет. Это то, что я хотел сказать об этом.

И теперь я хотел бы отметить в заключение ещё кое-что, что относится к тому, что сказал следующий оратор: Будто я ничего не сказал о способах борьбы. - Но из моих слов вы везде можете понять, что я, собственно, думаю об этих способах борьбы. Я думаю, что достаточно указывал на то, что я не считаю, что сегодня может иметь значение какое-то поверхностное понимание, или как бы красиво ни назывались такие вещи. Сегодня мы вступили в стадию фактов, когда фактически невозможно ничего иного, кроме как прийти не к просто пустым воззрениям о том, как должны измениться вещи, а к воззрению, которое позволит проникнуть в души людей новым мыслям. Поскольку старые мысли, как раз, показали, какой социальный порядок они могут установить, и этим эти старые мысли предоставили доказательство своей бесполезности. Поэтому я считаю, что, прежде всего, для самого что ни на есть начального практического важно, чтобы те, кто обладают честной социальной волей, пришли к соглашению о том, что может произойти.

Сегодня в Швейцарии мы ещё находимся в условиях, - не знаю, сказать «слава Богу» или «к сожалению», - не похожих на условия Центральной и Восточной Европы. Ведь, Центральная и Восточная Европа стоят в условиях, с которыми действительно можно справиться, только посредством опоры на первичные идеи социального организма. И если не сделать попытки сначала обсудить фундаментальные вопросы в самом пролетариате, вопросы о том, как выйти из этого хаоса через самые простые организации, которые, однако, по моему мнению, должны носить характер этой трёхчленности социального организма, - если путём создания новых организаций, основанных на новых идеях, оздоровление не произойдёт среди самого пролетариата, то я вообще не вижу никакого спасения на десятилетия вперед.

Прежде всего необходимо начинать с того, что, вероятно, покажется вам несущественным пунктом: прежде всего мы должны понять, что мы имеем дело не только с буржуазными учреждениями и буржуазными условиями, но что мы имеем дело с буржуазной (бюргерской) наукой.

Я сказал это в берлинском Доме профсоюзов шестнадцать лет назад, и это было правильно понято даже внутри пролетариата. Перед пролетариатом ещё стоит задача сначала вытеснить из своего мышления то, что в нём есть из буржуазной науки, и создавать какие-либо учреждения не в смысле этой буржуазной науки, а в смысле, как раз, того нового мышления, которое может быть найдено, вероятно, только пролетариатом, поскольку пролетариат эмансипирован от всех прочих человеческих отношений, внутри которых, к сожалению, стоят буржуазные (бюргерские) люди.

Поэтому прежде всего речь сегодня идёт о том, чтобы осуществилось то, что, вероятно, покажется вам несущественным, - эмансипацию духовной жизни, развитие свободы в духовной жизни. Если мы придём к тому, чтобы иметь действительно свободную духовную жизнь, если мы придём к тому, что наука, приносящая дань капитализму, не сможет задавать тон, в том числе и в кругах пролетариата, только тогда мы встанем на путь к выздоровлению. Я хочу не сужения, в буржуазном смысле, я хочу не сужения, а, как раз, расширения пролетарских задач.

И у меня есть твёрдое убеждение, - сколько бы не возражали люди, вроде второго оратора, говорящие с точки зрения, которую я вполне понимаю, но которые не понимают

того, что сказал я, - у меня есть твёрдое убеждение, приобретенное долгой жизнью среди пролетариата, что то, что я сказал, вначале будет понято не другими классами, а именно пролетариатом. И, к сожалению, надо ждать, пока пролетариат это поймёт. Но я думаю это может быть понято.

И в этом смысле, я хотел бы сказать, что я могу также с некоторым удовлетворением оглянуться назад на то, чего я хотел добиться этим вечером. Я воистину не хотел убеждать вас во всех подробностях, вплоть до каждого слова. Я слишком уважаю для этого вашу личную свободу; я слишком уважаю свободное согласие каждого. Но я верю, что многие из вас будут думать о том, что я сказал, иначе, чем вы думали ещё сегодня. И эта вера является тем, что, как я полагаю, относится к оздоровлению социального организма.